

18+

Сергей Быльцов

БОГИ И ГЕРОИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

ЭНЕЙ

ГЕРОИ. СКИТАЛЬЦЫ

Сергей Быльцов

**Эней. Боги и герои
Древней Греции**

«Издательские решения»

Быльцов С.

Эней. Боги и герои Древней Греции / С. Быльцов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-651300-6

Эней является героем одновременно греческих и римских мифов, и потому в этой книге наряду с греческими богами, рассказано и о римских. Эней — человек Судьбы. Узнав о том, что ему уготовано Парками, он помогает своей Судьбе сбыться. Основными его чертами были благочестивость и деятельная покорность Року, и это делало его особенным среди греческих героев, которым была присуща, как беспримерная доблесть и огромное мужество, так и непомерная гордыня и дерзость в том числе по отношению к богам.

ISBN 978-5-00-651300-6

© Быльцов С.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	7
Часть I. Введение	8
Греческие боги	8
1. Генеалогическая схема греческих богов	8
2. Космические божества греков	10
3. Греческие боги I поколения	12
4. Греческие боги II поколения	13
5. Титаны и Титаниды древних греков	14
6. Олимпийские боги III поколения (дети Крона)	15
7. Олимпийские боги IV поколения (дети Зевса) и Афродита	17
Римские боги [38], [39], [42]	20
8. Многочисленность римских богов	20
9. Другие особенности римских богов	20
10. Переезд богов в Рим	21
11. Древние римские боги	22
12. Янус	23
Римские боги «существующие вместе»	26
13. Греческое влияние на римскую мифологию	26
14. Юпитер	27
15. Юнона	29
16. Нептун	30
17. Церера	31
18. Веста	32
19. Диспатер	34
20. Вулкан	35
21. Минерва	35
22. Меркурий	36
23. Диана	37
24. Феб	38
25. Марс	39
26. Венера	41
27. Вакх – Бахус – Либер	42
Низшие римские божества [38], [39], [42]	44
28. Эскулап	44
29. Фатум и фаты	44
30. Парки: Нона, Децима и Морта	45
31. Фортуна	46
32. Гении и юноны	48
33. Пенаты	50
34. Лары и Маны	51
35. Лемуры	52
36. Фавны и Сильваны	53
Люди	56
37. Поколения людей [5], [19]	56
38. Полубоги	57

39. Герои	58
40. Гордыня героев	59
41. Герои – скитальцы	59
Часть II. До Энеиды	61
Происхождение Энея	61
42. Родословное древо Энея и троянских царей	61
43. Зевс по совету Метиды решает зажечь Афродиту желанием взойти к человеку на ложе [8]	62
44. Зевс подзадоривает Эроса влюбить мать в смертного	64
45. Афродита в образе фригийской царевны сочетается с Анхисом [8]	66
46. Киприда предстает богиней и рассказывает Анхису о их сыне Энее [8]	67
47. Зевс поражает молнией Анхиса за хвастовство, и ноги его больше не держат	68
48. Детство и молодость	69
49. Свадьба с Креусой	70
Самый знаменитый троянский защитник, сбежавший от смерти [6]	72
50. Троянская война	72
51. Причины Троянской войны	73
52. Ахилл, опустошая окрестности Трои, преследует Энея	74
53. Обиженный Ахилл оставляет сражения, и выдвигается Диомед	76
54. Диомед ранит Энея	77
55. Диомед ранит Афродиту	78
56. Феб просит Аррея изгнать Диомеда из боя	79
57. Арес возбуждает Гектора, а Феб усиливает Энея	80
58. После гибели возлюбленного Патрокла Ахилл вновь начинает сражаться	81
59. Феб поднимает против Ахилла Энея	82
60. Поединок Энея с Ахиллом	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Эней

Боги и герои Древней Греции

Сергей Быльцов

© Сергей Быльцов, 2025

ISBN 978-5-0065-1300-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Эней является героем одновременно греческих и римских мифов. Поэтому в этой книге, единственной из серии «Боги и герои Древней Греции» во «Введении» наряду с кратким изложением сведений о греческих богах, рассказано и о римских богах и божествах.

У римлян в отличие от греков было чрезвычайно много богов (около миллиона) и потому достаточно подробно описаны лишь основные римские боги и божества, а также встречающиеся в «Энеиде» Виргилия, составляющей основу книги «Эней». Во второй части «До Энеиды» употребляются в основном греческие имена богов, а в третьей и четвертой частях – римские.

При классификации героев по роду деятельности Энея можно отнести к героям – воинам, т.к. его считали вторым по значению защитником Трои после великого Гектора и героям-скитальцем, поскольку он более семи лет провел в скитаниях по землям и морям прежде, чем попал в Италию, где ему еще пришлось опять воевать.

Если Акрисия и Эдипа, узнавших о своих судьбах и пытавшихся бороться с Роком, можно назвать героями – рокоборцами, то Эней – герой – антирокоборец, или, как говорят некоторые – Человек Судьбы. Эней, узнав оракулы о том, что ему уготовано Мойрами-Парками, активно помогает своей Судьбе сбыться. Отчасти это можно объяснить тем, что Доля, предначертанная ему – желаемая для любого человека – основать новый город и стать основоположником великого рода, представителям которого в течение столетий суждено править одной из величайших империй в мире, оставившей неизгладимый след в истории человечества. Рокоборцу Акрисию же была предначертана смерть от руки потомка, а Эдипу – убийство отца и женитьба на матери, что считалось самыми тяжкими преступлениями.

В греческой мифологии Эней является второстепенным персонажем, значительно уступающим по популярности не только величайшему и любимейшему герою Эллады Гераклу и афинскому герою-царю Тесею, но и многим другим: Ахиллу и Гектору, Ясону и Одиссею... Однако в Риме «Энеида» постепенно затмила даже великие «Илиаду» и «Одиссею», хотя эти поэмы Гомера были образцом для Виргилия, который взял и сюжет в целом, и огромное множество конкретных эпизодов у своего гениального предшественника.

В Риме своих героев, в отличие от богов, было совсем мало, да и те были связаны с изначально греческим героем Энеем, это: Турн, Сильвий, Латин, Нумитор, Амулий, Рем и Ромул. Главными чертами эллинских героев, особенно героев в прямом смысле слова – богоборцев, истребителей чудовищ и воинов, были с одной стороны беспримерная доблесть и огромное мужество, с другой – непомерная гордыня и дерзость. Ни теми, ни другими качествами традиционных героев в достаточной степени Эней не обладал, его основными чертами были благочестивость и активная покорность Року, и это делало его особенным среди греческих героев.

Римлянам нужен был как раз такой герой, как Эней, для них благочестие и чувство долга, т.е. привязанность к богам, верность государству, любовь к родичам и, особенно к родителям были высшими добродетелями.

Часть I. Введение

Греческие боги

1. Генеалогическая схема греческих богов

Песнопевец Гомер, осененный мудростью свыше, в двух своих прославленных поэмах впервые дал имена и прозвища многим эллинским богам, разделил среди них почести и круг деятельности, описал их внешность и отношения между ними.

Гесиод уже в ранней юности вдохнувший дар божественных песен в знаменитой «Теогонии» впервые систематизировал разноречивые песни о богах и связал их в единое генеалогическое древо, начиная от первозданного Хаоса и кончая олимпийскими богами с их владыкой Зевсом и разной божественной чернью.

Некоторые, подобно Ксенофану, говорят, что всё, что есть у людей бесчестного и позорного, в том числе зависть, прелюбодеяние, коварство и обман впервые приписали богам именно Гомер и Гесиод, воспевшие славу Эллады.

Чтобы представить генеалогическую взаимосвязь греческих богов и охватить ее единым взглядом, основные боги и родственные связи между ними изображены на одном листе. Такая таблица не может быть однозначной, поскольку сами родословные отдельных богов у разных древних авторов не редко сильно отличаются.

Генеалогическая схема богов не может быть так же полной поскольку невозможно уместить имена всех известных богов на одном листе. Только общеэллинских богов наберется несколько сотен, даже, если не раскрывать имена больших групп божеств, таких как 9 Муз сладкоголосых, среброногих 50 Нереид, 150 чудовищных Гигантов, 3000 цветооких Океанид и столько же их струящихся братьев Потамов.

Космических божеств мифологи обычно не выделяют в особую группу, однако, для того чтобы понять откуда взялись боги вообще и в частности боги I поколения, это сделано. Среди них наиболее важная роль в книге отведена дочерям всемогущей богини Необходимости Ананке Мойрам, олицетворяющим непостижимо таинственный Рок и Могучую Судьбу. В орфических гимнах богиню Необходимости считали дочерью Афродиты Урании, что мало обоснованно, ведь философы отводят Ананке и Мойрам чрезвычайно важную роль в мироздании.

Самыми многочисленными и могучими богами были 12 (магическое число) древних Титанов (Младших Уранидов), их дети и внуки, олицетворявшие природные стихии, однако в результате грандиозной десятилетней войны – Титаномахии, они были побеждены новыми богами, обосновавшимися на Олимпе. Олимпийские боги по рождению являлись тоже Титанами, но после ужасной для всех Титаномахии они стали противопоставлять себя Древним Титанам, которых считали дикими. 14 олимпийских богов – это главные боги греческого пантеона. 6 олимпийских богов – Уранидов принадлежат к богам III поколения, 7 олимпийских богов – это дети Зевса, они относятся к богам IV поколения и 14-я олимпийка – Афродита – богиня II поколения. Греческих богов можно четко систематизировать по разным признакам, например, по генеалогическому, по роду деятельности, по местам обитания.

При этом, олимпийские боги – не творцы Вселенной и не создатели мира, они сами некогда появились и, значит они только *почти* всемогущие и *почти* бессмертные. Олимпийцы управляют миром, но и сами подчиняются основным законам природы, олицетворением которых является богиня Необходимости Ананке и ее дочери Мойры. Имена Олимпийцев, играю-

щих в античной мифологии центральную, определяющую роль, на схеме выделены крупным жирным курсивом.

В любом генеалогическом древе очень важна его непосредственная компоновка, особенно, если древо большое. Предлагаемое расположение богов является оригинальным. Как видно, каждое из поколений богов расположено вдоль своего горизонтального ряда. Поэтому блок олимпийских богов разделен на 2 части – одна расположена в горизонтальном ряду богов III поколения (6 Титанов, детей Крона и Реи: Зевс, Аид, Посейдон, Гера, Демера и Гестия), а другая – в ряду богов IV поколения (7 детей Зевса: Аполлон, Артемида, Арес, Афина, Гермес, Гефест и Дионис). Четырнадцатая олимпийская богиня Афродита выделена, как и остальные олимпийцы, шрифтом и находится на своем месте – в блоке Старших Уранидов – богов II поколения.

и Ананке, являясь воплощением этих законов, строго начала следить за их соблюдением и за Миропорядком.

Миропорядок зиждется на законах природы, над которыми даже олимпийские боги не властны. Однако не только богам, но и людям была предоставлена свобода воли. Пользуясь не благоразумно свободой выбора, и боги, и люди могли погубить не только себя, но и землю. Например, безрассудный сын Солнца Фаэтон, не сумел справиться с огненными конями отца и чуть не сжег всю землю, приблизившись к ней слишком близко на огненной колеснице. Сам Зевс испугался: как бы пылать от стольких огней не начал бы неба священный Эфир и Длинная Ось Мировая не зажглась бы. Вспомнил Владыка Олимпа, как непреложные Мойры вещали, что некогда время наступит, когда море, земля и небесный дворец загорятся, – гибель будет грозить всей дивнослаженной мира громаде. На коленях Ананке вращается Мировое Веретено, ось которого – Мировая Ось с полюсами на концах, и никогда не дремлющие дочери Ананке Мойры, ее наместницы на земле, днем и ночью следят за соблюдением богами и людьми установленного Миропорядка.

Первоначально Мойра означала «часть», затем – предназначенный человеку срок жизни, который связан со смертью так же естественно, как и рождение, и только потом Мойрой стали называть Участь, Удел, Долю. Поэтому вначале считалось, что Мойра есть у всех людей, и она только одна, впоследствии стали говорить о трех Мойрах, связанных с рождением, жизнью (периодом между рождением и смертью) и смертью человека.

Гомер поет, что Мойра – это Доля, Судьба, это Участь и смерть человека и, что Судьбы не избег ни один земнородный муж, ни отважный, ни робкий, как скоро на свет он родится. Пред Мойрой и сами боги трепещут.

Мойры чужды, как жестокости, так и жалости; они не испытывают никаких чувств и знают лишь необходимость и неизбежность. Мойры – это, прежде всего, богини закономерности и их главная обязанность – поддержание незыблемого Миропорядка как на земле среди людей, так и среди богов на небесах.

Старшей дочери богини необходимости Ананке Мойре Лахесис (Ткачихе) часто необходимо встречаться с богами, владевшими небом высоким и с людьми, для смерти рожденными и потому по совету своей великой матери она приняла облик младежки, чтобы в нее никто никогда не влюблялся. Младшие сестры Лахесис очень редко бывали на земле и на блистательных высях Олимпа, тем не менее, чтобы их различали, Клото (Пряха) выбрала облик зрелой красавицы, а Атропа (Неизбежная) – юной девы.

Клото вытягивает нити жизни из Веретена, лежащего на коленях Ананке в момент появления ребенка на свет. У одетой в белоснежные одежды зрелой красавицы Пряхи на голове, как и у ее сестер, водружена ромбическая серебряная корона, в левой руке у нее находится алмазный жезл вечности, а в правой – веретено Ананке, с которым она никогда не расстается.

У Лахесис (дающая жребий), высокой статной старухи с молодыми глазами, есть постоянно меняющийся шар, на котором она намечает Участь каждого человека и бога. Кроме того, у нее есть сверток с наиболее важными предопределениями Судьбы – колечками, которые она нанизывает на нити Судеб богов и людей.

Говорят, по указанию богини Ананке боги судили всесильные, человекам несчастным, жить на земле в огорчениях: бессмертные одни беспечальны. Людям же Лахесис вешает такие колечки на нити жизни, что на каждое счастье им обязательно два или три несчастья приходят.

У Мойры Атропос, имеющей облик юной девушки в первом цветении, есть золотые весы для взвешивания жребиев, солнечные часы для точного определения момента смерти и алмазные (алмазные) ножницы, с помощью которых она перерезает нити жизни, если они не обрываются сами в конце установленного для каждого смертного срока. Как только наступает смерть, нить жизни в непрерывно ткущемся полотне Судеб навсегда исчезает. Атропос,

несмотря на облик юной девушки, очень ответственно относятся к своему делу. Среди своих непреложных сестер эта юная дева самая непререкаемая и потому ее имя означает Неизбежная.

Гесиод поет, что тяжело карают Мойры и мужей, и богов за проступки, и никогда не бывает, чтоб тяжкий их гнев прекратился раньше, чем полностью всякий виновный отплату получит.

Плиний Старший говорит, что во всем мире люди призывают единую Судьбу. Ее одну обвиняют, ей одной вменяют все что происходит, о ней одной только и думают, ее же одну восхваляют и осыпают упреками. Она одна заполняет оба столбца – расходов и доходов – во всей ведомости человеческой жизни. До такой степени мы подчиняемся всемогущему непостижимому разумом Року, что и боги по сравнению с ним не столь уж важны.

Зевс в «Зевсе уличаемом» Лукиана говорит: ничто не случается без воли Мойр, но все возникшие имеет такую Судьбу, какая предназначена их пряжею. На вопрос: равны ли могущественные и таинственные Рок, Промысел и Судьба трем непреложным Мойрам, Зевс уклоняется от ответа, объявляя этот вопрос хитрым, взятым у проклятых софистов. Софисты же говорят, что боги находятся в таком же рабстве, как и люди, и служат тем же властителям Мойрам. При этом, он добавляет, что положение бессмертных богов гораздо хуже человеческого: людям хоть смерть дарует некоторую свободу, а несчастье богов беспредельно, и их рабство, навитое на большое веретено Ананке, будет длиться вечно.

Младшая сестра Ананке Тюхе, (случайность) – космическое божество, олицетворяющее неустойчивость и случайность мира, делающие его принципиально непредсказуемым.

Цицерон в трактате «О природе богов» говорит, что образование неба и земли произошло по природе без всякого воздействия извне, но вследствие некоторого случайного стечения.

Над Случаем не властен даже Рок, т.е. и всемогущие Мойры.

Некоторые подобно Еврипиду, говорят, что Случай, как глубоко ни спускайся, сиюсь постичь смертных природу, ты – видишь только, что он туда и сюда нами играет. Тут утонул ты, а вынырнул там, и Судьба над любимым расчетом глумится.

Так же и Аполлодор Каристийский в «Писаре» восклицает:

– О род людской! Оставив жизнь приятную, почто лишь об одном вы все заботитесь – воюя меж собой, всегда вредить себе? Иль, может быть, богами нашей нынешней поставлен править жизнью некий Случай-бог, невежда дикий, ни добра не знающий, ни зла, и слепо наугад катящий нас куда придется?

Говорят, что у богини случая Тюхе есть незаконнорожденный (потому, что она никогда не была замужем) сын Кайрос (Счастливый случай или Благоприятный момент). Кайрос, похож на неуловимый миг удачи, который всегда возникает неожиданно, и поэтому им очень трудно воспользоваться.

Квинт Гораций Флакк советовал друзьям, урвать хотя бы часок, пока благосклонен к ним Счастливый случай. Упущенный же Благоприятный момент почти никогда не повторяется.

3. Греческие боги I поколения

Через установленное жутколиккой Ананкой время родилось первое поколение богов: Всепобеждающий Эрос (Притяжение), Гея (Земля), таинственная черная Нюкта (Ночь), мрачный Эреб (Мрак) и бездонный Тартар (Бездна).

Эрос был всеобъемлющей силой притяжения между всеми первоначалами, своего рода Творец – Демиург. Эрос, возникший на заре мироздания, исключал то, что впоследствии стали понимать под словом «любовь». Эрос стал одним из родителей крылатого крошки-бога Эрота (Любовь). Матерью Эрота стала богиня любви и красоты Афродита, а отцом бог кровавой войны Арес. Эрос же, занявший место творца, соединял и разъединял, но сам не ощущал ни

красоты, ни безобразия, он был безличным божеством, одним из законов Фюсис (природы), которая всем управляет.

Богиня Гея стала прародительницей земной поверхности, гор, лесов, морей и рек, а также богов, людей и зверей. Широкогрудая Гея, по замыслу богини Необходимости Ананке должна была дать всеобщий безопасный приют всем своим многообразным чадам и сыграть важнейшую роль в процессе создания живой природы.

После Геи – земли родились ее младшие братья ужасный Тартар бездонный и всегда угрюмый Эреб. Тартар – это глубочайшая бездна, находящаяся под царством мертвых, глубоко в недрах Земли.

По Гесиоду, именно в Тартаре вдали от бесплодной пучины морской, и от звездного неба все залегают один за другим и концы, и начала, страшные, мрачные. Даже и боги перед ними трепещут. В Тартаре, говорят, залегают Пуп земли, через который проходит Мировая ось и корни земли и горько-соленого моря, здесь сосредоточены все концы и начала.

Эреб по понятиям многих древних греков занимал промежуточное место между ужасным Тартаром, находящимся глубоко под землей и Аидом, безмолвным царством бесплотных теней. Аид был мрачным по сравнению с солнечным миром, но мрак Эреба был более густой и тягучий.

Вместе с Эребом из Хаоса родилась чернокрылая беззвездная и безлунная Ночь – Нюкта. Иногда таинственную богиню Ночи называют Ахлидой (тьма). Нюкта таинственна, она источник высших, вечных тайн, но эти тайны постепенно раскрываются так же, как на смену ночи приходит сияющий день.

Гомер признает Ночь настолько великой богиней, что даже Зевс перед ней благоговеет: Он постоянно боялся, как бы ни вызвать неудовольствие быстрой Ночи. Смертные боятся черной таинственной Ночи, в темноте может скрываться неведомая опасность, и потому полная чернота вызывает ужаснейший страх.

Согласно Гесиоду, Гея, прежде всего, родила широкое Звездное Небо – Урана, чтоб он покрыл ее всюду, и чтобы прочным жилищем служил для вновь рожденных богов. Также еще без влечения любовного родила она Понт – шумное море бесплодное. Уран и Понт, рожденные Геей из себя – без участия отцов, стали ее первыми мужьями.

Небо объемлет землю и море, окружает все, что в водах морей и на суше. Потому и название ему – небосвод (затвердевший воздух), граница природы, простирающаяся над миром.

Орфики в гимне называют Всеродителя Урана, не крушимой частью мироздания, старшим в роду, и началом всего и всему завершёнem. Куполом он над землей простерся, дом всеблаженных богов. Главной чертой первого сына, рожденного без отца и первого супруга Геи, была его огромная плодовитость – более полусотни могучих детей. С нежностью глядя с небесной высоты на спящую мать, Уран пролил на ее промежности оплодотворяющий дождь, и она породила травы и деревья, а также зверей, рыб и птиц.

Понт не был так плодovit, как Уран, и бесплодным Гесиод, который почитается бессмертными Музами, называет Море, по сравнению с Небом.

4. Греческие боги II поколения

Эрос сладкоистомный зажег в угрюмом Эребе тусклый огонь желанья, и он взошел на обширное черное ложе Нюкты, родившей ему множество прекрасных, хоть и мрачных детей, таких же как их отец. Первыми были Гемэра (Светлый день) – богиня дневного света и Эфир (Горный чистейший воздух). Дочь Нюкты Ахлида (Тьма) породила также двух близнецов – бога сна Гипноса и бога смерти Танатоса. Гипнос был спокоен, тих и благосклонен не только к могучим богам, но и к бессильному, жалкому роду людей, он им страх перед неминуемой смертью спасительно из спящей души удалял и всякому горю по ночам приносил свое утеше-

ние. У Танатоса из железа душа и в груди беспощадной – истинно медное сердце. Кого из людей Смерть схватит, тех уж никогда не отпустит назад, и богам она всем ненавистна, и сон, который приносил Танатос, вечным был, беспробудным.

Ночь родила так же бога Гераса – горькую, дряхлую Старость, несущую смертным одни беды. Нюкта, тайн вечных источник, породила суровую Немесиду – крылатую богиню справедливого возмездия за злобу, греховность и спесь, и Гибрис – могущественную богиню высокомерия, воплощение непомерной гордыни и чрезмерного самолюбия. Грозную Эриду (Ссора, Раздор, Состязание) породила так же Ночь. С богиней Вражды дружат бог зависти Зелос, богиня ревнения Горма, богини тихого помрачения ума Ата и бешеного безумия Лисса, и богиня обмана Апата.

Гея и Понт породили Старца морского Нерея, ненавистника всякой лжи, правдолюбца, Тавманта (Морские чудеса), Форкиса (Бурное море), Кето (Пучина) и Эврибию.

Гея, отдавшись объятиям страстным, сопряглась с ужасным бездонным Тартаром, который ее давно домогался, и родила в Киликии от него еще более ужасного, чем отец, беззаконного силой великана Тифона и прекрасноланитную змедеву Ехидну, которые стали родителями целого сонма богов – чудовищ: двуглавого пса Орфа (рассвет) и трехглавого адского пса Кербера, Лернейской Гидры, Немейского льва, Колхидского дракона, певицы ужасов Сфинкс и трехтелой огнедышащей Химеры.

От плодovitого Неба – Урана Гея родила сначала трех одноглазых великанов Киклопов (круглоглазые) – Арга (Сияющий перун), Бронта (Гром) и Стеропа (Сверкающая молния). Такие имена им были даны вещими Мойрами потому, что в далеком будущем им предстояло стать ковачами перунов, громов и жгучих молний для великого Зевса.

Также еще родила широкогрудая Гея Урану трех огромных и мощных сынов, несказанно ужасных, – Котт (гневный), Бриарей (могучий) крепкодушный и Гиес (землеродный) были надменные чада. Целою сотней чудовищных рук размахивал каждый около плеч многомощных, меж плеч же у тех великанов по пятьдесят поднималось голов из туловищ крепких и звали их Гекатонхейрами (Сторукими).

Гесиод поет, что к Бриарею, Котту, и Гиесу с первого взгляда в сердце родитель Уран почувал вражду и в оковы их ввергнул, мужеству гордому, виду и росту сынов удивляясь. В недрах полногрудой земли поселил их в оковах насильно жестокосердный родитель. Горестно жизнь проводили они глубоко под землей, возле границы пространной земли, у ее предельного края, с долгой и тяжкою скорбью в сердцах, мучаясь в жесточайших страданиях.

5. Титаны и Титаниды древних греков

Наконец Гея рождает тайком от Урана 6 милovidных девочек, светлооких, святых: благосклонную Тефию (мать, бабушка), блаженную Тейю, Фебу, Мнемосину с локонами густыми, Фемиду и Рею и 6 мальчиков-владык густоволосых по имени Океан, Гиперион, Кей, Крий, Иапет и Крон.

Это были младшие Ураниды, которых люди прозвали так же Древними Титанами или Титанами первого поколения.

Седой Океан, самый миролюбивый и древний из Титанов, олицетворял великую мировую реку, омывающую всю обитаемую землю – Ойкумену. Божественный Орфей (исцеляющий светом) пел, что первым положил начало браку прекраснотекущий Океан, который взял в жены единоутробную сестру Тефию. Они стали самыми плодovitыми богами, породив 3000 дочерей – Океанид среброногих и столько же Потамов – речных богов.

Солнечный Титан Гиперион (Идущий по верху) со своей сестрой Тейей породил всевидящего бога солнца Гелиоса, сверкающий серебром глаз ночи – богиню Луны Селену и розо-перстную богиню утренней зари Эос.

Горный Титан Кей был воплощением небесной оси, вокруг которой вращаются облака и ходит по небосводу Гелиос. Кей с сестрой Фейбой стали родителями матери Аполлона и Артемиды величайшей скромницы Лето и Астерии, матери могучей подземной богини и волшебницы Гекаты, трехликой девы перекрестков.

Другой горный Титан Крий стал отцом звездного Астрея, породившего ветры, и Перса, приемного отца Гекаты и Палланта, которому ужасная Океанида Стикс родила богиню победы Нику, а также Кратоса (Сила), Бию (Мощь) и Зелоса (Зависть).

Древний Титан Иапет знаменит своим свободолюбием и сыновьями Атлантом, Менетием, Прометеем и Эпиметием, которых ему родила либо одна из Океанид стройноногих Климена или Асия, либо, согласно отцу трагедии Эсхилу – Титанида Фемида еще до того, как вышла замуж за Зевса.

Жестокосердный, хитроумный Крон вместе со своей сестрой и супругой Реей по непрекаемой воле Мойры Лахесис стали родителями шести прекрасных богов третьего поколения Посейдона, Аида, Геры, Деметры, Гестии и Зевса. Этим богам вместе с семьей детьми Зевса Аполлоном, Аресом, Артемидой, Афиной, Гермесом, Гефестом и Дионисом и Афродитой, было предназначено непреложными Мойрами стать могучими олимпийскими богами и повсюду утверждать мировой порядок и вселенскую гармонию.

6. Олимпийские боги III поколения (дети Крона)

Первый коронованный правитель богов Крон, опасаясь, что собственный ребенок лишит его царской власти, как он отнял верховное владычество у своего отца Урана, стал проглатывать всех своих детей сразу после рождения. Поскольку убить собственных бессмертных детей Крон не мог, то он хитроумно решил, что его утроба будет для них самой надежной темницей и стал их глотать бессердечно. Однако последнего новорожденного ребенка Рея по мудрому совету матери Геи сумела спасти, положив на колени мужу подходящий по размеру и форме камень, завернутый в пеленку, который тот и проглотил. Крон не мог даже подумать, что остался сын его, названный Зевсом, невредимым и, что скоро верх над отцом ему взять предстояло по непреложному предначертанию Мойры, с трона низвергнуть и стать самому над всеми богами безраздельным владыкой.

Рея же обмыла новорожденного Зевса в реке Неда и передала Гее, и его восприяла Земля-великанша, чтобы на Крите широком владыку вскормить и взлелеять. С помощью матери возмужавший Зевс под видом виночерпия проник в царский дворец отца и подмешал в медосладкий напиток Крона зелье, приготовленное Океанидой Метидой из травы, напоминавшей горчицу, и ничего не подозревавший Крон тот напиток испил. Съев коварную пищу и выпив напиток, он крепко заснул, громко храпя так, что небо, лежащее на земле, дрожало.

Говорят, советуя уловку лукавую с медом, говорит Гея Зевсу, бывшему в то время ее любимцем:

– Внук мой любимый! Не страшись то содеять, что самой Судьбою давно решено, ибо необходимо оно и справедливо! Лишь заметишь, как нечестивый родитель под дубами с высокою кроной от творения громко жужжащих пчел захмелеет, тотчас свяжи ему руки и затем оскопи, чтоб был он оскопленным, подобно Урану – так быстрее он всю власть растеряет...

Некоторые говорят, что вскоре, прямо во сне Крона стало рвать. Сила колдовского настоя была столь велика, что он тотчас изрыгнул огромный камень, заменивший Зевса, а потом и всех пятерых проглоченных детей.

Братьев своих и сестер младших пятерых Уранидов, которых безумно вверх в особое заключение отец, на желанную свободу Зевс вывел обратно, и они, будучи бессмертными

богами, оказались целыми и невредимыми. Появление из отцовской утробы на свет молодых богов стало началом конца царствования Крона.

Благодарные Гестия, Гера, Деметра, Аид и Посейдон, отрыгнутые Кроном, единогласно признали главенство Зевса, благоденствие его не забыв, благодарными своими сердцами. Эти боги во главе с Зевсом начали борьбу за верховную власть с Кроном и, благодаря поддержке никогда не дремлющей всемогущей Ткачихи Лахесис быстро достигли грандиозной победы.

После того, как Зевс лишил Крона, родителя с сердцем жестоким и хитрым, царской власти, он поделил с двумя братьями весь обитаемый мир. Зевсу досталось широкое Небо с многохолмным Олимпом, Посейдону – влажное море и весь подводный мир, Гадесу (Аиду) – мрачное подземное царство, лишённое яркого солнца; земля же осталась в общем пользовании.

Многие называют Посейдона Земледержцем, Колебателем и Сотрясателем земных недр и Вздыхателем суши. Говорят, что по словам склонных к обману критян, именно Пеласгий занялся впервые морскими трудами и создал большие многоскамейные корабли с парусами, получив такую власть от родителя Крона. Поэтому позднейшие поколения считают его владыкой всего, что связано с морем, а купцы- корабельщики приносят ему обильные жертвы.

Вергилий поет, что Нептун (имя Посейдона к римлянам) ударом трезубца из первозданной земли коня, трепетавшего вывел. Однако это был дикий, необъезженный конь, и Посейдон впервые укротил коня. Посейдон навсегда сохранил эпитет Гиппий (Конный) и особое приращение к лошадям.

Гадесу – древнему богу посевов досталось мрачное подземное царство, лишённое яркого солнца, в котором он и живет, никакой жалости в суровом сердце не зная. Некоторые говорят, что еще ребенком будущий царь Преисподней производил очень угрюмое, гнетущее впечатление даже на бессмертных сородичей, на Олимпе владевших домами. Аид не выносил шум, яркий свет и всякую суету, и потому ему были по сердцу подземелья глубины, где царили гробовая тишина и порядок, и свои мягкие светила имелись. Аид, называемый часто Ужасным, почти всегда угрюм, холоден и беспощаден, но он не злой, и в нем нет ничего ужасного; он всегда справедлив. Бог этот, как никто другой из бессмертных, не знает ни снисхождения, ни милосердия, и ему более других понятна и мила лишь справедливость. Он, как и его жилище, равнодостоупен всем и ни для кого не делает исключений и в этом видит настоящую справедливость.

Благая Деметра стала одной из самых почитаемых богинь олимпийского пантеона. Она – «Великая мать», порождающая все живое и принимающая в себя умерших. Део – покровительница всего зеленого царства, богиня плодородия. Некоторые говорят, что Деметра, научив людей земледелию, приучила их к оседлости и после этого учредила законы, в соответствии с которыми люди привыкли поступать друг с другом, по справедливости. А справедливость, как известно, необходима и бессмертным, и людям, смерти подвластным, так же, как и пища, и влага. Основанная Деметрой оседлость людей и внушенное ею им стремление к справедливости привело к появлению брака, государства и образования. Она так же изобрела слуг, прислужников и провожатых.

Гестия (очаг) стала богиней домашнего очага и жертвенного огня. Доля у самой скромной олимпийской богини оказалась счастливой. Как поется в гомеровском гимне, почестей ей досталась большая. Вечно иметь пребывание внутри обиталищ высоких всех олимпийцев и всех на земле обитающих смертных. Дар превосходный и ценный у Гестии: у людей не бывает пира, в котором бы кто при начале его возлияния первой ей и последней не сделал вином медосладким. Поскольку очаг считался средоточием дома и местом соединения семьи, то Гестия была покровительницей семейного единения, мира и благодати. Гестия была самой доброй, самой справедливой и самой сердобольной из всех олимпийских богинь.

Гера сначала была богиней необходимого всем воздуха, а потом стала царицей богов и покровительницей браков, охраняющей мать во время родов. В юности она была живым

воплощением девичьего очарования и прелести. Пушистые волосы у нее были очень светлого, почти белого цвета, чуть-чуть рыжеватые и завивались в крупные локоны на плечах. Глаза у Геры были очень выразительными и огромными, как у годовалой телки, за что ее прозвали «волоокой». Как и все богини она была высокая с тонкой талией, упругими полушариями грудей, напоминавшими две половинки крупного яблока. Со временем Гера, как богиня бессмертная, почти не изменилась, и ее древний возраст выдавали только умные, все понимающие глаза. Впоследствии она стала третьей (после премудрой Океаниды Метиды и богини правосудия Титаниды Фемиды) и последней супругой владыки Олимпа.

Кронид стал изменять Гере чуть ли не с первых дней долгожданного (300лет!) для нее брака, и она стала воплощением злокозненной ревности. Благодаря постоянным изменам, предначертанным Мойрами, сонм олимпийцев пополнился детьми Зевса богами четвертого поколения – Гефестом, Афиной и Аресом – от Геры, Артемидой и Аполлоном – от Титаниды Лето, Гермесом – от Плектры Майи и Дионисом – от смертной Семелы.

7. Олимпийские боги IV поколения (дети Зевса) и Афродита

Гефест сначала стал богом огня и кузнечного дела. Сразу после рождения он был скинут матерью незамужней с мощных высот Олимпийских, чтобы скрыть от всех новорожденного сына хилого и больного. Чтобы искупить родительскую вину, в результате которой Гефест провел детство и отрочество в гроте на океанском дне и остался навсегда хромоногим, Зевс и Гера его женили на самой прекрасной богине Афродите. Однако их брак был не долгим. Вскоре Киприда поняла, что можно на время даже сильно влюбиться, но невозможно долго любить за одни душевные качества, и стала пропахнувшему дымом мужу изменять с умеющим красиво ухаживать Аресом, неистовым богом кровавой войны. Когда они развелись, Гефест Амфигой (обоюдно-хромой) весь отдался работе и стал настоящим олимпийским Художником.

Афина была зачата Метидой, которую Зевс проглотил, и потому она родилась из отчего темени. Когда Гефест расколол родителю череп, оттуда с воинственным кличем выскочила дева-воительница Афина неодолимая, страшная, в доспехах, золотом ярким сверкавших: в коринфском шлеме с высоким раздвоенным гребнем, с эгидой (особый щит из козьей шкуры) и остроконечным копьем, а также с атрибутами мудрости и знаний – совой и двумя змеями. Афина стала мудрой богиней справедливой организованной войны, впоследствии дева-воительница стала еще и богиней знаний, изобретений, искусств и ремесел, покровительницей городов и государств. Мудрая богиня изобрела государство и войны, флейту и трубу, керамический горшок, плуг и грабли, ярмо для волов и уздечки для лошадей, боевую колесницу и совместно с Посейдоном – корабль с палубой крепкой, с изогнутым верхом и с высокой кормой. Палладе приписывают одомашнивание маслины и передачу людям умения выращивать ее и пользоваться ее плодами.

Говорят, златотронная Гера, недовольная тем, что Зевс родил Афину из темени без ее участия, родила Ареса тоже без участия Зевса. Она родила от прикосновения к цветку, полученному богиней цветов бледной Хлоридой с Оленских полей, которым коль тронешь даже бесплодную телку, то и та обязательно понесет. Арес стал богом неистовой и вероломной кровавой войны. Теряя разум при виде крови, Эниалий (вызывающий свалку в битве) обычно убивал всех без разбора, правых и виноватых, ему было не до справедливости. Поэтому вечно запятнанного кровью Ареса ненавидели не только люди, но и боги, включая даже его родителей Зевса и Геру, хотя некоторые называли его не только Щитодробителем и Градоразрушителем, но и Оплотом и защитой Олимпа.

Когда скромная Титанида Лето домогавшемуся до нее Зевсу, наконец, уступила и в ласках любовных с ним сочеталась, то лучезарного Феба она родила с Артемидою стрелолюбивой. Артемида изначально была богиней плодородия и Луны; впоследствии она стала стрело-

любивой богиней охоты и дикой природы, богиней женского целомудрия и детопитательницей. Дикую природу и зверей богиня-девственница больше любила, чем людей и их не родившихся или маленьких детей. Несчастье и горе всем, к кому вспыхивает вспыльчивая богиня яростным гневом! Сгинет их скот и посевы, старцы волосы остригут, детей хороня; роженицы будут умирать, сраженные нежными стрелами, а ежели смерти избегнут, так родят поколение, недостойное жизни.

Аполлон златовласый первоначально олицетворял Солнце, и его золотые стрелы символизировали солнечные лучи. Впоследствии он стал покровителем изящных искусств, вождем Муз прекрасного хора и сам превосходно пел и аккомпанировал на кифаре или лире. Мировая известность принадлежит Летоиду, как богу музыки, танца и вообще искусства. Аполлон – стихотворец и помощник в любви, вместе с подопечными Музами, учит поэта полезным вещам, он вождь поэтов и изобретатель музыки и стихов. Аполлон – это вселенская красота и гармония мира, а также музыка, танцы и пение, красивые речи и вообще волшебная сила искусства такая, что здесь отпадают все тяжелые и неразрешимые проблемы жизни, остается только сама красота в чистом виде. Однако Летоид еще и карающий бог, и губитель. И тем не менее, ни одного из богов не чтили усердней, и не любили больше, чем Феба.

Гермес в древние времена был богом ветров, о чем говорят крылатый жезл вестника – кадуцей, способный мирить врагов, петас (широкополая шляпа с крылышками) и таларии (крылатые сандалии). Затем он стал богом прибыльной торговли, разумности, ловкости, воровства. Увлечшись состязаниями, Гермес изобрел искусство кулачного боя и гимнастики и стал общепризнанным покровителем атлетов и богом гимнастики. Конечно же, Гермес был крылатым вестником и красноречивым глашатаем Зевса благодаря своему умению ясно истолковывать все. В качестве посланника Зевса Гермес также вождь сновидений и податель сна, закрывающий посредством своего жезла глаза людей и возбуждающий их снова к жизни. Как изобретатель Гермес впервые смастерил из панциря черепахи семи- или трехструнную лиру. Он же изобрел и свирель. Сначала богов, а потом и смертных Гермес научил искусству получения огня с помощью быстрого вращения специальной палочки, вставленной в отверстие, просверленное в другой палочке. Некоторые говорят, что Гермес придумал некоторые меры и числа, азбуку и множество других полезных изобретений, и всему обучил людей.

Дионис сначала, согласно своему происхождению, был героем, потом стал второстепенным богом производительных сил природы и всякой растительности. Из винных ягод Вакх и царь сатиров Силен изобрели вино, дарующее забвенье всех тягот земных человеку и веселье, и радость празднующим богам, владеющих небом широким. Дионис изобрел напиток, изготовляемый из ячменя и называемый «пиво», ненамного уступающий благоуханием вину. Дионис Лиэй – (освобождающий, утешитель) освобождает людей от повседневных забот и печалей, а также и от общепринятых норм поведения. Диониса называют Мельпоменом (Ведущим хороводы). Именно Дионис изобрел священные лицедейские состязания и учредил театры. Когда были созданы мусические сообщества умельцев, причастных к искусствам, связанных с Дионисом, Дионис освободил их от налогов.

Четырнадцатой олимпийской богиней стала единственная богиня второго поколения Афродита, которая после долгих блужданий по земле в качестве богини плодородия и по морю – в качестве морской богини, вознеслась на Олимп и стала богиней красоты и любви. Милоулыбчивая Киприда олицетворяла всю гармонию мира и творила неиссякаемую любовь, чтоб удивительная жизнь никогда не кончалась, простираясь в вечную бесконечность. Хор Сенеки поет, что всю природу покоряет Любовь. По приказу ее утихает вражда, пред ее пламенной страстью даже необузданный гнев отступает. Если род людской расстанется с Афродитой, от угасанья его сберегающей, то весь окружающий мир быстро выродится в необитаемую пустыню. Некоторые говорят, что Афродита стала богиней не только любви, но и красоты потому, что, когда люди вожделеют любви, они страстно хотят красоты, которая побеждает

даже время и наоборот, вечно неутолимое желание прекрасного порождает всегда жажду любви.

После появления могучих Древних Титанов, обживших землю, Гея стала рождать и производить на свет самые разные живые создания: деревья и растения, насекомых, птиц, животных, рыб и людей, разумом и видом, подобных богам.

Римские боги [38], [39], [42]

8. Многочисленность римских богов

У римлян было очень много (в некоторые периоды более миллиона) богов, богинь и разных божеств, куда входили так же и духи, демоны, гении... Поэтому в шутке, что в Риме боги встречались чаще, чем люди, была большая доля правды.

При этом, количество римских божеств все время росло потому, что римляне часто почитали не только своих богов, но и некоторых богов подчиненных народов и племен, а римская империя большую часть времени своего существования только расширялась, захватывая все новые территории.

Одних богов римляне просто отождествляли со своими, если считали, что под незнакомым именем скрывается известный им бог. Других богов присоединяли так, что они дополняли старых римских богов. Третьих богов и божеств они включали в свой пантеон, переселяя в Рим.

Даже один и тот же бог часто имел много разных эпитетов, под которыми понимались самостоятельные божества. Так, например, Юпитер Целестис – небесный бог, Юпитер Фульгор – бог молнии, Юпитер Виктор – бог побед, Юпитер Луцетий – бог небесного света... и т. д.

Богов было так много, и их виды деятельности часто пересекались (например, погодой заведовали очень многие боги, богини и божества) и дублировали друг друга, что порой римляне путались, не зная, как назвать бога, помощи которого они просили, и потому они незатейливо говорили:

– Бог, кто бы ты ни был, помоги мне!

Классифицировать, изобразить древо, объединив по генеалогическим признакам или по местам обитания (небесные, олимпийские, воздушные, водные, подземные...) римских богов, подобно греческим, очень трудно. Поэтому ниже будет рассказано об основных римских богах и второстепенных божествах, часто встречающихся в «Энеиде» Вергилия, лежащей в основе «Энея».

9. Другие особенности римских богов

В отличие от богов Древней Греции, собственные римские божества были более отвлечёнными, индивидуальными, не развитыми. Повествование в мифологии у греков играло существенно более важную роль, чем у римлян, для которых первичными были ритуал, процедура и культ.

В Италии не было подобного греческому Олимпу обители главных богов, получивших прозвание олимпийских. Не было и нескольких поколений богов, стремившихся занять блистательные выси Олимпа. Римско-италийские боги и их взаимоотношения не представляли такой стройной и развитой системы, как боги Эллады, некоторые даже не имели своих имен и вели «по – варварски». Наиболее важные римские божества были отождествлены с более человекоподобными греческими богами и богинями, и вместе с ними восприняты многие мифы Эллады.

Римские боги почти не вступали друг с другом в законные брачные отношения, тем более они этого не делали со смертными девами. Поэтому в римской мифологии практически не было героев, очищающих мир от чудовищ и пользующихся признанием людей.

Основным и практически единственным римским героем является Эней, но и он появился из греческих мифов. Все собственно римские герои Турн (враг Энея, порожденный

Виргилием), Латин (тесть Энея), Нумитор (внук Энея), Амулий (внук Энея) и легендарные праправнуки Энея Ромул и Рем были непосредственно связаны с Энеем. Геркулес и Персей взяты римлянами от греков, причем практически без каких-то изменений. Героев, совершавших различные подвиги, римлянам заменили реальные или полубогородные цари, жрецы, основатели знаменитых родов и городов.

Греки в мифах стремились познавать природу, богов, самих себя, для них чрезвычайно важна была справедливость. Римляне были людьми дела и ясно представляли, что им нужно от богов. Они выработали собственную систему отношений с богами, предусматривающую четкие взаимные обязательства и строгое соблюдение установленных правил и процедур. Такая система вырабатывала у римлян стремление к верности слову, точности, но на всем лежал отпечаток формализма. Это не означает, что у римлян и итальянцев не было легенд и преданий, а только определяет и объясняет их сухость и художественную неразработанность. При этом следует иметь в виду, что римляне очень неохотно раскрывали свой внутренний мир, испытывая страх перед каждым, кто может воспользоваться этим знанием им во вред.

Мир римлян оказался широко открытым для внешних влияний и охотно принимал чужеродных богов и героев, если они готовы были «переехать» в Рим или, хотя бы, в Италию и жить по законам римлян. Иногда богов переселяли до того, как их территория присоединялась к Риму, как, например из города Пессинус во Фригии со всеми должными церемониями в Рим переехала Рея – Кибелла в 203 г. до н. э. Иногда божества врагов власти официально приглашали пройти через ритуал эвокации (вызов к себе, переманивание духов), чтобы занять своё место в новых святилищах в Риме.

Одного из таких героев, троянского Энея, римляне объявили своим прародителем. Когда же ими был завоеван почти весь обитаемый мир, они по-хозяйски распорядились со всеми угодными им богами, создав для них в Риме дублирующий пантеон. И только тогда у римлян появился собственный эпос, написанный по образцу «Илиады» и «Одиссеи», излагающий на высочайшем художественном уровне поэтическую фантазию о господстве Рима над миром. Подобно тому как вечный город создал огромную территориальную империю, присоединив к себе территории ближних и дальних соседей в качестве своих колоний или провинций, он присвоил себе их множество богов и героев вместе со всеми мифами, создав своеобразную империю мифов.

Эта империя мифов в эпоху кризиса империи Римской служила идейной опорой языческой оппозиции к христианству, и именно против нее так яростно выступал Августин Блаженный и другие отцы церкви. Римская мифология пережила и падение императорского Рима, захваченного варварами. К ней обратились уже в эпоху Каролингов, когда римские мифы, наряду с христианскими, были поставлены на службу Священной Римской империи. Но немеркнувшим светом она заблестала лишь в XV—XVI веках, в эпоху гуманизма, в творчестве великих поэтов, художников и ваятелей, и с тех пор продолжает служить всему человечеству, раскрываясь во множестве граней.

10. Переезд богов в Рим

Типичный переезд греческих богов в Рим описал Овидий в «Фастах». Он поет, что в дни, как Трой Эней перенес в Италийские земли, чуть и богиня Рея Кибела за ним на корабле не вошла. Однако, усмотрев, что старая Мойра Лахесис еще не зовет ее в Лаций, не пожелала она тогда области бросить свои.

Много позже, как пятый пошел уже век могуществу вечного Рима, вставшего гордой главой над покоренными землями, – жрец посмотрел роковые заметы и торжественно прочитал в них таковые слова:

– Матери нет, и сыскать, о Римлянин, должен ты Матерь, а как придет, ты ее чистой рукою прими!

В недоуменье были отцы города, ничего в предписании жреца не поняли, ни кто эта мать, ни где надо ее разыскать. Тогда решили они Пеана спросить, и был оракул такой:

– Вы ищите Матерь Бессмертных. Надо искать вам ее на Идейской горе.

Сразу послали туда знатных людей, и чудо свершилось: земля с продолжительным дрогнула громом, из тайников нетерпеливый раздался голос богини самой:

– Быть увезенной сейчас же хочу! Поспешите мою волю исполнить. Рим – это как раз то место, где все великие боги теперь должны пребывать!

И вот в покое, расписанном ярко жженою краской, везут Матерь Богов на ладье. Всадники все и сенат величавый, с толпой вперемешку, встретить приходят ладью к устьям тирренской реки. После того как небожителей мать плодоносная, вняла, благая мольбам, поседельный от лет и порфирию жрец облаченный и госпожу, и ее утварь в Альмоне омыл. Воют спутники, визг неистовый флейты несется, и под обмякшей рукой бубны тугие гудят.

Медные деньги собрал народ, скинувшись на постройку храма богини на Палатинском холме, и с тех пор этот обычай свято блюдут. Богов породившей матери дается первое место, и ей первую честь воздают.

Историки говорят, что, согласно изречению «Сивиллиных книг», в вечный город Рим культ Реи Кибелы вошел во время Ганнибала, когда торжественно особым посольством перевезли древний символ богини, грубо обтесанный темноцветный камень, из Пессинунта и на медные деньги построили ей на Палатинском холме храм. В порту Остия Богиню встречали все женщины, и когда статуя Богини «нисходила» на берег, ее должны были нести девы к храму Победы на Дворцовом Холме. Весенний день, когда это произошло, соблюдался впоследствии как фестиваль Мегалесия.

Вот так в Риме появилась еще одна богиня. С тех пор культ Реи Кибелы под именем «Великой матери», сделался государственным; им заведовала особая коллегия жрецов. При этом празднества в честь Реи Кибеллы носили чуждый Риму оргиастический характер и потому для них брали жрецами фригийских галлов. Галлы проходили по улицам Рима с песнями, под шумную фригийскую музыку, и просили милостыню для своей богини. В честь Кибелы и Атиса приносились жертвы быков (иногда баранов или коз), при которых жрец напивал свою одежду кровью жертвенного быка.

Описывая празднества Кибелы в Риме, Овидий поет, что богине приятна древняя еда из молока, смешанного с сыром и свежей зеленью.

В одежде Кибелы преобладает природный зеленый цвет, и она украшена полевыми цветами. Кибела так подошла римлянам, должно быть, потому что её могучие львы символизируют первозданную мощь жизни, к которой стремился великий Рим.

11. Древние римские боги

Римский пантеон богов имеет особенно много заимствованных греческих богов. Римляне заимствовали у древних греков не только собственно богов, но и их представления о мироздании, о возникновении мира, разумеется, если они их устраивали.

Так римляне стали считать, что в начале при возникновении видимого мира был беспредельный и бесформенный Хаос и от себя дополнили его еще одной первопотенцией – Мглой.

Римский писатель Гигин Ничто называл Мглой и говорил, что Мгла породила Хаос. Причем первозданная Мгла могла принимать как женский вид и называлась Калиго, так и мужской – Скотос. Мгла, Калиго, Скотос и Хаос – это древнейшие космические боги римлян.

Детьми Мглы были так же древние боги Эребус (Мрак, у греков Эреб), Нокс (Ночь, у греков Нюкта), Этар (Свет) и Диес (День, у греков Гемера).

Гигин считает, что Хаос был отцом Нокс и Эребуса, а матерью их была первозданная Мгла. Нокс, Эребус и Тартаррус – это три разновидности первозданной Тьмы или Мглы. Причем, Нокс сохраняет только таинственность Мглы, она источник высших, вечных тайн, но эти тайны постепенно раскрываются так же, как на смену ночи приходит сияющий день. Эребус же и Тартарус остаются непостижимыми для разума смертного. Ночь – это надземная Тьма, а Эребус и Тартаррус – тоже Тьма, но подземная.

Этар и Диес породили Теллуру или Теллус (Теллура, Земля, у греков Гея), Целум или Каелум (Небо, у греков Уран) и Понтус или Маре (Море, у греков Понт).

Этар и Теллус породили также такие божества, как Амур (Любовь, у греков Эрос) и Темпус (Время, у греков Хронос).

Вышеперечисленные боги по аналогии с греческими богами можно отнести к I поколению римских богов, хотя деление богов по поколениям пришло из Эллады.

К II поколению римских богов относятся дети Каелума и Теллус Древние Титаны, Циклопы и Центиманы, дети Мара и Теллус и Младшие Титаны.

Древние Титаны: Океан, Гиперион, Крий, Полос, Пунктурер, Сатурн (у греков Крон), Опс (у греков Рея), Монета, Юстиция, Тетис, Эфра и Феба.

Циклопы – это греческие Киклопы Арг, Стероп и Бронт.

Центиманы – у греков Гекатонхейры Котт, Гий и Бриарей.

Дети Мара и Теллус: Цефей, Еврибия, Тавмантус, Турсциверс и Кето.

Младшие титаны: Сол (Солнце, у греков Гелиос), Луна (Луна, у греков Селена), Аврора (Заря, у греков Эос), Латона (у греков Лето), Астерия, Атлас (у греков Атлант), Менетеус (у греков Менетий), Эпиметиус (у греков Эпиметий), Прометеус (у греков Прометей), Пирс, Паллас и Астрей.

Как видно, многие древние римские боги были отождествлены с эллинскими (Теллус, Целум, Сатурн, Опс, Тартаррус, ...), другие были взяты без всякого изменения (Океан, Гиперион, Крий, Феба, Арг, Стероп, Бронт, Котт, Гий, Бриарей, Еврибия, Кето, Астрей...).

12. Янус

Древнейшими римскими божествами являются Янус и Веста. Римляне говорят, что первым к притибрским холмам прибыл на корабле бог Сатурн, давший древнейшему в этих местах городу имя Сатурний. За Сатурном неведомо откуда появился Янус, от которого пошло название Яникул – холма на правом берегу Тибра, против сооруженного еще в царскую эпоху деревянного свайного моста. Считалось, что Сатурн принес Италии благоденствие золотого века, Янус же, – всеми любимую справедливость и всеми желаемый мир.

В древние времена Янус был божеством неба, он, подобно греческим привратницам Орам отпирал и запирали небесные врата, выпуская Сола (Солнце) на небосвод. Впоследствии Янус уступил небо Юпитеру, а сам стал владыкой всевозможных дверей.

Римляне самыми священными местами в доме считали двери и очаг. Двери отделяли римскую семью от внешнего мира, скрывали и защищали человека от опасностей и неизвестности, скрывающейся снаружи. Будучи же открытыми, двери соединяли семью с другими людьми, с обществом, государством и всем миром.

Богом дверей вообще и был Янус. Конкретной, материальной (например, деревянной) дверью заведовал бог Форкул, а порогом – Лиментин, но они были божествами, подчиненными Янусу.

Являясь богом дверей, Янус стал богом всякого входа и выхода вообще, в том числе начинания какого-то дела и окончания его. Отсюда еще одна деятельность Януса – быть богом любого начала и исхода. Янус стоял в начале каждого предприятия, включая и войну. Хотя римляне были уверены, что с помощью богов и силой собственной доблести они обязательно

одержат победу в любой войне, какая-то доля неопределенности в ее завершении все же оставалась. И надо было умолить Януса дать этой войне благоприятный исход. В Риме воздвигли храм Януса с особенными воротами, запиравшимися в дни мира. Римляне полагали, что именно эти ворота прочно удерживают мир. Когда же ворота храма раскрывались, в мир людей вступала беспощадная война, которой покровительствовал Марс-Квирин.

Поэтому с началом какой-либо войны римляне открывали храм Януса. В мирное же время, когда ни в одном уголке огромной римской империи не воевали, храм закрывали. Учитывая стремление Рима захватить весь мир, закрытыми ворота в храме Януса бывали очень редко. Первый римский император Август хвастался, что в его правление храм закрывался три раза, в то время как за всю предыдущую историю Рима это случилось всего дважды: первый раз – в правление второго римского царя Нумы Помпилия – любимца Януса.

Почитая двуликого бога, Нума все годы своего царствования держал ворота храма Януса на запоре. Впервые упоминание Януса появилось в песнях древнейшей жреческой коллегии салиев, которую основал Нума Помпилий. Местом почитания Януса в Риме был Палатин, где находилось 12 его алтарей (видимо, по числу месяцев года). Почитался Янус и на Форуме, где Нума установил арку Януса Гемина, через которую можно было пройти к центральной улице Аргилет и на самый высокий из 7 холмов Рима Квиринал. Именно эта арка закрывалась во время мира и открывалась при объявлении войны, именно через нее проходили войска, отправлявшиеся в поход. Поблизости была установлена статуя двуликого Януса.

Но не только начало и окончание войны находились под эгидой Януса. Он покровительствовал каждому дню, особенно раннему утру, и каждое утро ради удачной работы в этот день римляне возносили ему молитвы. Янус покровительствовал вообще любому отрезку времени: году, временам года, месяцам. Римляне воздвигли ему двенадцать алтарей по числу месяцев в году, а самого Януса порой изображали с 365 пальцами на руках по числу дней: 300 на одной и 65 на другой, либо с надписями на пальцах: на трех пальцах правой руки цифры ССС (300), а на пальцах левой руки – LXV (65).

Начало каждого месяца римляне называли календами (отсюда наше слово «календарь»), и эти календы были посвящены Янусу. Ему был посвящен также один из месяцев года – январь, и конечно, январские календы, т. е. 1 января каждого года отмечалось особенно торжественно. Прежде римский год начинался с марта, а затем его начало было перенесено на январь. Вообще римляне очень настороженно относились к переменам, особенно связанным с религиозной стороной жизни, а календарь был связан с ней непосредственно. Но перенос начала года никаких возражений не вызвал, ибо для них было совершенно очевидным, что с Янусом связано и начало года. На одном римском медальоне Янус изображен в полный рост, в одной руке он держит посох, другую возложил на арку, воплощающую небо, внутри которой находятся четыре женские фигуры, олицетворяющие времена года, а перед ним стоит обнаженный мальчик с рогом изобилия, символизирующий новый год. Это изображение в полной мере выражало представление о Янусе как о владыке года.

Январское начало года определялось зимним солнцеворотом. Солнцеворот был и последним днем солнца, и первым. Естественно, что это явление находилось во власти Януса. Вообще всем круговращением вселенной «заведует» именно Янус. Он и открывает вход в мир любому явлению, и закрывает его, дает ему выход. Это относится и к богам, которых Янус выпускает и выпускает через небесные ворота. Когда римляне заимствовали у греков представление о том, что в начале всего мира был беспредельный и бесформенный Хаос, то его тоже связали с Янусом.

Прежде, считали они, огонь, воздух, земля и вода были одним веществом, но потом разделились, а то, что осталось, и стало Янусом. Поэтому в нем соединяются все элементы – огонь и воздух, вода и земля. В таком виде Януса считали создателем нынешнего мира.

Так как Янус был старейшим богом и богом всех начал, любые молитвы, в которых упоминались различные боги, начинались с обращения к нему. Янусу первому несли душистое масло и вино, ибо только после бога всех входов можно добиться своими молитвами и дарами внимания других богов и богинь. 1 января в праздник Януса люди желали друг другу добра, потому что первые пожелания обычно исполняются. В этот день все несли в его храм сладкие фрукты, мед и деньги, чтобы год был сладостен и богат.

Януса обычно изображали в виде пожилого мужчины с двумя бородатыми лицами, одно обращено на восток, другое – на запад, одно – вперед, другое – назад. Этим подчеркивалось, что он знает все, что происходило прежде, и все, что произойдет в будущем. Как и обычному сторожу, ему давали в руки ключ от дверей и палку для их охраны. Порой вместо ключа Янус держал чашу. Иногда на его голове был лавровый венок.

Януса часто чеканили на римских монетах, особенно раннего времени, с надеждой на благоприятный исход любого дела, совершаемого с помощью этих монет.

С Янусом были тесно связаны Матута – богиня раннего светлого утра, Портун – бог морских ворот, т.е. портов и гаваней, Карна – богиня источников (начала всех потоков), Тиберин – бог реки Тибр и другие не очень значительные, но весьма почитаемые божества.

Янус считался отцом Фонса (бога фонтанирующих источников), супругом нимфы вод Ютурны, которая, согласно Вергилию, была сначала смерти причастной сестрой героя Турна, царя рутулов и главного противника Энея. После того, как с Ютурной возлег Юпитер, он даровал ей бессмертие, и она уже, как речная богиня вышла замуж за Януса.

Говорят, что в некоторые периоды римской республики Янус считался создателем человечества и богом богов. Под этрусским именем Киленс Янусу подчинялись даже Юпитер и Юнона, что говорит о путанице, противоречивости и бессистемности римских богов по сравнению с богами Эллады.

Римские боги «существующие вместе»

13. Греческое влияние на римскую мифологию

Постепенно число греческих богов, почитаемых римлянами, все увеличивалось и увеличивалось, и отождествление с ними многих прежних италийских богов стало обычным.

Римляне сочли, что Юпитер – тот же бог, что и Зевс, Юнона – Гера, Минерва – Афина, Церера – Деметра, Марс – Арес и т. д. При этом, конечно, произошли определенные изменения в понимании того или иного божества. Арес, не просто мало почитаемый, а никем (даже другими богами и своими родителями Зевсом и Герой) нелюбимый в Греции, став римским Марсом, превратился в одну из наиболее уважаемых божественных фигур, вероятно, потому, что римляне были намного более воинственными, чем эллины. Зато Афина, превратившись в Минерву, оказалась далеко не столь почитаемой, как в Элладе. Артемида была практически отождествлена с Дианой. И поскольку она считалась сестрой Аполлона, а к тому времени в Риме он был уже богом солнца, то Диана стала боги ней луны (какой у греков была лишь в древнейшее время). Греческие же боги солнца и луны Гелиос и Селена почитанием в Риме не пользовались. Владыкой подземного мира становится греческий Аид, чаще называемый своим вторым именем Плутон, и римляне уже начинают забывать (хотя и не вычеркивают окончательно из мира своих богов) Диспатера-Орка.

Многие в Риме были очень озабочены широким проникновением чужих богов и их культов в Рим. Опасались падения нравственности и «добрых старых традиций» из-за чрезмерного увлечения иноземной религией, ведь эллинские боги, особенно олимпийские и среди них более всех Зевс и Посейдон, были очень похотливы и любвеобильны. Могучему Громовержцу для быстрого увеличения божественного сонма Мойрами был дозволен, как и древним Титанам, инцест, и он был не только женат на сестре Гере, но и сочетался с матерью Реей, сестрой Деметрой, дочерью Корой – Персефоной... Посейдон же любил насилие над женами, обожал сочетаться с невестками, например, с Антиопой, Каллироей, Хлоридой...

Правительство пыталось запретить хотя бы те культы, которые практиковали таинственную, мистическую связь с божеством, вызывающую особенно сильное эмоциональное напряжение.

Такие культы были чужды практически римскому сознанию. В 186 г. до н. э. сенат издал постановление о запрещении вакханалий (бурных и часто разнузданных празднеств в честь Диониса-Вакха, которого римляне отождествили со своим Либером-Бахусом) и о строгом наказании нарушителей запрета.

Но остановить греческое влияние на римскую религию было уже невозможно. Под этим влиянием римляне постепенно разделили всех своих богов на две основных группы. По примеру греков, они выделили двенадцать главных божеств, которых стали называть «существующими вместе». Это были: Юпитер (Зевс), Марс (Арес), Нептун (Посейдон), Вулкан (Гефест), Меркурий (Гермес), Аполлон (Феб), Юнона (Гера), Минерва (Афина), Церера (Деметра), Диана (Артемида), Веста (Гестия) и Венера (Афродита). Кроме них, «высшими» стали считать также Сатурна (Крона), Януса и Либеры (Диониса). Диспатер, как и Аид, с одной стороны, как брат Юпитера и Нептуна принадлежал к высшим божествам, но, поскольку он все время безвылазно находился в своем подземелье, то на практике был низшим богом. Остальные божества отныне рассматривались как «низшие», но это никак не отражалось на их культе.

14. Юпитер

Юпитер (Зевс), Юнона (Гера), Нептун (Посейдон), Церера (Деметра), Веста (Гестия) и Диспатер (Аид) образуют группу основных римских богов, детей Сатурна и Опс, и потому их по аналогии с богами Эллады можно считать богами III поколения.

Юпитер всемогущий, прародитель царей и богов; он же и мать богов, единый, всеильный верховный бог. Вместе с Юноной и Минервой Юпитер составлял тройку главнейших богов римлян – Капитолийскую триаду, а обитали они в высоких италийских горах, похожих на Олимп.

Некоторые говорят, что, благодаря Юпитеру, и греческий Зевс стал всемогущим царем богов, который без римского влияния остался бы божеством небесного света и солнца, грома и молний с алтарями, расположенными преимущественно на вершинах гор.

Правда, другие утверждают, что Зевс тал царем богов, благодаря гомеровской «Илиаде».

Первоначально Юпитер властвовал на небе, подобно своему греческому двойнику Зевсу, которому при разделе с братьями Аидом и Посейдоном мира досталось небо. Он так же посылал дожди (дождил), иногда с грозами, метал во врагов и преступников жгучие молнии, возвещал свою волю громовыми раскатами. Место, куда ударяла молния, становилось священным и было освящено понтификом. Жрецы Юпитера – понтифики совершали торжественные церемонии и основывали святилища или жертвенники в тех местах, куда ударяла молния. Понтифик собирал землю, на которую упала молния, и закапывал ее вместе с кремнем, символом молнии; тихо читая молитву, он освящал место приношением в жертву двухгодовалой овцы, воздвигал жертвенник и окружал это место оградой, чтобы никто не ходил по нему.

Дождь оплодотворял землю, давая ей возможность родить урожай, и Юпитер первоначально почитался как бог животворящей силы природы, однако впоследствии он оставил свою сельскохозяйственную деятельность, передав ее другим богам и богиням.

Юпитер, как первичное начало и конец всего, связывался с древнейшим двуликим богом богов Янусом, богом начал и концов, хранящим Миропорядок и вращающим его ось. Как высшее начало Юпитер – Иовис, как богатство – Пекуний, как начало земледелия – Сатурн, как дух-хранитель всякой вещи, местности и людей – Гений.

Юпитер решал все земные дела посредством жреческой коллегии государственных гадалей авгуров, посылая понятные лишь им знаки своей воли, которую он выражал с помощью громов и молний, а также с помощью различных знамений и знаков, и вещих снов.

Став высшим покровителем государства, Юпитером получил прозвище Высочайший. Он охранял Рим и свободу римских граждан, утверждая в мире величие римлян и их нерушимого государства. Он был покровителем императорской власти, как Зевс покровительствовал своим питомцам – царям. Важнейшие акты государственной жизни (жертвоприношения, присяга новых консулов, первое в году заседание сената) проходили в капитолийском храме Юпитера, его главном храме, и поэтому Юпитер назывался Капитолийским. Капитолий был средоточием всего римского государства; здесь приносил Юпитеру жертву юноша, делавшийся полноправным гражданином, консул, вступивший в должность, полководец, выступивший в поход и возвращавшийся с триумфом; самую лучшую добычу, доспехи, снятые с неприятельского предводителя, полководец посвящал Юпитеру. Под непосредственным покровительством Юпитера Капитолийского заседал римский сенат.

Поскольку величие Рима утверждалось главным образом в войнах, то Юпитер останавливал бегущих с поля боя римских воинов (Юпитер Статор – Останавливающий), помогал побеждать (Юпитер Виктор), даровал военную добычу (Юпитер Феретрий). Римские воины отправлялись на войну обычно от стен Капитолийского храма.

Юпитер был богом всей огромной римской империи, западная часть которой просуществовала 5,5 веков, а восточная, с центром в Константинополе – более 1000 лет. В период расцвета Рима его власть и мощь казались безграничными. Римляне покоряли целые народы и насаждали свои идеалы, в том числе и в религии. Подчинённые города приносили Юпитеру жертвы в древнейшем храме на холме Капитолии и воздвигали у себя подобные храмы. В этот грандиозный храм римские полководцы приносили самые ценные трофеи, добытые у побежденных врагов

Культ Юпитера, которым ведал жрец фламин, был распространён во всех римских провинциях и в войсках, которые играли огромную роль в жизни империи. В Риме было три великих фламина: фламин Юпитера, фламин Марса и фламин Квирина; двенадцать младших фламинов служили другим, менее значительным богам.

Согласно Авлу Геллию, Плиний говорит, что конская желчь считается величайшим среди ядов; поэтому фламинам нельзя прикасаться к коню, когда на общественный священнодействие в Риме его приносят в жертву. Однако Фест предлагает другое объяснение: ездить на коне фламину Юпитера нельзя, чтобы, если он уедет слишком далеко, священнослужение не оказалось в пренебрежении.

Жрец Юпитера не должен ходить по дороге, над которой свешиваются виноградные лозы. Плутарх считает, что этот странный запрет означает лишь то, что фламину Юпитера нельзя напиваться вином допьяна.

Юпитер возвещал будущее, как Зевс в Додоне через ветви своего дуба и журчание ручья. Он делал это посредством грома и молнии, сновидений, но более всего – полетом и голосами птиц, и их поведением во время кормления, поскольку Юпитер был небесным богом. Его священной птицей, как и у Зевса, был царь пернатых орел.

Храня весь мир и особенно Рим, Юпитер оберегал и его моральные ценности. Он был богом верности, его именем клялись, его почитали как хранителя всяких договоров, он безжалостно карал тех, кто эти договоры нарушал. Зевс был и более милостив, и никогда не спешил покарать преступника, давая ему время одуматься и измениться. Юпитер был особенно суров к корыстолюбивым судьям, которые выносили несправедливые приговоры, и к свидетелям, которые произносили ложные клятвы. И никакие последующие молитвы и покаяния не могли заставить Юпитера отказаться от наказания клятвопреступника.

Юпитер тоже не был однолюбом, но в отличие от чрезмерно любвеобильного Зевса, он охранял семейные союзы, обеспечивая лад в семье, покровительствовал долгому браку и гостеприимству. Юпитер, ненавидя всех клятвопреступников, не допускал ложных клятв в верности между любовниками и супругами, что для Зевса было вполне допустимо.

Древнеиталийский Юпитер был бессемейным. После отождествления Юпитера с Зевсом его начали считать сыном Сатурна и Опе, которые отождествлялись с Кроном и Реей. Юнона (Гера) стала считаться супругой Юпитера, а Миневра (Афина), Марс (Арес) и Меркурий (Гермес) – их детьми.

С Юпитером отождествляли множество местных верховных божеств в странах на всем побережье Средиземного моря, а в некоторых городах он был единственным богом.

В честь этого высочайшего бога несколько раз в году – при начале посева и окончании жатвы, при сборе винограда, проводились национальные празднества. В Риме устраивались Капитолийские игры в честь Юпитера, включавшие конные ристалища и состязания атлетов.

После падения под натиском варваров Западной Римской Империи в некоторых местностях имена Юпитера и Зевса стали употребляться практически без различий.

Минуций Феликс рисует облик различных Юпитеров, соответствующих греческому Зевсу в эпоху Римской империи: Юпитер представляется то безбородым, то имеющим бороду, называемый Аммоном имеет рога. Капитолийский носит молнии, Юпитер Лациар обогрел кровью, а к Юпитеру Феретрию нельзя подойти...

Однако чаще всего, Юпитер, как и Зевс, изображался могучим, величественным мужчиной, с пышными кудрявыми волосами на голове и такой же бородой, обычно на троне, с орлом у ног, крылатой богиней победы Викторией (Никой) в одной руке и скипетром – знаком верховной власти над миром богов и людей, в другой руке.

15. Юнона

В древние времена древнеримская богиня Юнона была богиней погоды, грозы и дождей и Луны. Она, как и волоокая Гера, отождествлялась с воздухом, только с влажным.

Сервий в Комментарий к «Энеиде» говорит, что физики под именем Юпитера хотят видеть эфир, то есть огонь, а под именем Юноны – воздух. И поскольку оба эти элемента одинаковы по своей тонкой природе [неосязаемы], то они называют их родственными. Но поскольку Юнона, то есть воздух, подчинена огню, то есть Юпитеру, то закономерно элементу, находящемуся выше, дается наименование мужа. Они утверждали, что Юнона же происходит от понятия помогать (a iuvando), ибо ничто так не согревает все, как тепло, передаваемое по воздуху.

В дальнейшем Юнона, как и муж, оставила природную деятельность. В качестве супруги верховного бога она, как и Гера, также была верховной богиней – богиней богинь. Как и супруг, она владела молнией и носила имя Юноны Регины, т. е. Царицы.

Юнона обладала большей властью, нежели Гера. Она соединялась с Капитолийским Юпитером, безраздельно властвуя и даруя власть, как и он, под прозвищами Капитолина и Регина. и вместе с ним и с Минервой образовала тройку самых могущественных богов, покровительствовавших великому Риму.

В Капитолийском храме Юпитера у Юноны был специальный придел, и она, как и Юпитер, называлась Капитолийской. При этом, супруга жреца Юпитера была жрицей Юноны. И в молитвах оба эти великих божества назывались рядом. Она покровительствовала римскому государству и была защитницей римского народа, в этом Юнона существенно отличалась от Геры, которая, хоть и была властолюбивой, но покровительствовала лишь отдельным городам, например, Аргосу, а не всей Элладе.

Юнона, подобно Гере, стала богиней брака и рождения, материнства и женской производительной силы. Она была, как и добродетельная Гера, покровительницей браков и охранительницей семьи и особенно замужних женщин. Римляне считали, что каждая женщина имеет свое божество – Юнону, а каждый мужчина – своего Гения. Отсюда уже ясно, что римских божеств было намного больше, чем граждан.

Как и Гера, Юнона была воплощением женской добродетели. Ее брак с Юпитером римляне рассматривали как образец человеческого брака. Поэтому Юнона покровительствовала всему, что связано с женщинами и семейной жизнью, особенно браку и рождению детей. Так, Юнона Пронуба покровительствовала заключению брака, Юнона Домидука вводила девушку в дом мужа и помогала перейти через порог незнакомого ей дома. Юнона Цинксия развязывала девственный пояс у молодой жены, Юнона Флувония покровительствовала зачатию, Юнона Луцина – рождению ребенка и т. д. В священную рошу Юноны приходили раз в год девушки, желающие выйти замуж, и опускали корзины с жертвенной едой в расщелину, где таилась голодная змея. Считалось, что если девушка девственна, змея ее не трогала, и муж получал ее чистой и невинной. Это испытание находилось под особым покровительством добродетельной Юноны.

Почтенные, замужние женщины, состоявшие в законном браке, назывались матронами, и каждый год 1 марта они праздновали в честь Юноны Матроналии.

Некоторые говорят, что в этот день был заключен мир между римлянами и сабинами и был освящен на Эсквилинском холме в Риме храм Юноны Луцины, обычно изображаемой

с ребенком на руках. Матроны получали подарки от родных и облаченные в лучшие одежды, с благоухающими венками на головах стекались в храм Юноны, которой приносили цветы.

Другие говорят, что Матроналии были учреждены Ромулом в память установления браков. Подобный праздник праздновался замужними женщинами вместе с рабынями 7 июля в честь «Козьей Юноны», на Козьем болоте, так называемые капротинские ноны.

Юнона считалась подательницей разумных советов. На Капитолийском холме был воздвигнут храм Юноны Монеты (Советчица, Убеждающая), которой, согласно Цицерону, в жертву приносили поросную свинью.

В случае войны Юнона Популония помогала собирать войско, а Юнона Монета помогала своими советами государству. Позже около ее храма возникла первая римская мастерская (монетный двор), выпускавшая металлические деньги, тоже получившие название «монеты».

Миневра считалась «правой, светлой рукой» Юноны, а её «левой рукой» считалась «тёмная» богиня плодородия и урожая Церера.

Главными атрибутами Юноны были, как и у Геры, покрывало, бриллиантовая диадема и павлин. Кроме того, Юноне были посвящены гуси, не имеющие никакого отношения к Гере, но с которыми была связана древняя легенда о спасении Рима: Полчища галлов осадили Рим, и остатки римского войска укрепились на Капитолийском холме. Когда галлы под покровом ночи стали тайно готовиться к неожиданному штурму и уже скрытно по щитам, образовавшим пирамиду, поднялись по почти отвесным стенам холма, находившиеся при храме Юноны гуси, начав громко гоготать, подняли тревогу. Проснувшиеся римляне сбросили успевших подняться галлов, которые, падая, разрушили пирамиду щитов и штурм захлебнулся.

Юнона обычно изображалась, как Гера, величественной статной красивой женщиной со скипетром и чашей, покрытая специальным покрывалом, рядом находилась ее священная птица – павлин. Эти атрибуты были заимствованы от Геры, которая возлюбила павлина после того, как поместила на его хвост глаза своего преданного слуги стоглазого Арга, убитого Гермесом за то, что он охранял по ее приказу превращенную в белую телку любовницу Зевса Ио.

Однако, в отличие от греческой царицы богов Геры, Юнона часто скульпторами изображалась в шлеме, как Афина, и панцире, что свидетельствовало о воинственности римлян.

Юнону называли Луциной (у греков Илифия) как светлую родовспомогательницу, выводящую ребенка из женских бедер на свет; Оссипагой (дающая зародышу скелет), Соспитой (вспомошествоющая), Руминой (кормилица), Фульгурой (мечущая молнии) и Монетой (советница, предостерегающая).

Юнона была так же Календарией – богиней начала каждого месяца. Когда помощник понтифика, обязанный наблюдать за лунными фазами, в первый раз видел серп луны, он созывал народ в Капитолий, чтобы торжественно возвестить наступление нового месяца и вместе с тем объявить изменявшееся сообразно месяцу число дней до нон. Нонами назывались 7-й день марта, мая, июля, октября и 5-й день остальных месяцев. Ноны следовали за календами (объявлять, возглашать) – название первого дня каждого месяца, от них произошел календарь. В честь Юноны называется месяц июнь.

16. Нептун

Первоначально Нептун существенно отличался от греческого Посейдона – Колебателя и Сотрясателя земли, брата царя богов Зевса, Земледержца, которому в удел досталась вся водная стихия.

Говорят, что первоначально Нептун был древнеиталийским богом земли и посевов, и от него сильно зависел урожай, которому была совершенно необходима влага. Поэтому в середине лета, чтобы предотвратить засуху, римляне сначала просили у Нептуна воды, потом стали делать это торжественно, а еще позже церемонию стали сопровождать играми. Так появи-

лись Нептуналии. Праздник в честь Нептуна справлялся или на Тибре, или в Остии, на берегу моря, под открытым небом или в большой хижине из ветвей.

Отмечались Нептуналии в середине лета 23 июля, когда летняя засуха наиболее сильна. В этот день для укрытия от обжигающих лучей из зеленых ветвей изготавливали шалаши, которые, подобно богу, защищали людей и их дела от палящего летнего солнца.

Особо Нептун покровительствовал всем источникам и текущей воде, питающих своей живительной влагой и поля, и стада, и самих людей.

Нептун был божеством текущей (речной и ключевой) воды и скорее походил на греческого древнего Титана Океана, а супругой его была Салация (Амфитрита) – божество соленой (морской) воды. Некоторые говорят, что супругой Нептуна была, как Венера прекрасная, Венилия – богиня источников. Винилия и Канента были владычицами пресной воды в родниках и озерах. В число морских божеств входил и Портун – бог речных и морских портов, и его главный храм был воздвигнут у тибрского порта Рима.

Впоследствии, когда римляне завоевали Грецию и сделали ее одной из своих провинций, они отождествили Нептуна с греческим Посейдоном и сделали его также богом моря и мореходства, как военного, так и торгового, и стали изображать подобно Посейдону – с мощным трезубцем в могучей руке.

Даже став богом морей и потоков Нептун в относительно древние времена почитался недостаточно, поскольку римляне до того, как их город превратился в великую империю, мало имели дело с открытым морем.

Поэтому Нептун, хоть и был отождествлен с могучим земли Колебателем царем морей Посейдоном, все же в тройку главных римских божеств так и не вошел.

Как и Посейдон – Гиппий (Конный) Нептун стал так же покровителем всего, что связано с конями и, особенно, – всаднических ристаний и упражнений, которые очень любили римляне.

Нептуну был поставлен жертвенник в цирке Фламиния, а в Великом цирке он имел свой храм.

17. Церера

Вторая дочь Сатурна (Крона) и Опс (Реи) называлась Церерой.

Как и греческая благая богиня Деметра, она была богиней плодородия и земледелия. Церера в семена, которые сеяли в землю, вдыхала жизнь. В пору посева она посылала теплый ветерок, во время произрастания – благодетельный дождь, защищала молодые побеги от заморозков, отгоняла от созревающих растений птиц и насекомых, уничтожала на поле сорняки, охраняла нивы от ненастья и, таким образом, приносила земледельцам богатый урожай.

Церера, как и Деметра ненавидела войну и благословляла мир, ибо войны приводят к неурожаю и несут разорение, а то и голод землелашцу. Поэтому Цереру очень почитали в Риме. Уже ранней весной ей приносили жертвы, и не убирали урожай до тех пор, пока земледельцы особо не почтят Цереру. Церера была связана с подземным миром, а иногда и сам этот мир называли «миром Цереры».

Во время борьбы патрициев с плебеями, добивавшихся равных гражданских прав, плебеи особенно почитали именно Цереру. В ее храме хранился архив этого сословия, и специальные должностные лица, избираемые из числа плебеев, заботились о храме. Как

и Капитолийский храм Юпитера, в котором были части, посвященные Юноне и Минерве, так и храм Цереры был трехчастным: наряду с самой Церерой в нем почитались также Либер и Либера.

Особенно чествовали Цереру плебеи, которые 11 или 12 апреля, совершали праздник Цереалии. Торжественным шествием отправлялись в цирк, где устраивали конские скачки,

продолжавшиеся 8 дней, надевали белые платья, пересылали друг другу венки из цветов и устраивали у себя праздничные угощения. Жертвенным животным служила свинья. Перед жатвою земледелец также проносил богине в жертву свинью и первины. В Риме первый храм в честь Цереры был построен в 496 г. до н.э. во время голода Авлом Постумием недалеко от Цирка, у подошвы авентинского холма, где жили преимущественно плебеи. В позднейшие времена римляне смешивали Цереру с Теллугой,

От Юпитера Церера родила Прозерпину – богиню произрастания всего растительного царства, которая отождествлялась с Персефоной. Поэтому Цереру и Прозерпину особенно чтили римские земледельцы.

Прозерпину похитил Плутон, и печальная Церера бродила по земле в поисках любимой дочери. С тех пор она заботится о всех осиротевших или покинутых детях. От непереносимой печали Цереры увяла природа, и Юпитер, опасаясь, что жизнь на земле прекратится, приказал Плутону отпускать Прозерпину на светлую землю каждый год на полгода. Сердце Цереры радуется и расцветает природа, наступает весна. Но опять приходит время возвращаться Церере в мрачные пустоты к супругу Плутону, и Церера опять печалится и тоскует, наступает поздняя осень, природа увядает и зимой умирает. И так по воле Парок (Мойр) будет происходить всегда.

Миф о Церере, блуждающей в поисках похищенной Плутоном Прозерпины лежал в основе Элевсинских мистерий. Божественное повествование играло у древних римлян менее важную роль, чем у греков, для них важнее были всегда ритуал и культ. Ритуал получил специальное название «церемония», которое произошло от имени Цереры.

Ватиканский мифограф говорит, что Прозерпину, дочь Цереры, считают супругой Плутона. Ибо Церера обозначает радость и является богиней хлеба. А Прозерпина так называется потому, что из-за нее произрастают плоды. Ее называют также Вестой, потому что она убрана травой или другими предметами. Она же зовется еще Дианой (Селеной), то есть Дуаной, так как луна видна и днем, и ночью. Утверждают также, что она – Луцина, ибо она светит. Ее же зовут Тривией, так как она изображается с тремя ликами; о ней Вергилий говорит: «Три лика у девы Дианы», потому что ее зовут и Луной, и Дианой, и Прозерпиной. Она называется еще «Латониной девой» – по имени матери Латоны, и «Плутоновой супругой». По-гречески имя ее – Геката.

В честь Цереры устраивались празднества Цереалии, которые проводились с 12 апреля и продолжались восемь дней. Эти празднества были особенно любимы плебеями.

В жертву богине приносились медовые соты, плоды и свиньи. Многие римляне в белых одеждах, украшенные венками, устраивали праздничные трапезы, приглашая всех проходящих, чтобы умиловить Цереру. В III века до н. э. в сентябре после завершения жатвы стали устраиваться посвященные Церере игры в Большом цирке – ипподроме, вмещавшем до полу-миллиона зрителей.

Церера часто почиталась так же вместе с богиней Анноной – покровительницей жатвы и с древней богиней земли Теллугой. Аннона благословляла и охраняла жатву, некоторые анноной называли все продовольственные (или хлебные) припасы на рынке. Теллура была устройтельницей миропорядка, подательницей благоденствия и покровительницей браков, подобно греческой Деметре Фесмофоре – Законодательнице.

18. Веста

Если Янус считался Отцом всех римских богов, то Веста была Матерью. Молиться римляне начинали сначала Янусу, а в конце – Весте.

Веста, подобно греческой Гестии, была богиней семейного очага и постоянно горящего огня в очаге, который часто называли «вестой». Огонь этого очага считался нерукотворным,

и ели он вдруг затухал, то зажечь его можно было только от солнца. Если бы священный огонь Весты погас и его нельзя было бы зажечь, то это привело бы к крушению великого Рима.

В главном святилище Весты в центре Рима 6 жриц (весталок), содержали вечный огонь, который в первый день весны каждого года возобновлялся неизвестным образом. Этот огонь был олицетворением богини, изображения которой в храме не было. Весталки так же соблюдали чистоту храма, совершали жертвоприношения Весте и пенатам, охраняли палладиум и другие святыни. Они выбирались из патрицианских семей в 6-10-летнем возрасте и обязаны были служить 30 лет чистой богине, оставаясь девственницами, ибо огонь Весты всегда чист и непорочен, и служить Весте могли только девственницы. Чистота и непорочность огня Весты делали ее символом неподкупности, сохранения тайны и честного исполнения договоров, и потому в ее храме римляне хранили свои завещания.

Первые 10 лет весталка училась, вторые служила, а последние обучала других. Вновь принятым весталкам обрезали волосы и вешали их как пожертвование на священное дерево, которому в эпоху Плиния Старшего было уже более 500 лет. Затем юную весталку одевали во всё белое, нарекали её именем Амата «Возлюбленная», которое прибавлялось к её номену (родовому имени), и посвящали её в новые обязанности.

Согласно Ливию, Нума выбрал дев для служения Весте; служение это происходит из Альбы и не чуждо роду основателя Рима. Чтобы они ведали храмовыми делами безотлучно, Нума назначил им жалование из казны, а, отличив их девством и прочими знаками святости, дал им всеобщее уважение и неприкосновенность.

Весталки освобождались от отцовской власти, имели право владеть собственностью и распоряжаться ею по своему усмотрению. Всякий, оскорбивший весталку, например, попытавшийся проскользнуть под её носилками, карался смертью. Впереди весталки шёл ликтор, при определённых условиях весталки имели право выезжать в колесницах. Если им встречался преступник, которого вели на казнь, они имели право помиловать его.

Самой страшной провинностью весталки было нарушение обета целомудрия, за что ее погребали заживо, а соблазнителя засекали до смерти.

За другие провинности, например, за угасание священного огня весталок сек сам Великий понтифик. Непредвиденное угасание священного огня считалось для Рима дурным предзнаменованием. Гасили пламя лишь один раз в году – в первый день нового года; затем вновь зажигали. Зажигали священный огонь всегда исключительно древним способом – с помощью трения дерево о дерево (или от солнца).

Античные писатели относились к Весте неоднозначно. Некоторые отождествляли ее с Геей и Реей-Кибелой.

Цицерон же говорит, что власть Весты простирается только над жертвенниками и очагами.

Овидий в «Фастах» поет, что Веста – не что иное, как пламя живое, а из огня никогда не возникают тела. Стало быть, дева она, и семян не дает она вовсе и не берет, а сама девственных любит подруг. В другом месте, он говорит, что Земля с Вестой одно божество, поскольку при обеих – огонь негасимый.

По сообщению Дионисия Галикарнасского, Весте поручен огонь, потому что Земля, являющаяся богиней и занимающая центр вселенной, сама производит огонь.

Плутарх говорит, что в образе Весты Нума повелел чтить неугасимое пламя как начало всего сущего, а выстроив храм Весты круглым, царь воспроизвел форму не Земли, но всей вселенной, в средоточии которой пифагорейцы помещают огонь, называемый ими Гестией.

Сервий назвал Весту седой либо потому, что верность встречается только среди седых людей, либо потому, что ей приносят жертвы рукою, обмотанной белой тканью, что означает, что верность должна быть сокрытой. Отсюда и Гораций говорит, что редкая верность, укутанная белым покрывалом. Называя же Весту, Вергилий помнит про религиозный обряд. Ибо

ни одно священнодействие не совершается без огня. Поэтому и она сама, и Янус вызываются во всех жертвоприношениях.

Ежегодно в середине лета праздновались в Риме Весталии, обряды, в которых представляли Весту богиней, снабжающей семью насущным хлебом. Во время праздника римлянки совершали босиком паломничество в храм богини и здесь приносили ей жертвы. В день этого праздника ослы не употреблялись для работы, так как, по преданию, крик осла некогда пробудил богиню ото сна в то время, как Приап собирался обесчестить её.

Овидий поет, что во время Весталий, когда открывался храм Весты, фламанике запрещалось касаться мужа, и этот период считался очень неблагоприятным для заключения брака. И, напротив, после того как храм закрывался, наступала пора, благоприятная для вступления в брак.

Культ Весты был важен для всего римского государства потому, что Веста объединяла всех граждан в одну большую семью. Пока горел священный огонь богини и хранились ее священные реликвии, вечный город Рим был могуч.

В скульптурных изображениях, которых сохранилось очень мало, богиня представляется в виде богато одетой девушки с накинутым на голову покрывалом.

19. Диспатер

Небо отражалось от поверхности под землей в особой глубокой яме, прикрытой большим камнем и называемой мундусом; по ней подземные боги поднимались к людям. Поэтому такая яма в центре Рима открывалась только на несколько дней в году, когда почитались боги подземелья.

Все подземное царство, называемое греками Аидом, римляне называли Орком; так же называли и царя подземного мира, другие широко известные его имена Диспатер и Дит. Супругой Диспатера была Прозерпина, культ этих богов в Риме не получил большого распространения, как в Элладе не почитали Аида.

Во время войн с Карфагеном, удача часто отворачивалась от Рима, и однажды, когда ратные дела шли совсем плохо, и к тому же ударом молнии была разрушена часть городской стены, римляне решили обратиться к Сивиллиным книгам, из которых узнали, что на Рим гневается властительные подземные боги. Поэтому решили устроить празднество в честь Диспатера и Прозерпины и принести им пышные жертвы. Тогда на Марсовом поле три ночи (ведь божества мрачного мира, где живет чернокрылая Нокс) подряд устраивались специальные игры и приносились жертвы. Диспатеру жертвовали каждую ночь отборного черного быка, а Прозерпине – лучшую черную корову. Особенных побед в войнах с Карфагеном ни игры, ни жертвы не принесли, и потому они не стали ежегодной традицией. Через сто лет в самом начале последней пунической войны эти игры повторили и вскоре стерли ненавистный Карфаген с лика земли.

Диспатеру и Прозерпине подчинялось много богов. Богиней погребений была Либитина, которая являлась также и спутницей Венеры. С ее помощью души умерших уходили в подземный мир. Там они становились манами, добрыми духами, благосклонными к людям. С миром мертвых связаны и лары, которые тоже были добрыми духами. Их матерью являлась богиня Мания. Души умерших предков требовали поклонения. Когда же из-за войн римляне перестали достаточно почитать умерших, то их души вышли из могил и своим видом и воем пугали живущих. Когда устрешенные римляне возобновили почитание умерших предков, те перестали их пугать.

20. Вулкан

Вулкан был одним из самых древних италийских богов, более древним, чем сам Юпитер. Изначально он – бог разрушительного огня и очистительного пламени, лишь, спустя века, он стал покровителем кузнечного и литейного дела у римлян.

Первоначально Вулкан, как и Юпитер, так же владел молнией. В неудержимой ярости огонь способен начисто уничтожить не только все плоды человеческой деятельности, но и самого человека, и потому люди стремились умиловить Вулкана.

Возможно, в древнее время Вулкан был и богом войны, пока им не стал Марс. Вулкан же, с развитием ремесла стал покровителем всех ремесленников, которые имели дело с огнем, прежде всего кузнецов и литейщиков. Поэтому он получил прозвище Мультибер, что означает «Плавильщик». В результате он стал очень похож на греческого бога Гефеста, с которым римляне его быстро отождествили, поскольку его не надо было даже «перевозить» – основная кузнечная мастерская находилась в вулкане Этна на Сицилии.

Культ Вулкана долго сопровождался кровавыми жертвоприношениями людей, чего не рассказывают о культе Гефеста даже в древние времена. Почитание Вулкана римлянами связано также с государственным культом огня и очага.

Первой женой Вулкана была прекраснейшая из женщин Венера, как и у Гефеста – Афродита. Он был так же женат второй раз – на Майе (Майеста), о которой почти ничего не известно, но она была Доброй богиней и не была Грацией, как у Гефеста вторая супруга Харита Аглая.

Вулкан обустроил жилища бессмертных богов на Олимпе и делал нетленное оружие и доспехи для богов и некоторых знаменитых героев. Его кузница находилась в вулкане на горе Этне в Сицилии. Себе в помощь Вулкан создал золотых женщин, подобно тому, как Гефест создал себе механических слуганок.

Вулкан так же был хром на обе ноги – однажды разъяренный Юпитер сбросил его с мощных высей Олимпа. Вулкан сломал при этом обе ноги и на всю жизнь захромал, но зато, как говорят некоторые, приобрел способность отсрочивать предназначения Парк на десять лет. Эта история была, без сомнения, от начала до конца заимствована у эллинов хотя бы потому, что Олимп был обиталищем греческих богов и находился в Элладе.

Возле Свайного моста, расположенная возле Комиция, на склоне Капитолия находилась площадь Вулкана, посвященная римскому богу огня. Вулкан наряду с Юпитером, Минервой и Юноной считался богом, способным метать молнию.

21. Минерва

Римляне Афину называли Минервой (отмеряющая). Минерва была покровительницей главным образом ремесел, городов и мирных занятий их жителей. Поэтому изначально она существенно отличалась от воинственной Афины Паллады, не только богини организованной войны, но и ее изобретательницы.

Постепенно деятельность древней италийской богини Минервы все больше совпадала с деятельностью греческой Афины (покровительство ремеслам и особенно ткачеству, защита города). Поэтому римляне сначала начали считать Минерву дочерью Юпитера, которая родилась из его головы (как Афина из темени Зевса), и стала богиней не только ремесел и мудрости, но и войны. Через относительно небольшое время после включения Греции в свою империю, римляне стали считать Афину и Минерву одной и той же богиней.

Тремя главными римскими богами считались Юпитер (Зевс), Марс (Арес) и Квирин (заимствованный от сабинян бог войны, подобный Марсу). Однако заимствованную от этрусков (древние жители Апеннинского полуострова) древнюю Капитолийскую Триаду – три важ-

нейших бога в Древнем Риме, почитавшиеся в Капитолийском храме составляли Юпитер, Юнона и Минерва. В этом великолепном храме, который начал строить на Капитолийском холме Тарквиний Гордый, было три святилища – Юпитеру, Юноне и Минерве.

Все три главных божества считались стражами Рима. Минерву римляне очень почитали, особенно, после того, как она стала воинственной и возводили ей собственные храмы.

В Риме Минерва почиталась, как воинственная богиня мудрости, этрусски же ее почитали, как молниеносную богиню гор и покровительницу всяческих открытий и изобретений.

Римляне заимствовали у этрусков многие обычаи, например, такие, как гладиаторские бои, которые обязательно проводились во время праздников Квинкватрий, посвященных Минерве. Большие Квинкватрии устраивались весной во второй половине марта и длились пять дней с 19 по 24 марта. Это был праздник главным образом, ремесленников, художников и учеников. В первый день Квинкватрий ученики освобождались от занятий и приносили учителям плату за обучение – минервал. Затем устраивались гладиаторские игры, а в последний день приносились жертвы Минерве и освящение труб. Обычные жертвоприношения – лепешки, мед и оливковое масло. Трубы находились под особым покровительством богини, поскольку трубачи играли большую роль в городской жизни, участвуя в различных торжественных церемониях. При этом флейтисты считали своим главным праздником Малые Квинкватрии, которые проводились летом с 13 июня и длились три дня.

Минерва, как и Афина, была не только покровительницей, но и изобретательницей многих ремёсел и искусств. Она покровительствует не только многим ремесленникам (ткачам, сапожникам и портным), но и врачам (Минерва Медика), учителям, ваятелям, поэтам и, в особенности, – музыкантам; она наставляет, учит женщин и руководит ими во всех их работах.

Как покровительнице в молниеносной войне Минерве приносили щедрые дары, совершали посвящения и строили храмы многие знаменитые римские полководцы после какой-нибудь блистательной победы. Например, Луций Эмилий Павел, закончив покорение Македонии, сжёг (принес в жертву) часть добычи в честь Минервы; Помпей после своего триумфа построил ей на Марсовом поле величественный храм; так же поступил и Октавиан Август после победы при Акциуме.

Когда Минерва была отождествлена с Афиной, к ней перешли и все эпитеты эллинской воинственной, трудолюбивой и мудрой богини. К имени Минервы часто прибавляли эпитет Капта (голова), который означал не мудрость богини, а то, что каждый, совершивший из храма Минервы Капты кражу, отвечает за это перед богиней головой.

Изображалась Минерва как Афина Паллада в виде стройной крепкой девушки в полном вооружении: в шлеме, с копьем и щитом, и со своей священной птицей совой.

22. Меркурий

С течением времени из бога хлебного дела и торговли хлебом Меркурий сделался богом торговли вообще, богом розничной продажи, всех лавочников и разносчиков. В майские иды торговцы приносили Меркурию и его матери Майе жертвы, стараясь умиловить божество хитрости и обмана, которыми сопровождалась всякая торговая сделка. Недалеко от Кайенских ворот находился источник, посвященный Меркурию. В этот день купцы черпали из него воду, погружали в неё лавровые ветви и с соответствующими молитвами кропили себе голову и товары, как бы смывая с себя и товаров вину содеянного обмана. Символом мирных намерений бога был кадуцей.

Позднее, вместе с торговыми отношениями, культ Меркурия распространился по всей Италии и по провинциям, особенно в Галии Германии, где находят много его изображений. Культ его получил распространение лишь тогда, когда Рим завязал торговые отношения

с соседними народами, то есть в эпоху Тарквиниев, к которой относится первый торговый трактат между Карфагеном и Римом.

Меркурий был торжественно принят в число италийских богов в 495 г. до н.э., после трёхлетнего голода, когда одновременно с введением культа Меркурия были введены культы Сатурна, подателя хлеба, и богини жатвы Цереры. Храм в честь Меркурия был освящён в майские иды 495 года до н. э.; тогда же был упорядочен хлебный вопрос и учреждено сословие купцов, называвшихся *mercatores* или *mercuriales*.

Согласно Ватиканскому мифографу, бог был назван Меркурием, как если бы он бежал от одного к другому: ведь и речь бежит от одного человека к другому. Поэтому Меркурия изображают стремительно мчащимся. Крылья на его голове и на ногах обозначают, что речь, будучи летучей, перемещается по воздуху. Меркурия называют вестником, так как благодаря речи сообщаются все мысли. Так же точно его называют наставником в воровстве, потому что речь обманывает души слушателей. По-гречески Меркурий называется Гермесом от слова «герменейя», что по-латински соответствует «толкованию».

Овидий в «Фастах» поет, что для внука славного Атланта, который научает людей ловким и умным речам, храм для него освятили отцы, на Цирк обращенный, и с этой поры его это праздничный день. Все, кто торгуют, свои предлагая к продаже товары, ладаном курят, чтоб он прибыль торговцу послал. Возле Капенских ворот струятся Меркурия воды, силе божественной их, все верят. К ним приходят купцы, подоткнувши рубахи, и урной, чинно ее окурив, черпают воду себе. Ветку лавровую здесь омочив, окропляют товары все, что должны перейти после продажи к другим. Волосы также свои кропят они с этой же ветки, так возвышая в мольбе голос, привычный к лганью:

– Смой вероломство мое бывшее и прежнее, смой ты лживые речи мои, что говорил я вчера! Если я ложно божился тобой или всуе, надеюсь, что не услышат меня, если Юпитера звал, или других богов или богинь обманывал ловко, – быстрые ветры пускай ложь всю развеют мою! Но широко да отворится дверь моим плутням сегодня и не заботятся пусть боги о клятвах моих. Ты только прибыль мне дай, меня порадуй прибытком и покупателя дай мне хорошенько надуть!

Громко смеется Меркурий, с небес услышав эти просьбы, вспомнив, как сам он украл у Феба коров.

23. Диана

Первоначально Диана была связана с озером Неми (зеркалом Дианы), расположенным недалеко от латинского города Ариции в ее священной роще. Со временем культ богини от латинян переняли римляне, хотя Рим тогда в Латинский союз не входил.

Основанный на Авентине римский храм Дианы скоро стал общесоюзным. Диана была покровительницей растений и диких животных. Она была владычицей гор крутоглавых, тенистых лесов и дубрав, скалистых ущелий и быстрых потоков. Покровительствуя диким зверям, Диана стала покровительствовать охоте и охотников. Ее благоговеино чтили юноши и девушки.

Когда Рим распространил свою власть на Элладу Диана распространила свое покровительство на юных девушек, помогая им выйти замуж и на женщин, помогая им зачинать и рожать детей. Так римляне отождествили Диану с греческой богиней охоты и дикой природы Артемидой, а в качестве образца для изображения своей Дианы взяли знаменитую Артемиду Эфесскую, бывшую покровительницей рождения и изображаемую с большим количеством женских грудей.

В итоге римляне называли Артемиду Дианой, которая стала богиней растительного и животного мира, охоты, женственности и плодородия, родовспомогательницей и детопитательницей.

Диана, как Артемида, олицетворяла так же Луну, не только в древние, но и в позднейшие времена, и потому греческую богиню Луны Селену римляне называли тоже Дианой.

Диану также стали отождествлять с подземной богиней Гекатой и называли ее Тривией – богиней трёх дорог (перекрёстков), и это имя свидетельствовало о ее тройной власти: на небе, на земле и под землёй.

Также Диану отождествляли с карфагенской небесной богиней Целестой. В римских провинциях под именем Дианы почитали местных духов – «хозяек леса». Диану особенно почитали сельские жители, которые чаще охотились и разводили домашних животных для питания и облегчения тяжелого труда.

В Риме культ Дианы не был распространён среди знати, но был популярен среди рабов, которые обладали в храмах Дианы неприкосновенностью. Богиня слыла покровительницей плененных Римом латинян, в так же всех плебеев и рабов.

Жрецом Дианы Арицинской мог быть только раб, притом обязательно беглый. Когда беглец приходил в священную рощу богини, его встречал жрец, и они вступали в схватку, которая должна была окончиться смертью одного из них. Если побеждал прежний жрец, он оставался на своем посту, если беглый раб убивал жреца, то он сам становился жрецом до прихода следующего беглого раба.

Шестой царь Рима Сервий Туллий, бывший все детство и юность, хоть и царским любимцем, но все же рабом, посвятил Диане храм на одном из семи римских холмов – Авентине. Годовщина основания храма считалась праздником рабов, а Сервия Тулия считали царем плебеев, поскольку Авентинский холм был заселен в основном беднотой.

Возле храма Дианы в Ариции находились целебные источники, у которых жрецы богини лечили многие болезни. За храмом была роща с источником нимфы Эгерии, где, сорвав ветвь со священного дерева, беглые раб и преступник получал убежище, а убив одного из жрецов, охранявших священную рощу, занимал его место и становился жрецом богини.

В Италии долгое время Диану почитали, как и Гекату, покровительницей чародеек, которые считались мудрыми женщинами, целительницами. Изображали богиню, как Селену с полумесяцем на голове и факелами в руках, в длинной одежде.

24. Феб

Первым эллинским богом, культ которого восприняли римляне, был Аполлон, которого они часто называли Фебом.

Эллинский Аполлон – карающий бог и губитель, но он же защитник, помощник и врачеватель, прорицатель, блюститель вселенской гармонии, Мусaget, бог поэзии, песен, танцев и музыки, бог состязаний, юности и эфебов. Даже перечисленные основные особенности этого бога демонстрируют чрезвычайное разнообразие его функций и их противоречивость, которая может показаться даже несовместимой.

Так как римского бога, подходящего для отождествления с Фебом, не нашлось, они включили его в свой огромный божественный пантеон под собственным именем Феб-Аполлон, взяв и большинство его прозвищ.

В Риме деятельность прекрасного бога несколько изменилась и расширилась. Он стал еще и лучезарным богом солнца, каким в греческом мире до этого не являлся, там был Гелиос.

Считается, что Гомер, как и Гесиод, никогда не отождествлял Аполлона с Солнцем, и потому десятки раз называя его Фебом, он этим эпитетом имел виду только то, что Аполлон внук титаниды Фебы. Это подтверждает и то, что Артемиду, которая была тоже внучкой титаниды Фебы, Гомер называл стрелолюбивой Фебой.

Прежнее воплощение светила – бог Соль (греческий Гелиос) – было оттеснено на задний план, хотя и не вычеркнуто окончательно из римского пантеона.

В Риме Феб так же вечно юн и вечно красив; вовек не оденет даже легчайший пушок его нежные щеки.

Естественно, Аполлон, переехав на италийские земли, остался и покровителем искусств, и богом гармонии, и, что было для римлян особенно важно, богом, прорицающим будущее и дающим соответствующие советы, которые можно было использовать на практике. Старые почитаемые римлянами божественные пророчицы Сивиллы стали теперь, наравне с Пифиями, восприниматься как жрицы дельфийского Аполлона. Песни Сивилл передаются и сохраняются, кроме Кумской, чьи книги сокрыты римлянами: в них никто не имеет права заглядывать, кроме членов коллегии пятнадцати.

Фебов удел не только пророчицы и пророки, и вещи храмы; от Феба ж власть получают целители отгонять врачеваньем болезни. Греческое врачебное искусство было в целом принято римским государством, хотя многие даже образованные римляне смотрели на медицину с отвращением и не гостеприимно относились к приезжающим в Рим греческим врачам, среди которых было немало и шарлатанов.

Феба называли и Пастушеским. Тот же Феб размерять города научил землемеров в роде людском: возлюбил ведь Феб и новых городов основание.

В гомеровском гимне «К Аполлону Делосскому» поется, как с кресел своих, повскакавши, стоят все боги в страхе, когда по дому Зевса пройдет Аполлон. Когда Лето, милая мать, посадит его в кресло, в чаше ему золотой, дорогого приветствуя сына, нектар отец подает. И только тогда божества остальные тоже садятся по креслам... У римлян Феб никогда не почитался так высоко, как у эллинов и занимал более скромное положение, чем Юпитер, Марс, Янус, Квирин, Юнона и Миневра.

25. Марс

В древнейшее время Марс, как и большинство широко известных богов Эллады и Рима был природным богом – плодородия. Считалось, что он может наслать гибель урожая и падеж скота, а может, наоборот, отвратить их. Под его защитой находилась весна – время посева, во многом определяющего благополучие всего года. Он боролся с холодом и разрушительными силами природы, отвращая злых духов, и к нему земледельцы обращались с просьбами и молитвами. Марс защищал и очищал поля и дома от недорода и голода, бурь и ненастий, отвращал болезни, посылал рост вызревание пшенице, винограду, оливам, плодам и овощам. Он оберегал пастухов и домашний скот, сохранял их хозяйство.

Со временем, когда римская империя в результате победоносных волн все время расширялась, Марс стал восприниматься в качестве отца великого и воинственного римского народа и стал покровителем Рима, защитником городских стен не только от природных стихий и свирепых зверей, но и от враждебных племен и народов.

Это, а также все большее заимствование у греков образа неистового бога кровавой войны Ареса привело к тому, что и Марс стал воинственным богом, и его стали чаще называть Градивусом. Одни возводили это имя к глаголу «увеличивать», считая, что он увеличивает урожай и поголовье стад, другие – к глаголу «шествовать» потому, что Марс Градивус и Квиринус (копьеносный) шествует впереди победоносного римского войска. Перед военным походом приносились жертвы Марсу и возносились мольбы возле его храма, а после возвращения ему жертвовали часть военной добычи в благодарность за помощь в победе. Марсу, как богу войны служили особые жрецы Салии (плясуны). Во время длившихся несколько дней празднеств в честь Марса Салии проходили с шумными плясками по всему Риму. Каждый день праздника завершался пиром, пышность и изобилие которого вошли в пословицу.

Марсу был посвящен первый весенний месяц, названный по его имени – март. В древности именно он открывал год, и это было знаком особого почтения к Марсу. Римляне приписывали создание такого календаря Ромулу, который и посвятил первый месяц года своему отцу.

Храм Марса, уже как бога войны был сооружен на Марсовом поле вне городских стен, поскольку вооруженное войско не должно было входить на территорию Вечного города. Прежде там находилась пашня последних римских царей из рода Тарквиниев. Когда же царская власть была свергнута, это место превратили в общественную собственность, и решено было никогда его не вспахивать, а посвятить Марсу.

В храме Марса хранилось священное оружие бога – метательное копье и щиты, один из которых когда-то упал с неба. Перед отправкой на войну римский полководец брал это оружие и взывал к Марсу: «Марс, бодрствуй!». С этим оружием салии исполняли в честь Марса священную пляску.

В Риме отмечалось несколько праздников в честь Марса. Одни справлялись весной, в феврале и марте, а другие осенью, в октябре. Эти праздники как бы открывали и закрывали время военных действий, ибо в древности зимой обычно не воевали. Целью весенних праздников было заручиться покровительством бога войны перед началом военного сезона, а осенних – благодарностью за дарованные победы.

Марс был и мстителем за несправедливые убийства, считается, что он был причастен к мщению за коварное убийство Цезаря. Первый римский император Август, приемный сын Цезаря, воздвиг в Риме храм Марсу Мстителю. И позже римляне обращались к этому богу с мольбами и призывами к отмщению.

Марс был хранителем державы римского народа, обеспечивал Риму победы в войнах, а после покорения других народов даровал им мир под покровительством Рима. Поэтому он назывался не только Победителем и Хранителем Вселенной, но и Миротворцем.

Миротворчество сильно отличало Марса от вечно запятнанного чужой кровью неистового греческого Ареса, которому всегда были нужны войны, хотя и он, как Арес и сам принимал участие в сражениях, в которых его сопровождали Павор (Ужас, у греков Деймос) и Паллор (Страх, у греков Фобос), а также Виртус (Доблесть, у греков Арета) и Хонос (Честь). Первые наводили страх на врагов, вторые вдохновляли римлян на боевые подвиги ради отечества. Кроме их, неизменными спутниками Марса были также Мания (бешеное безумие, у греков Лисса) и возлюбленная дочь или сестра богиня неистовой войны Беллона (буйная война, у греков Энио). При этом, согласно Лактанцию, Беллону называли так же и Доблестью.

От Марса весталка Рея Сильвия родила легендарных основателей Рима близнецов Ромула и Рема. Поэтому как отец Ромула, Марс был божественным родоначальником и хранителем Рима. После смерти родоначальник Рима Ромул стал богом Квирином, двойником Марса.

Законной женой Марса была малозначительная богиня Нерио (Нериена, сила), которую иногда отождествляли и с Венерой, и с Минервой.

Рассказывают, что однажды Марс влюбился в Минерву и обратился к престарелой богине наступающего нового года Анне Перенне с просьбой выступить в роли свахи. Спустя некоторое время Анна Перенна сообщила ему, что Минерва согласна стать его женой. Когда же Марс отправился за невестой и поднял вуаль представленной ему в качестве невесты богини, то обнаружил, что перед ним не Минерва, а старуха Анна Перенна. Остальные боги долго потешались над этой шуткой.

Символом Марса Квирина было изобретенное им копье (до него охотники и воины металы заостренное деревянное древко, Марс же придумал надевать на него металлический наконечник), хранившееся в жилище римского царя – регии. Там же находились двенадцать щитов, один из которых, по преданию, упал с неба во времена царя Нумы Помпилия, а потому считался залогом непобедимости римлян. Остальные одиннадцать щитов были изготовлены

по приказу царя как точные копии упавшего с неба, чтобы враги не могли распознать и украсть подлинный. Отправляясь на войну, полководец приводил в движение копье и щиты, взывая к Марсу; самопроизвольное движение считалось предзнаменованием страшных бед.

Священными животными Марса считались в первую очередь волк и дятел, некоторые к ним добавляли еще коня и быка.

26. Венера

Римская Венера (Venus) в древние времена была богиней произрастания и плодородия, цветущих садов и весеннего расцвета природы. Она была богиней весны, оживлявшей после осени и зимы заснувшую, словно умершую, природу, разделяя эту деятельность с Флорой, богиней цветов и богиней рощ и источников Феронией, которых римляне в то время чтили гораздо больше, чем Венеру. Постепенно Венера стала покровительствовать и всякому пробуждению сил, в том числе и сил человека, сил его влечения к другому человеку, т.е. любви.

Впоследствии Венера, в результате заимствования у греков Афродиты, стала богиней красоты и любви, покровительницей брака и обладательницей всех эпитетов греческой Афродиты, присоединив и другие чисто римские эпитеты, например, «лысая» -, в память самоотверженных римлянок, отдавших во время войны с галлами свои волосы для изготовления канатов.

Огромное влияние на отношение римлян к Венере оказало то, что она была матерью троянского героя Энея. С его прибытием в Италию римляне связывали начало истории Рима, и Венеру рассматривали как прародительницу всего римского народа.

Когда культ Афродиты был перенесен в Рим, то практически сразу же она была отождествлена с Венерой. Особенный почет в Риме ей доставили диктатор Гай Юлий Цезарь и его приемник основатель Римской империи Октавиан Август, считавшие, что Венера через своего смертного сына Энея и внука Аскания-Юла была прародительницей всего римского народа, и особенно рода Юлиев. Цезарь считал себя прямым потомком Венеры, поэтому при нем культ Венеры Прародительницы стал чуть ли не самым главным официальным культом Рима. Римские императоры следовали Цезарю и весьма почитали Венеру, строили и перестраивали ее храмы, а императрицы часто рассматривались и изображались как земные воплощения этой богини.

Венера помогала римлянам одерживать победы и потому имела эпитет Венеры Победоносной.

Венера являлась и богиней – очистительницей. Ее излюбленным деревом был мирт, поэтому с помощью миртовых ветвей проводился обряд очищения (в том числе и от пролитой крови).

Венера была связана также и со смертью. Считалось, что в человеке, страстно полюбившем другого, как бы умирала часть его собственной души, пожертвованная возлюбленной. К тому же и земля, как бы умирает осенью, а весной не только пробуждает новую жизнь, но и принимает в себя ушедших из жизни. Таким образом, самой близкой спутницей Венеры оказывается подземная богиня погребений Либитина, что отличает Венеру от Афродиты, олицетворяющей возобновление жизни, но далекой от мрачных подземных божеств.

Другим постоянным спутником Венеры являлся Купидон, ее дивный сын, воплощавший страстное любовное желание. Сначала он был второстепенным сельским богом и обеспечивал увеличение численности коровьих стад и конских табунов. И лишь потом он стал богом человеческой любви, обеспечивающим увеличение численности людей на земле, их вечную жизнь.

Римляне отождествили свою Венеру с греческой богиней любви и красоты Афродитой, и потому они сочли, что и Купидон – это тот же греческий Эрот, а кроме его Венеру сопровождают еще три Грации (Хариты), бывшие богинями прелести, веселья, радости. Любимыми

птицами Венеры были лебеди и голуби, излюбленным растением – мирт, а плодами – яблоки и гранаты.

У римлян Венера по преимуществу считалась богиней счастливой супружеской любви и ее почитали как божество женщины. При этом, сколько было в Риме женщин, столько было там и Венер, т.е. у каждой римлянки была своя богиня любви Венера. Более того, сколько было у женщин любовных свиданий, столько было и Венер.

Римляне воспринимали Венеру как движущую силу взаимного влечения мужчины и женщины и рождения из этого влечения новой жизни. Богиня любви щедро раздавала свои дары и поэтому была богиней «дарящей» и «соединяющей». Она присутствовала при заключении брака и хранила уже заключенные союзы. Соединяя мужчину и женщину в лоне семьи, Венера охраняла красоту, нравственность и целомудрие жены. Когда Рим погряз в разврате и женщины позабыли стыд, римляне возвели храм Венеры, которая и восстановила старые добрые нравы.

В календы (1 апреля) посвященного Венере весеннего месяца апреля женщины совершали в честь богини любви особый праздник.

Овидий в «Фастах» поет, как Лация жены, невестки чтут богиню, все, кто ни лент, ни длинных одежд не смеет носить. С мраморной шеи ее золотые снимают мониста и драгоценности все: надо богиню омыть миртом зеленым. Высушив шею, ей вновь золотые надевают мониста и дают свежие цветы – розы и мирты. Богиню надо умолить, ладаном ей покурив и мак растереть с молоком белоснежным, не позабыть и про мед, выжав из сотов его, ибо когда отвели Венеру к страстному мужу, это она испила, став супругой, питье. Ласковой речью надо Венере молиться: на ее попеченье и красота, и нрав, и целомудрие жен. Было при пращурах так, что римлянки стыд позабыли: к старице Кумской тогда все обратились отцы. Храмы велела она возвести в честь Венеры, – и вот уж стала Венера с тех пор женские нравы блюсти.

На звездном небе одна из планет была названа именем Венеры, определявшаяся как «милостивое ночное светило», возможно потому, что «*venia*» значит «милость богов».

Венера изображалась в виде цветущей молодой очень красивой женщины, полностью или почти обнаженной, Купидон – в виде маленького шаловливого мальчика, с золотистыми кудрями, вооруженного игрушечным луком и стрелками, которыми он пронзал сердца людей, влюбляя их друг в друга.

27. Вакх – Бахус – Либер

Греческому Дионису соответствует римский Вакх, Бахус или Либер (свободный), с которыми в культе соединялось и женское божество Либеры.

Поклонение Либеру перешло к римлянам, как и к другим италийским народам, от греков, поселившихся в Нижней Италии. 17 марта в честь этого бога праздновались Либералии с театральными представлениями в городе, ведь он, как и греческий Дионис-Мельпомен был изобретателем театрального искусства. В деревнях его праздник, появившийся вместе с переселенцами из Аттики, справлялся с забавными шутками и веселыми песнями и очень напоминал Сельские Дионисии. Римские семьи совершали веселые процессии, которые сопровождались шумными увеселениями, музыкой, танцами и представлениями, а после совершались жертвоприношения Либеру.

Праздник Либералий совершался в честь не только Либеры, но и Цереры, с которой вообще он и Либеры, как сельские божества изобилия, находились в тесной связи. Так, храм, построенный Авлом Постумием, был посвящен Церере вместе с Либером. Помимо этого открытого служения в Рим вкрался и тайный культ Вакха, который справлялся в ночную пору с распутным бесстыдством, так что сенат в 186 г. до н.э. выступил против них со всею строгостью. Однако они втайне продолжали существовать до времен Империи. Либеры, не имевшая

отдельного культа, в этом негласном служении признавалась супругою Либера-Бахуса и часто отождествлялась с критской царевной Ариадной, брошенной Тесеем и ставшей возлюбленной Диониса.

Плутарх так рассказывает об этом празднике:

– Праздник издревле справлялся процессией, довольно просто, но весело; впереди – кадка с вином и виноградная ветвь, затем один тащил козла, а другой следовал за ним, неся корзину с винными ягодами. Впоследствии эта умеренность исчезла; стали предаваться оргиям – буйному раздражению чувств, носиться под звуки флейт, бубен и литавр, с громкими возгласами «ευοί» в пьяном до дикости, распушенном неистовстве, раздирать животных и пожирать их кровавое мясо.

Отсюда Дионис получил прозвание Вакх – шумный (после времен Геродота). Соответственно оргические и мистические празднества в честь бога Вакха (Бахуса) стали называть вакханалиями, во время которых, следуя фиасами (толпами) за Дионисом, менады (бассариды), украшенные виноградными листьями, плющом, сокрушают всё на своём пути тирсами, увитыми тоже плющом. Одеты лишь в шкуры животных (чаще всего в шкуры пятнистого барса или оленя), с распущенными спутанными волосами, подпоясанные задушенными змеями, они в безумном восторге зывают к Бромии (Шумному), восклицая «Вакх! Эвое!».

Низшие римские божества [38], [39], [42]

28. Эскулап

Эскулапом, или, правильнее, Эскулапием стали называть греческого бога медицины Асклепия древние римляне после его переезда в Рим из Эпидавра.

Когда тяжелая моровая язва посетила вечный город, римляне обратились за указанием к знаменитым Сивиллиным книгам так же, как греки в подобных случаях ехали в Дельфы к аполлоновой деве Пифии. Граждане Рима узнали из этих книг, что эпидемия прекратится, только, если перевезут в Рим бога эллинов доброго плотника безболья Асклепия из его Эпидаврского святилища.

Тут же снарядили в Эпидавр посольство. Вместе с греческим богом врачевства за ним добровольно последовала на корабле в Рим его священная змея. Прибыв в Рим, змея выбрала для своего жилища Тибрский остров; который так и остался посвященным богу, и при устройстве набережной берегам острова была дана форма плывущего корабля, украшенного спереди статуей Асклепия, названного Эскулапиумом. Говорят, что после того, как все высадились на берег, змея Эскулапия три дня обвивалась вокруг высокой финиковой пальмы в роще родителя Эскулапа Феба – Аполлона.

Вскоре состоялось освящение храма в честь Эскулапа, служение в котором очень напоминало греческие Асклепии. Как и в Эпидавре, в тибрском храме Эскулапа практиковалось лечение больных с помощью советов, полученных во сне. Выздоровевшие посвящали богу обетные дары и благодарственные надписи.

Вместе с Эскулапом в надписях часто упоминается богиня здоровья Салюс, родственная греческой богине дочери Аскалепия и Эпионы (облегчающая боли) Гигиее. Салюс олицетворяла не только здоровье римского народа, но и успех. Поэтому Салюс, как Фортуна изображалась с шаром у ног и с рулем в одной руке и как Гигия в другой руке держала жертвенную чашу, обвитую священной змеей.

Другой храм Эскулапа находился в Анции (в Лациуме). Культ Эскулапа сохранил греческие особенности, и жрецы при храме бога набирались из греков. Священными животными Эскулапа были змея, собака и петух. Греческое врачебное искусство было принято римским государством, хотя многие римляне смотрели на медицину с отвращением и не гостеприимно относились к приезжающим в Рим греческим врачам, среди которых было немало и шарлатанов.

Согласно «Божественным установлениям» Лактанция, Тарквиций говорит в сочинении «О знаменитых мужах», что Эскулап был рожден неизвестными родителями, выброшен ими и найден охотниками, что он был вскормлен молоком собаки, отдан кентавру Хирону и научился медицине. Он был послан в Мессению, но задержался в Эпидавре. Туллий же говорит, что он похоронен в Киносурах.

29. Фатум и фаты

У римлян Судьба называлась Фатум (слово богов, прорицание). Это слепая Судьба, олицетворявшая неизбежность в природе, ее незыблемые, необходимые законы. Фатум был более таинственен и непостижим, чем даже древняя чернокрылая Нюкта – Ночь.

Так же называлась проявленная воля Юпитера как верховного правителя всего мира. Фатум употреблялся и во множественном числе, как отдельные судьбы людей, домов и городов,

так и объявленная устами прорицателей и сивилл воля богов и потому фатами назывались и прорицательницы.

Фатами стали называть божества, подобные греческим богиням судьбы дочерям и наместницам на земле богини необходимости Ананке Мойрам. Фаты определяли судьбу человека при его рождении, позднее Мойр римляне стали называть Парками. Отсюда же возникли названия фей (*Fata*), а также колдунов, магов и волшебников (*Fatus*).

Фаты означали как судьбы отдельных людей, поселений и городов, так и объявленную устами прорицателей и пророчиц сивилл волю богов: отсюда *фатами* (*fatae*) назывались и вещуны.

Для эллинов и древних римлян все природные стихии, это – порождение олицетворяющих их богов. Кроме предначертаний Судьбы и воли всемогущих богов в противовес и в дополнение понятию «фатум» существует ещё «жребий» (*fors*), который люди выбирают сами, реализуя, таким образом, предоставленную им жутколикой Ананкой (Нецесситой) свободу выбора.

Большим почетом пользовалась Судьба в вечном городе Риме. Разные историки и поэты в разные времена по-разному говорили о космических божествах и о трех сестрах Парках, которых называли Ноной (Клото), Децимой (Лакхесис) и Мортой (Атропос) и представляли их всегда в виде трех древних седых старух.

30. Парки: Нона, Децима и Морта

В отличие от греческих Мойр все три соответствующие им римские Парки были старухами мерзкого вида. У одной прялка в руках, ей приходится нити жизни сучить, нитку каждую надо слюной смочить – оттого у ней старческие бесцветные губы отвисшие, сухие и потрескавшиеся. Под руками второй старухи быстро-быстро пляшет веретено, и старческие водянистые глаза у нее всегда мутные и покрасневшие. У третьей Парки острый нос, в руках большие ножницы, и она среди сестер особенно зловещая и мрачная.

Согласно Авлу Геллию, Варрон говорит, что древние римляне считали, что роды женщины, согласно природе, происходят на девятом месяце и на десятом, и ни в какие другие, кроме этих, и поэтому они дали трем Судьбам имена от родов, от девятого и десятого месяца. Ведь Парса, – говорит он, – произведено от *partus* (роды) с изменением одной буквы, а *Nona* (девятая) и *Decima* (десятая) – от своевременного срока родов.

Некоторые говорят, что Парка Нона (девятая) была богиней беременности и была названа так в честь некой беременной женщины на девятом месяце, когда ее ребёнок уже готов появиться на свет.

Парка Децима (десятая) была так же богиней деторождения. Она отмеряет какой длины будет нить жизни каждого конкретного человека с помощью своего сучковатого посоха.

Остроносая Парка Морта была богиней смерти. Строго в определенный момент она приходит ко всем, кто ей подвластен и перерезает нить жизни, избавляя от страданий, связанных с непереносимой болью и со старостью дряхлой.

Анакреон поет о незыблемой Морте: Сладкой жизни мне немного провожать осталось дней; суровая Парка счет ведет им строго, Тартар тени ждет моей.

В отличие от греческих Мойр, которые всегда были совершенно бесстрастны и невозмутимы, говорят, что Парки были гневными и злобными. И это неудивительно, ведь Мойра Клото имела облик красивой зрелой женщины, Атропа имела вид юной девы, и лишь Мойра Лакхесис имела вид старой женщины, но с молодыми задорными глазами. Парки же все трое были дряхлыми мерзкими старухами, их мучила старость, и потому они ненавидели людей, старению и смерти подвластных.

В «Геркулесе на Эте» Сенека поет, что нет таких, кому не плетут нитей жизни руки Парок скупых. В «Агамемноне» он называет Парок гнусными сестрами, которые грозят плетью кровавыми и обгорелым факелом; распухли щеки бледные, одежда погребальная скрывает чрева впалые. Гремят ночные ужасы... Это описание более напоминает не греческих Мойр, а ужасных древних богинь мщения Эриний.

Гораций в «Юбилейном гимне» поет: Парки! вы всегда предвещали правду: то, что Рок судил, что хранит, незыблем, судьбе вы былой даруйте Судьбы благие.

Ватиканский мифограф говорит, что Плутону придают также трех богинь Судьбы. По противоположности смысла их называют еще Парками, потому что они никого не щадят. Клото – Нона прядет нить, Лахесис – Децима ее вытягивает, Атропос – Морта обрезает. Клото – греческое имя; по-латыни значит «призывающая», Лахесис – «жребий», Атропос – у греков – Неизбежная, у римлян – «в беспорядке».

Плутарх, рассказывая о судьбе у римлян, говорит, что Сервий Туллий из царей наиболее приумножил могущество римского народа и упорядочил государственное устройство, подачу голосов и несение воинской службы, стал первым цензором, а также блюстителем и исправителем нравов. Он был весьма отважным и разумным мужем, себя самого связывал с Удачей и под ее покровительство ставил свое правление. Есть даже предание о том, что Удача с ним разделяла ложе, входя к нему в опочивальню через какое-то окно. Именно поэтому он воздвиг на Капитолии храм Судьбы «Первородной», а также Судьбы «Послушной», как считают одни, или «Милостивой», по мнению других.

Есть на Палатине еще храм Личной Удачи и даже Судьбы-Птицеловки – название хотя и смешное, но иносказанием наводящее на размышление о природе судьбы: она как бы издали заманивает и цепко удерживает все, что к ней прикоснулось. Неподалеку есть еще храм Девственной Судьбы, на Эсквилине – Судьбы Оборачивающейся, в Длинном переулке – алтарь Судьбы Обнадеживающей, а возле алтаря Афродиты с корзиной – изваяние Мужской Судьбы. Сервий учредил бесчисленное множество иных мест почитания и прозвищ Судьбы, потому что знал, что во всех делах человеческих Судьба – это великая сила или, лучше сказать, это – Все, но больше всего из-за своей собственной счастливой судьбы, благодаря которой он, рожденный от пленницы-рабыни, был вознесен Судьбой – Удачей до царской власти.

31. Фортуна

У Вергилия в «Энеиде» Фортуна встречается 25 раз и 15 раз – Случай. Поэтому о римской Фортуне следует рассказать подробнее, чем о других второстепенных богах.

Так сложилось, что о древнегреческом божестве Тюхе сейчас мало кто помнит, но многие знают Фортуну.

Римляне, завоевавшие Грецию и сделавшие ее одной из своих колоний, дали собственные имена большинству греческих богов, и греческую богиню Тюхе назвали Фортуной. Иногда под Фортуной римляне понимали не только Случай, но и Судьбу вообще, определяющую различные события, жизнь отдельных людей и целых народов, т. е. Фортуна пересекалась и переплеталась с Фатумом и Парками, хотя чаще все эти божества были спутницами богини необходимости Нецесситы (у греков Ананке).

Фортуна – Удачу и правители, и граждане почитали как градодержницу Рима, его кормилицу и, по выражению Пиндара, истинную «градохранительницу».

Фортуна была разная для свободных граждан, для детей, для юношей, для мужчин, для женщин и даже для всего римского народа; она могла быть милостивой, сомнительной, отклоняющей беду, кратковременной и постоянной.

На римских статуях Фортуны богиня Удачи выглядит величественно, как царица и действительно, для одной из лучших статуй Фортуны позировала мать императора Тиберия Клав-

дия, Великого понтифика и Отца Отечества, наделённого властью трибуна четырнадцать раз, консула – 5 раз и императора – двадцать семь раз.

Философ, биограф и моралист Плутарх, рассказывая об удаче римлян, говорит, что у Удачи шаг возбужденный, движения необузданные, она полна надежды похвастаться, но не думайте, будто она «поднимает себя на легких крыльях» или подходит, ступая осторожно и нерешительно, «почти не касаясь земного круга», а затем удаляется так же незаметно. Удача, покинув персов и ассирийцев, легко упорхнула в Македонию, а затем быстро отвергла Александра, минуя целые царства, пронеслась через Египет и Сирию и несколько раз побывала у карфагенян. Затем, приблизившись к Палатину, она пересекла Тибр, надо полагать, отложила свои крылья, сняла сандалии и окончательно оставила прежнюю землю, не заслуживающую никакого доверия и ненадежную. Так она появилась в Риме, чтобы здесь остаться навеки. Она пребывает тут и ныне, как будто ожидая приговора. Она совсем не кажется «непокорной», как говорится у Пиндара, и не поворачивает свое кормило, и больше напоминает «сестру Благозакония и Послушания и дочь Предусмотрительности», как излагает ее родословие Алкман. В руках она держит многократно воспетый рог изобилия, но только переполнен он не спелыми плодами, а всем тем, что приносят земля и моря, реки, рудники и гавани. Щедро и во множестве изливает она все это...

Апулей в «Золотом осле» говорит, что не без основания мудрецы седой древности считали Фортуна слепой и даже совсем безглазой и такой ее и изображали. Она всегда дарами своими осыпает дурных и недостойных и никогда рассудительностью не руководится, выбирая себе баловней среди смертных, и с теми больше всего водится, от которых, если бы зрячая была, бежать должна была бы; а что хуже всего – создает превратные и даже противоречащие действительности мнения о нас, так что негодяй увенчан славой порядочного человека, а ни в чем не повинные становятся добычей губительного злоречия.

Сенека в «Агамемноне» восклицает: О Фортуна, как ты морочишь царей изобилием благ! Что ввысь вознеслось, оснований тому прочных ты не даешь. Престолу вовек неведом покой – каждый новый день спасенья несет, череда забот гнетет и томит, от все новых бурь мятется душа... Фортуна ввысь возносит лишь с тем, чтобы потом с высоты сбросить вниз. Чем скромнее, тем долговечнее все. Счастлив тот, кто с толпой разделяет удел – и доволен им и к большему не стремится... В «Геркулес в безумии» Сенека говорит, что фортуна, мужам храбрым враждебная, не в награду добру раздает дары... Медея в одноименной трагедии говорит, что гнетет Фортуна робких – храбрый страшен ей... Фортуна все отнимет, но не мужество... В «Фиесте» Фурия поет, что меж царей непрочных колеблется Фортуна, из могущества в ничтожество бросая, власть же мечут волны случая. Сам же Фиест говорит, что злость Фортуны часто лучше милости.

Гораций в «Одах» поет, что Фортуна рада злую игру играть, с упорством диким тешить свой жестокий нрав: то одному дарует благосклонно почести шаткие, то – другому. Ее хвалит тот, с кем сейчас она; когда ж летит к другому, то, возвратив дары и в добродетель облачившись, бедности первый рад и бесприданной.

Богиню Случая некоторые называют управительницей Судеб и «судьбоносной случайностью». Рассказывают, что она, как и Мойра Лахесис, держит в руках руль жизни и шар, символ переменчивости счастья, как дарующая счастье и благополучие. При этом, на глазах Тюхе-Фортуны повязка и стоит она на колесе. Повязка говорит о том, что счастье слепое, а «Колесо Фартуны» указывает на переменчивость счастья. Его вращение, – «то, что было вверху, будет внизу и наоборот», – символизировало переменчивость удачи.

Другие говорят, что идею тщетности всех человеческих ценностей и стремлений, обычно изображала женщина (Фортуна), привязанная к вечно вращающемуся колесу, символизирующему мирскую славу. Ее голова то поднимается, то опускается, являя собой образ тех, кто поднялся на сияющие вершины власти и богатства, чтобы затем низринуться в ужасающую

бездну ничтожества и нищеты. Над колесом часто изображалась бесстрастная Мойра Лахесис (Парка Децима), олицетворявшая порядок и равновесие в природе.

Иные же говорят, что именно к Тюхе, в конце концов, попал Рог Изобилия и даже сам бог богатства Плутос, и ее изображают в виде молодой властной женщины, держащей в одной руке Рог Изобилия, а в другой – маленького слепого Плутоса.

Культ Фортуны у римлян был очень распространен. Учреждение культа ее приписывают четвертому царю Древнего Рима Анку Марцию (Служитель Марса) или шестому царю Сервию Туллию, который, как гласит предание, в благодарность за то, что, будучи сыном рабыни, он стал царем, построил первый храм Фортуны на Капитолии. Сервий считался возлюбленным Фортуны, отчего он был изображен в храме с закрытым лицом.

Богиня Удачи имела множество храмов, в которых почитали ее под различными именами.

Дионисий Галикарнасский в «Римских древностях» говорит, что Сервий Туллий воздвиг два храма Фортуны, чьей благосклонностью он, считалось, пользовался на протяжении всей жизни: один – на форуме, который назывался Бычьим, на форуме у подножия Палатина. Другой храм был построен на берегах Тибра (той самой Фортуне, которую он прозвал «Мужской»), – достигнув преклонного возраста и уже находясь на пороге смерти, каковую несет сама человеческая природа, царь погибает в результате заговора, подготовленного его зятем Тарквинием и собственной дочерью.

Женщины Рима надумали не желать никакого дара, вызывающего зависть, а просить, чтобы сенат дозволил им возвести храм Женской Фортуны на том месте, где они обратились с просьбами за свой город, и ежегодно всем вместе приносить ей жертвы в тот день, когда они прекратили войну. Но сенат и народ постановили посвятить богине участок, купленный на общественные средства, и из них же соорудить на нем храм и алтарь, как укажут жрецы, и жертвенных животных доставлять за общественный счет, а начинать священные обряды той, кого сами женщины назначат исполнять эти обряды.

В Лации, на востоке от Рима в городе Пренесте находился известный храм Фортуны, где гадали по жребиям (дубовым дощечкам с надписями).

Овидий в «Фастах» поет о подоспевшем дне торжества Могучей Фортуны, который праздновался за неделю до конца июня. Радостно празднуют день Могучей богини, квиристы: Тибр омывает ей храм, древний подарок царя. Или пешком, или в быстром челне спешат, немедля, и во хмелю, не стыдясь, к ночи возвращаются люди домой. Лодки в цветах несут собутыльников юных, вдоволь напившихся вина прямо на стрежне реки! Читит богиню народ: из народа был храма строитель, встав, говорят, из низов, принял он царскую власть. Это и праздник плебеев и рабов: здесь Туллием, сыном рабыни, храм возведен божеству непостоянному был.

Кроме Рима Фортуна издавна почиталась также в других городах Лациума, например, в Антии, в Пренесте, где сделалась также богиней-предсказательницей.

32. Гении и юноны

Демона, приставленного к человеку от рождения и сопровождающего его до самой смерти римляне стали называть Гением (Дух, Породитель), и с их легкой руки так стали называть демонов-хранителей, приставленных к человеку, предмету или местности. Добрый гений именовался агаодаймоном или агафодаймоном (агато – благой), злой – какодаймоном (како – зло).

Римский Гений обозначал в людях (и в различных предметах) их жизнеустремление, что его заметно отличало от греческого демона. Некоторые считали Гения не столько божеством,

сколько воплощением мужской силы, мужественной активности, как в семейных, так и в общественных и государственных делах.

Согласно Клименту Александрийскому, комический поэт Менандр сообщает:

– Дан в услужение каждому демон с рождения, тот, что таинственно жизнь направляет к благу. И полагать, что он злой и растленный – безумно.

К нашему благополучию приставлен гений – даймон; некоторым поворотам в нашей судьбе гении противостоят как чему-то чрезмерно высокому. Эти гении могут быть приставлены не только к человеку, но и к местности, к городам, к воинским подразделениям или к некоторым предметам. Посвятительные надписи таким Гениям многочисленны по всей империи.

Согласно Сервию, не было места без Гения.

Наиболее известными даймонами-гениями являются большинство известных видов нимф. Даймоны бывают не привязанными к конкретному месту, из них наиболее известны сатиры и силены.

Сократ описывал своего даймона – гения как внутренний голос, который всегда предупреждал философа, как только тот хотел совершить неправильный поступок.

В «Федоне» Сократ объясняет, что гений человека, заботившийся о нем при жизни, помогает его бессмертной душе покинуть мир живых и, не блуждая напрасно, спуститься в гостеприимный Аид.

Гении очень близки к людям потому, что они связаны с каждым шагом человека, с каждым его движением.

Гораций, рассказывая о не похожих одно на другое занятиях двух братьев, поет: знает то Гений, звезду направляющий нашу с рождения, бог он природы людской, умирающий одновременно с каждым из нас, он видом изменчив: то светлый, то мрачный.

Гений настолько близок к человеку, что меняется вместе с ним и даже вместе с ним умирает. Гению приносят в дар вина, цветы за заботу о жизни короткой.

Каждый римлянин имеет своего Гения. Особенно почитался Гений главы фамилии: в день его рождения Гению приносились дары. Рабы, отпущенники, зависимые люди посвящали надписи Гениям господ и патронов по формуле: «Гению нашего Гая», «Гению нашего Марка» и пр. Клятва Гением господина считалась самой священной для раба.

Имелся и гений римского народа, воплощавший его творческую энергию. Гением обладали и отдельные сословия римлян и всего города Рима.

О множестве римских гениев говорит Аврелий Пруденций: почему вы изображаете мне только одного гения Рима, в то время как вы имеете обыкновение приписывать своих гениев и воротам, и домам, и баням, и стойлам? Зачем изображать все части города и все места в виде многих тысяч гениев, чтобы никакой уголок не остался лишенным собственной тени, т. е. собственного гения.

Платон в «Пире» говорит о гениях, которые представляют собой нечто среднее между богом и смертным. Они истолкователи и посредники между людьми и богами, передают богам молитвы и жертвы людей, а людям наказания богов и вознаграждения за жертвы. Пребывая посредине, они заполняют промежуток между теми и другими, так что Вселенная связана внутренней связью. Благодаря им возможны всякие прорицания, жреческое искусство и вообще все, что относится к жертвоприношениям, таинствам, заклинаниям, пророчеству и чародейству. Не соприкасаясь с людьми, боги общаются и беседуют с ними только через посредство гениев – и наяву и во сне. И кто сведущ в подобных делах, тот человек божественный, а сведущий во всем прочем, будь то какое-либо искусство или ремесло, просто ремесленник. Гении эти многочисленны и разнообразны, и Эрот – один из них.

По Платону, человек сам выбирает себе гения, что свидетельствует о его свободе воли.

Апулей, рассказывая о божестве Сократа, говорит, что доброе вожеление души – это – добрый бог. Поэтому некоторые считают, что людей блаженных называют «эвдемонами», то есть имеющими доброго демона, или душу, совершенную в добродетели. Его, он называет Гением.

Плотин в трактате «О демоне в нас, получившем нас в удел» под демоном, или гением понимает тот тип земной жизни, который люди выбирают перед воплощением на земле, или тот род их земного существования, который является для них внутренним руководящим началом. Это внутренний руководитель человека, при этом он может то подчиняться ему, то не подчиняться, или подчиняться как-нибудь частично, приблизительно. При новом перевоплощении человек покидает своего демона-гения и получает право выбрать нового демона.

Предполагалось, что Гении появляются в виде змей, но изображались они в виде юношей с рогом изобилия, чашей и пр. В эпоху империи особое значение приобрёл культ Гения Рима и императора. Клятва Гением императора считалась для римлянина самой священной, и нарушение её приравнивалось к оскорблению величества. Гению Рима был посвящён на Капитолии щит с надписью «или мужу, или женщине», поскольку имя и пол Гения – хранителя Рима скрывались, чтобы его не переманили враги вечного города.

Воплощением женственности была юнона, присущая от рождения каждой девочке, и остающаяся с ней в течение всей жизни.

Гениям и юнонам помогали различные божества. Например, Нундина помогала очистить ребенка после родов, Ватикан заставлял его издать первый крик, Эдука учила есть, а Потина – пить, Куба успокаивала плачущего ребенка в колыбели, Адеона и Абеонга учили его ходить, а Сентин вкладывал в дитя разум. Были и другие божества, которые вместе с гениями и юнонами определяли жизнь римлянина.

33. Пенаты

Пенаты – это, по мнению большинства, добрые боги-хранители и покровители домашнего очага, а затем и всего римского народа. Каждая семья имела обычно двух Пенатов, изображения которых, изготовленные из дерева, глины или камня, хранились возле домашнего очага, у которого собиралась вся семья.

Некоторые говорят, что пенатами называли так же места, где хранились продовольственные припасы, согласно Цицерону – все, чем питаются люди. Поэтому сначала пенаты являлись божествами домашней кладовой, оберегавшими запасы семьи. Затем они стали хранителями благоденствия семьи в целом.

Во время каждой трапезы статуэтки пенатов ставили на стол и жертвовали им первые кусочки любого блюда. Службу пенатам осуществлял сам глава семейства. Пенаты были так тесно связаны с семьей, что, когда она переселялась на новое место, с ней перебирались и пенаты. Статуэтки пенатов, взятые при переезде с собой, были на новом месте залогом продолжения жизни фамилии. Если же семья по каким-либо причинам переставала существовать, то исчезали и ее пенаты.

Другие пенатами называют изображения богов-покровителей, привезенных Энеем из разрушенной Трои. Древнее святилище Весты, почитавшееся также и римлянами, было в Лавинии, куда по преданию, Эней перенес вестальский огонь из троянских Пенатов. Вергилий в «Энеиде» поет, что переселение Гестии в Италию произошло сразу после падения Трои. Явившийся Энею призрак Гектора (уже убитого Ахиллом) своею рукой выносит Весту, вечный огонь и повязки ее из священных убежищ.

Пенаты охраняли главный жрец – Великий понтифик («Великий строитель мостов») и жрицы – весталки богини Весты. Великий понтифик был главой коллегии понтификов и руководил жреческим царем (главный жрец священнодействий), фламинами (жрецами

отдельных божеств) и весталками. Позже Великими понтификами стали титуловаться римские папы.

34. Лары и Маны

Богиней погребений была Либитина, с помощью которой души умерших уходили в подземный мир. Там они становились Манами, добрыми душами, благосклонными к людям. Их настолько почитали, что тоже считали божествами.

Позже возникло представление, что души хороших людей становятся добрыми Ларами, злых – злыми Лемурами, а всех остальных – Манами.

Маны покровительствовали родам, семьям, отдельным людям. Когда над могилой недавно умершего человека ставили надгробный камень с надписью, то в начале этой надписи часто писали «Священным богам манам», как бы передоверяя им души только что скончавшихся людей.

Маны обитали в глубокой и прикрытой камнем яме – мундусе, через которую подземные боги могли подниматься наверх. Открывался мундус трижды в году для торжественных церемоний, призванных умиловить Манов. При открытиях мундуса храмы всех остальных римских богов закрывались и свадьбы не проводились.

С миром мертвых связаны и Лары, которые тоже были добрыми духами. Души умерших предков требовали поклонения. Они довольствовались малым, но это малое им должно было воздаваться. Когда же из-за бесконечных войн римляне перестали почитать умерших отцов, то загорелись многочисленные костры, а души предков вышли из могил и во всем пугали живущих и в городе, и в деревне. Когда утраченные этим римляне возобновили почитание мертвецов, все сразу пришло в норму, и прежний порядок вернулся на землю. 21 февраля римляне устраивали праздник в честь Манов, да и весь февраль был посвящен очищениям, особенно связанным со смертью.

Лары у древних римлян сначала были божествами земледелия, охранявшими поля. Потом они стали покровителями местности и перекрестков. Вскоре их покровительство распространилось и на дома и их стали смешивать с пенатами. Каждая семья имела своего лара, фигурка которого вместе с фигурками пенатов хранилась в доме на почетном месте в особом шкафчике (ларарии). Изображались лары в виде юношей или даже мальчиков с жертвенной чашей и рогом изобилия в руках. Такой лар, как и пенаты, почитался вместе с Вестой в качестве божества жизни. Управляющий домом следил за очагом и отправлял службу лару. В праздники фигурку лара украшали, курили ему благовония, угощали праздничной едой и вином.

К лару и его покровительству зывали в каждом важном для семьи случае (бракосочетание, роды, смерть...). Например, во время свадебной церемонии новобрачная, переступив порог своего нового дома, обязательно приносила жертву лару и давала ему монетку. Во время похорон фигурка лара вынималась из ларария и участвовала в похоронной процессии. А после похорон лару жертвовали черного барана или овцу, чтобы очистить дом от соприкосновения с мертвецом. Лары были добрыми духами каждого дома, и выражение «возвращаться к своему лару» означало возвращаться домой.

Августин приводит мнение Апулея, что после смерти добрые люди становятся ларами.

Считалось, что Лары следят за соблюдением традиционных норм во взаимоотношениях членов семьи, наказывают нарушителей, в частности господ, слишком жестоких к рабам. Рабы искали защиты от гнева хозяина у домашнего очага или алтаря ларов и активно участвовали в их культе. Глава фамилии был верховным жрецом культа ларов.

На перекрестках сооружались святилища с числом отверстий, равным числу примыкавших к перекрестку усадеб. Здесь главами семей развешивались куклы и шерстяные шары, изоб-

ражавшие соответственно свободных членов семьи и рабов. Возможно, этот ритуал восходит к практике человеческих жертвоприношений ларам как хтоническим божествам.

Различали Лары государства, общины, дома, семьи, земли, моря, путешественников...

Как добрые духи Пенаты и Лары противопоставлялись злым духам – ларвам или лемурам, которых римляне на всякий случай тоже почитали, дабы отвлечь от своего дома их злобные действия.

35. Лемуры

Наряду с Ларами и Манами в поземном мире обитали и злые духи – ларвы, или лемуры. Второй вид демонов по Апулею – это человеческие души, когда, после уплаты долгов жизни, они отреклись от своего тела, их на древнем латинском языке называли Лемурами. Из этих Лемуров тот, кто заботится о своих потомках и владеет домом как мирное и безобидное божество, называется Ларом Семейным. Тот же, кто, по заслугам преступной жизни, лишен жилища, наказывается беспредельным блужданием и как бы ссылкой: пугало, для добрых людей пустое, а для дурных весьма опасное! – род этот обычно называют Ларвой. Если неясно, кому из них какая выпала участь, Лар это или Ларва, мы пользуемся именем бога Мана, слово «бог» добавляя, понятно, ради почтения. Называют же богами тех из их числа, кого после справедливого и благоразумного управления колесницей жизни люди почитают словно кумиров, уделяя им повсеместно храмы и священнодействия. Таковы в Беотии Амфиарай, в Африке – Мопс, в Египте – Осирис, иные у других народов, а Эскулапий повсюду.

С греческими Лемурами связаны римские Лярвы (маска, личина) – души или духи, умерших злых и мстительных людей, приносящих живым несчастья и даже смерть, мучая их по ночам страшными кошмарами. Для предотвращения опасностей со стороны лярв в Риме поздней весной каждого года в течение трех дней устраивались специальные «очистительные» ночные церемонии, которые назывались лемуриями или лемуралиями, во время которых храмы закрывались, а браки не заключались, как и во время открытий мундусов.

Овидий в «Фастах» поет, как трижды Геспер лицо свое прекрасное явит, трижды, как звездная ночь сдастся пред Фебом дневным, будет Лемурий ночных свершаться обряд стародавний: Манам безмолвным тогда жертвы начнут приносить. Месяц назначен был май для помина предков покойных, и сохранился досель этот отчасти обряд. В полночь, когда тишина наступала, и все засыпало, лай умолкал собак и щебетание птиц, помнящий древний обряд и умеющий бога бояться тут поднимается, сняв обувь свою, босиком; пальцами знак он дает, прижимая их к пальцу большому, чтобы бесплотная тень не повстречалась с ним, но и в то время дары приносили пред прахом усопших и почитали своих дедов умерших сыны. После же, руки свои омыв проточной водою, он, отвернувшись, берет черные в руку бобы; бросив их, он говорит: «Бобы я эти бросаю, чтобы себя и своих ими от вас уберечь!» Девять раз говорит он так без оглядки: считают, что подымает их тень, следом незримо идя. Снова коснувшись воды, он в темесскую медь ударяет и умоляет уйти тень из-под крова его. Девять раз повторив: «Уходите!», он, обернувшись, свой этим кончает обряд.

Считалось, что лемуры любят бобы, особенно черные, и поев их, покидают этот дом и идут в другие дома, где они еще не ели черных бобов.

Это было разделение тех демонов, которые, как говорит Апулей, находились когда-либо в человеческом теле. Есть и другие, не уступающие им числом, но далеко превосходящие достоинством. Это – более высокий и священный род демонов, которые всегда свободны от пут и оков тела и начальствуют над определенными силами. В их числе – Сон и Любовь, которым даны силы противоположные: бодрость – Любви, а Сну – дрема.

Как утверждает Платон, из этого высшего сонма демонов уделяется каждому человеку особый свидетель и страж жизни, который, никому не видимый, всегда присутствуя, судит

не только дела, но даже мысли. Когда жизнь кончается и надо возвращаться, тот, кто нам придан, тотчас хватает своего пленника и увлекает его на суд, и там, присутствуя на слушание дела, изобличает, если солгут, подтверждает, если скажут правду.

36. Фавны и Сильваны

Изначально главным богом, покровительствующим пастбищам, стадам и пастухам, был Фавн, считавшийся сыном или внуком Сатурна.

Впоследствии Фавна стали воспринимать как сельского бога вообще, его культ стал государственным, он считался одним из главных богов римского государства. Однако особым поклонением Фавн по-прежнему пользовался в отдельных сельских районах, на которые делилось государство. Римская империя все время расширялась, и с течением времени таких районов становилось все больше, и Фавнов становилось соответственно больше. Так появилось много маленьких местных «фавнов», которых римляне стали отождествлять с греческими сатирами селенами и титирами – всеми дикими и необузданными спутниками бога Диониса. Эти фавны рассматривались как мелкие сельские и лесные божества, подчиненные великому богу Фавну.

Фавны и Сильваны считаются италийскими божествами, однако многие чисто италийские особенности их характеров и культа сгладились вследствие отождествления их с греческим Паном. Поэтому некоторые говорят, что силены и сатиры родственны фавнам.

У Овидия в «Метаморфозах» Юпитер говорит: есть полубоги у нас, божества наши сельские; нимфы, фавны, сатиры и гор обитатели диких – Сильваны.

Фавны были полевыми и лесными божествами, а Сильваны – горными, причем преимущественно у римлян. Сильван – покровитель стад и пастухов, во многом схожий с Паном и Фавном.

Сильван предпочитал густые, труднопроходимые леса, и часто пророческие голоса леса воспринимались римлянами как голос именно Сильвана, которому тоже приписывали способность пророчествовать. Сильван покровительствовал расчистке леса под поле или пастбище. Поэтому скоро его власть распространилась на все поля и пастбища, и его стали считать изобретателем сельского хозяйства. Но Сильван был не только благодетелем. Густой дикий лес – жилище этого бога, бывал опасен для людей, особенно для женщин и детей. Поэтому женщины никогда не приносили жертвы этому богу, а беременные и дети всегда зывали к другим богам для защиты от Сильвана. В отличие от Фавна, Сильван никогда не имел официального государственного культа. Его изображение стояло в храме Сатурна, но оно было частным посвящением. Это не мешало тому, что крестьяне, не только земледельцы, но особенно пастухи и лесорубы, усердно поклонялись Сильвану.

Фавн же, – добрый, милостивый (от лат. *favere* – быть благосклонным) бог древних италийцев, которые почитали его как доброго Демона гор, пещер, долин и стад, ниспосылающего плодородие полям, животным и людям. Фавн, как лесной бог, подобно Сильвану, тоже обитает в непроходимых чашах, труднодоступных горных пещерах или близ быстрых горных всегда шумящих источников, где он тоже предсказывает будущее, ловит птиц и, конечно, преследует нимф. С человеком он общается или во сне, или издали, пугая его разными лесными голосами. Он, как Пан внушает «панический страх» как путникам, так иногда во время войны врагам.

Фавн дает предсказания. Говорят, что тот, кто желает получить прорицание Фавна, должен предварительно очистив себя воздержанием, отправиться в рощу и здесь заколоть двух овец – одну Фавну, другую богу сна. Затем, дважды окропив себе голову водой из источника, сплетя два венка из буковых листьев и помолившись, он ложится на растянутые шкуры жертвенных животных и ночью во сне получает желанное откровение.

Рассказывают, что, являясь человеку во сне, Фавн, громко стуча копытами, часто мучит его кошмарами, против чего употреблялись цветочные корни, особенно помогал корень лесного пиона.

Некоторые говорят, что, как бог предсказаний, Фавн считался родоначальником песни, отчего и самый размер древнейших римских стихотворений называется Сатурновым или Фавновым.

Другие же говорят, что Фавны в отличие от сатиров и силенов совсем не любят музыку, но праздность, женщин и вино любят ничуть не меньше. Поэтому женщины особенно береглись фавнов, лесной бог всегда настойчиво преследовал их своей плотской любовью, отсюда его эпитет – «Incubus».

Сильваны, как молодой Дионис, считали, что разводить чистое вино – только его портить и, выпив крепкого вина искрометного, молоденьким нимфам нигде не давали проходу.

Нонн Панополитанский говорит, что Фавн был сведущ в блужданиях по дикому лесу, ведал о всех тропинках, наученный матерью Киркой.

Собака, которой приписывали способность видеть духов, была посвящена Фавну.

Особым покровительством Фавна пользовались стада домашних животных: он способствовал их размножению и оберегал их от хищников, особенно от волков. Поэтому он назывался Луперком (*Lupercus*) – именем, с которым связано и название справлявшегося в Риме в честь Фавна праздника Луперкалии. Этот праздник проводился

В середине февраля в гроте у подножия Палатинского холма, где, по преданию, волчица выкормила легендарных основателей Рима Ромула и Рема. Каждый год луперки (жрецы Луперка из патрицианской молодежи), собирались в этом гроте, где на алтаре приносили в жертву молодых коз и собак. После жертвенного пира луперки прикасались ко лбу двух приведенных к жертвеннику юношей окровавленным жертвенным ножом и тотчас стирали кровавые пятна помоченной в молоке шерстью, после чего юноши должны были хохотать. Жрецы вырезали ремни из шкур жертвенных козлов и после, раздевшись, бежали с места жертвоприношений через весь город в одних небольших передниках, вырезанных из тех же шкур. Замужние женщины выходили им навстречу и охотно давали бить себя ремнями, веруя, что это благословляет брак и помогает легче разрешиться от бремени, а также приносит очищение и искупление за совершенные проступки. Поэтому называли этот день очистительным. С Фавном связан и другой обычай очищения, когда специальными обрядами очищали поля и стада от разных людских грехов, дабы помочь обильному приплоду.

Кроме Луперкалий, в честь Фавна проводились еще два праздника: весенние Фавналии, приходившиеся так же на середину февраля, и зимние Фавналии, справлявшиеся в начале декабря. В деревнях же в честь Фавна жертвоприношения совершались ежемесячно.

Празднества в честь Сильванов праздновались пастухами под открытым небом. Приносили в жертву им преимущественно козлов, совершая возлияния неразбавленным вином и молоком, и весело пировали, предоставляя в это время скоту свободно бродить по лугам.

Женой, дочерью и сестрой Фавна римляне считали Фавну. Она тоже могла пророчествовать, а главное, будучи богиней изобилия, помогала увеличивать поголовье домашнего скота. Со временем ее деятельность распространилась и на людей. Фавну прозвали Доброй Богиней (Вопа Беа), и это прозвище скоро полностью заменило ее имя. Ей, как Доброй Богине, был учрежден культ в Риме. Она помогала женщинам обрести здоровое потомство. Хотя Добрую Богиню благоговейно почитали все римляне, служить ей могли только замужние женщины. В ее храм мужчины вообще не могли входить. Раз в год в начале декабря наиболее знатные римлянки собирались в украшенном виноградными листьями доме важного гражданина города (консула или претора) и, в то время как все мужчины, включая хозяина, покидали этот дом, устраивали там свои богослужения, сопровождаемые музыкой и танцами.

Доброй Богиней римляне называли и других богинь, например, Майю (Майесту, т. е. Величественную) – богиню произрастания, богиней пробудившейся и возродившейся после зимы природы. Ей был посвящен последний весенний месяц – май. Майя считалась супругой бога Вулкана.

Люди

37. Поколения людей [5], [19]

Первые люди были детьми всеобщей праматери Геи – Земли.

По образу и подобию бессмертных богов создан был человек, и был он настоящим творцом во Вселенной, зачинателем лучшего мира. Высокое было чело того человека и прямо в небо открыто глядел он, подымая к вечным созвездиям дерзкие очи. Вскоре поверхность земли, которая была раньше безликой и дикой, неузнаваемо преобразилась, приняв людей не былые обличья.

Жили первые люди, как боги, со спокойной и ясной душой, ни трудов, ни горя не зная ни в чем. И старость печальная к ним приближаться даже не смела. Всегда одинаково сильными были их руки и ноги, и разум. Этот век, соблюдавший всегда и правду, и верность назван был золотым.

Золотой век – был временем Крона – хитроумного титана, правившего богами. Во время Титаномахии, когда Олимпийцы сражались за власть и господство в мире с Титанами, большинство людей золотого века сгорело в страшных пожарищах, вызванных грозными перунами и жгучими молниями Зевса.

По преданию римлян, отождествлявших Крона с Сатурном, он был разбит Зевсом-Юпитером и бежал в Италию, где после долгих скитаний на корабле по Тибру доплыл до Яникула. Здесь он нашёл у двуликого италийского бога Януса дружественный приём и затем основал себе убежище на другом берегу реки, у подошвы Капитолия, который раньше назывался холмом Сатурна. Святилища Сатурна можно было встретить всюду; многие местечки и города полуострова названы по имени бога; сама Италия, по преданию, именовалась в древности Сатурновой землёй.

Следующее серебряное поколение людей не схожее с золотым ни обличьем, ни делом было немного похуже, его сотворили великие боги Олимпа. Титан Прометей по велению Зевса смешал особую землю с водой и вылепил новых людей, а премудрая Афина наконечником своего копья в них душу вдохнула. Дети близ матери забавами разными тешились, а возмужав, жили недолго, на беды себя обрекая безмерной гордыней – бессмертных почитать они не желали, не приносили и жертв на святых алтарях олимпийцам. Поэтому и это поколение людей царь богов Зевс решил заменить.

Третье поколение людей говорящих создал Кронид, ни в чем с поколением несхожее прежним, у них появились мечи и медные наконечники копий. Поэтому это поколение людей и его век было названо медным. Люди полюбили дело кровавого бога Арея и все вопросы силой решали. Крепче металла был дух их могучий, а сила ужасная рук потом принесла им гибель.

После того как земля медное поколение покрыла, поколение четвертое, создал Кронион справедливее прежних и лучше. Это поколение и его век были названы бронзовыми, поскольку бронза на смену меди пришла, но и бронзовый век не был долговечным.

Многие честные люди говорят, что не желали бы жить с поколением людей пятого железного века, предпочитая лучше молодыми умереть лишь бы до его наступленья. Последний век пятый стал худшим из всех предыдущих, в него ворвалось все самое мерзкое, нечестивое, что бывает на свете. Сначала Правда и Верность исчезли, потом за ними Стыд неизвестно куда с земли убежал, их место не пустовало, и появились Обман, Коварство, Козни, Насилье и Войны. Пало, повержено в прах, благочестье, – и дева Астрея с влажной от крови земли взлетела на небо, и вместо нее в сердцах людей железного поколения поселилась проклятая жажда наживы. Принадлежавшие всем до сих пор, как солнце и воздух поля, четкой межою землемер

разметил усердно, и все стали в земле богатства искать, – ко всякому злу побужденье! С вредным железом тогда железа вреднейшее злато стали люди копить, и всем стал править Полюмос – Война, что и златом крушит, и железом, не ведая справедливости, в окровавленной руке сотрясая со звоном оружие из железа крепчайшего. И не было людям века железного передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя, от войн и несчастий. Чуждыми стали дети отцу, товарищ товарищу, гостю – хозяин, больше не стало меж братьев любви и уважения между друзьями. Муж жену был всегда рад погубить, она же – супруга. Люди, как разбойники стали жить насилием и грабежом, иногда целые города разграбляя и граждан в рабов обращая. Добрый и справедливый не пользовался никаким уважением, над ним смеялись и издевались, как над глупцом, наглецу же и злодею стал воздаваться почет. Справедливость и Правда бесследно исчезли, их кулак заменил, где сила, там стало и право. Последней из бессмертных с лика земли исчезла Элпиды – Надежда на лучшее.

Бессмертным же больше всего не нравилось в поколение железном то, что люди совсем не чтили богов. И Зевс решает людей железного века погубить под водой. Трижды, четырежды потряс Зевс всех приводящими в невыразимый ужас власами, сотрясая и землю, и море, и небо со звездами своею грозной эгидой. Следом за тем Олимпиец разрешил и уста, праведным возмущенные гневом:

– Внемлите боги мне! Ныне всюду мир подлунный до самых последних пределов мерзостью нечестивой наполнен, и потому после долгих раздумий я единственно правильное решение принял: должен смертный я род человеков погубить справедливости ради. Язва эта оказалась неизлечимой, и потому ее следует сейчас срезать беспощадным мечом, чтобы хоть малую здоровую часть она не задела. Я истреблю род человеков так, что не только ваша безопасность не пострадает, но и почести прервутся совсем ненадолго. После недолгих раздумий кару такую избрал я – человеческий род под воюю вздумал я погубить, оставив несколько пар жен и мужей для разведения их жалкого вида.

Речь Громовержца шумно одобрили все небожители. Начался всемирный потоп, и вскоре вся суша и широкодорожное море слились, и различья меж ними не стало, все было – море сплошное, и не было у него берегов. Бушевавшие непрерывно в течение 10 дней воды почти всех людей погубили. Выжил после Всемирного Потопа только сын Титана- бунтаря Прометея Девкалион и дочь недалекого Эпиметия и первой на земле женщины Пандоры Пирра, которые стали основателями последнего рода людей.

38. Полубоги

Когда Зевс узнал, что для окончательной победы над чудовищными Гигантами необходимы новые существа – наполовину боги, наполовину – смертные, т.е. полубоги – дети бессмертных и смертных, он долго от бессильного гнева скрипел зубами, помавал сросшимися бровями и тряс косматой головой. Успокоившись, царь богов смирился с необходимостью, которая, как известно, сильнее всего на свете, хотя и проворчал себе в косматую бороду:

– Не могу даже представить, как мне и моим милым братьям и сыновьям придется сочетаться сладостной любовью не с богинями, прекрасными ликом и телом, а с хилыми и грязными девами, озабоченными только тем, как наполнить ненасытный желудок.

Когда же Олимпийский Блистатель сам спустился на землю, чтобы посмотреть на дев, для смерти рожденных, то был приятно изумлен, о чем потом так сказал черновласому брату своему Посейдону:

– Радуйся брат милый! Я увидел там на земле множество чисто умытых плавноступающих дев в первом цвету и немало стройных низкоподпоясанных жен, лица которых фиалковенчанная подательница любви Афродита овеяла прелестью дивной, чудно так возбуждающей бурную мужскую страсть. Этой же ночью я посещу Аргос, славную конями вотчину ревнивицы

Геры, уж там, наверное, она не догадается искать супруга, который озаботился рождением так необходимых нам полубогов.

Первая смертная женщина с ликом прекрасным и кожей нежной, с которой познакомился Зевс, была Ниоба, дочь аргосского царя Форонея и нимфы Лаодики. Великий бог впервые пылкой любовью смешался с Ниобой и, восстав с брачного ложа, он возвестил изумленно:

– Не напрасно мне показалось будто Ниоба красою всех нежноласковых жен превзошла полногрудых. Безмерно я удивлен, но это было прекрасно! Смертная дева на моем брачном ложе оказалась ничуть не хуже наших блаженных богинь...

Ниоба родила от Зевса Аргоса и Пеласга, которые были по отцу богами, а по матери – смертными, и их называли полубогами. Аргосом называли старшего сына по городу, в котором он родился и, возмужав, превратил его в один из самых могучих городов Греции. Пеласг стал родоначальником пеласгов – древнейших обитателей Греции, сделавшиеся впоследствии эллинами, разделившись на аркадцев, данайцев, ионийцев, дорийцев, ахейцев и других менее известных племен и народов.

С тех пор не только детей, но и потомков богов и смертных женщин или богинь и смертных мужчин стали называть полубогами. От богов полубоги наследовали огромную силу тела и крепость духа, а от людей – неотвратимую причастность смерти.

Полубоги занимали промежуточное положение между бессмертными и смертными, и поэтому они были своеобразными посредниками между богами и людьми. Обычно знаменитые полубоги имели двойное отцовство, т.е. имели одновременно смертного (приемного) и божественного (родного) отца; ясно, что приемный отец принимал участие в вскармливании и воспитании, а божественный – лишь в зачатии.

39. Герои

Некоторые отождествляют полубогов и героев, другие же возводят происхождение слова «герой» к ревнивой Зевса супруге Гере, утверждая, что герой – это тот, кто, как Геракл, доставил славу Гере или же, наоборот, прославившийся сам, благодаря Гере. «Гера» и «герой» имеют общее происхождение и по звучанию, и по смыслу: Гера (1. госпожа и 2. охранительница) и герой (1. доблестный муж, предводитель и 2. спаситель, защитник).

Герои, совершавшие великие подвиги не могли быть простыми людьми, все они были полубогами, но все ли полубоги были героями? Некоторые полубоги (обычно дети никем не любимого вечно запятнанного чужой кровью Ареса, реже Зевса, Посейдона или Аполлона) совершали нечестивые поступки, а иногда и злодеяния, и тогда их не называли героями и, как бы забывая о их божественном происхождении, называли их просто по именам, например, Кикн, Эномай или Флегий. Поэтому говорят, что есть герои с хорошими душами, а есть – с дурными.

Наиболее естественно героев разделять по родословным. Главным качеством героев является доблесть, самоотверженное стремление, во что бы то ни стало победить в схватке, поединке, сражении, всех превзойти в своем Деле (воинском, трудовом, спортивном, мусическом...). Поэтому героев целесообразно классифицировать не только по происхождению, но и по виду деятельности. При этом, некоторые герои могут входить в разные категории. Например, Геракл и богоборец, и истребитель чудовищ, и воин, и скиталец, и обожествлен.

1. Богоборцы и Зевсоборцы (Геракл, Тантал, Сисиф, Салмоней, Иксион...). Это герои I поколения.

2. Истребители чудовищ (Персей, Геракл, Тесей, Беллерофонт, Мелеагр). Это герои II поколения.

3. Воины (Ахиллес, Агамемнон, Менелай, Патрокл, Диомед, Гектор, Эней...). Это герои III поколения.

Деление героев Эллады на три поколения не общепринято и произведено по аналогии с богами и потому не стоит говорить о героях более высоких поколений.

4. Скитальцы (Медея, Менелай, Одиссей, Эней, Ясон...)
 5. Обожествленные (Асклепий, Геракл, Дионис, Ино, Меликерт, Пан, Полидевк...)
 6. Прорицатели (Амфиарай, Идмон, Гелен, Кассандра, Калхант, Мопс, Тиресий...)
 7. Мстители (Ахилл, Навплий, Орест...)
 8. Мастера (Агамед, Талос, Трофоний, Дедал...)
 8. Охотники (Агрей, Адонис, Аталанта, Кефал, Кипарис, Кирена, Орион...)
 9. Музыканты (Амфион, Арион, Лин, Орфей, Фамирид, Филаммон...)
 10. Победители всеэллинских игр (Иасий, Клеромед, Милон, Никокл, Пейсирод...)
 11. Эпонимы (Аргос, Аркад, Беот, Дардан, Ион, Коринф, Лакедемон, Эллин...)
 12. Рокоборцы (Акрисий, Алфемен, Катрей, Фиест, Эдип...)
 13. Красавцы (Адонис, Ганимед, Гермафродит, Нарцисс, Хрисипп, Эндимон, ...)
 14. Великаны (Алоады, Антей, Герийон, Орион, Титий, ...)
-

40. Гордыня героев

Героями в самом прямом, общепринятом смысле слова являются лишь герои второго и третьего поколений – они исполнены доблести, стараются всех победить или, хотя бы, превзойти. Доблесть и мужество проявляются особенно ярко в деяниях самых знаменитых героев таких, как прославленный истребитель чудовищ Геракл и храбрый из воинов Троянской войны Ахилл.

Другим главнейшим качеством героев была гордыня и дерзость. По этому критерию к героям можно отнести и героев первого поколения. Герои первых трех поколений были одержимы богиней непомерной гордыни и спеси Гибрис, но самое главное – они посмели с богами и с самим Зевсом бороться, и потому их постигла не завидная участь.

Герои не умели жить в обыденной жизни – их необыкновенная сила требовала выхода, а гордыня и дерзость приводили к наказанию и ранней смерти. Зевс собственноручно расправился со всеми полубогами I поколения, так или иначе боровшимися с ним или с другими богами (Сисиф, Тантал, Иксион), и покарал некоторых из героев, истреблявших чудовищ (Беллерофонт). Олимпиец организовал мировую Троянскую войну, в которой многие герои – воины должны были перебить друг друга, но в Аид снизойти с почетом и славой.

Для большинства знаменитых героев в Аиде были заготовлены особые места – Элисиум и Острова Блаженных. Многим погибшим со славой полубогам-героям люди начали поклоняться, почти как местным божествам и богам. Хотя жертвы героям приносили не такие, как бессмертным, владеющим небом широким; это были жертвы в честь умерших, состоявшие в возлиянии на их могилы меда, вина, масла и молока, причем лицом люди обращались на западную сторону тьмы.

41. Герои – скитальцы

Герои – скитальцы стали знаменитыми не благодаря каким-то особенным подвигам, а благодаря именно скитаниям. Скитальцами обычно называют тех, кто много скитается по морям и по земле, часто они странствуют без цели, не могут нигде устроиться, найти себе желанное место в оседлой жизни. Наиболее знаменитые герои – скитальцы Древней Греции Ясон и Медея, Одиссей и Эней скитались не по собственному желанию. Во – первых это была их Судьба: Одиссею и Энею оракулы предсказали многолетние скитания.

Подвиги героев-скитальцев Эллады заключались в покорении человеком морской стихии, в открытии новых путей и неизведанных земель, что было необходимо не только для путешественников, но и для торговцев, для ремесленников, поселенцев... При этом во время скитаний героям приходилось совершать и множество подвигов в привычном смысле слова: бороться с чудовищами, сражаться с врагами, преодолевать природные преграды в море и на неизведанных землях.

Иолкский царевич Ясон отправился в далекую Колхиду по необходимости – его принудил захвативший власть в Иолке Пелий, желая избавиться от законного наследника. Кроме того, Ясон, как многие молодые люди страстно желал прославиться и оставить по себе в истории не меркнувший след. Юной колхидской царевне Медее пришлось скитаться вместе с Ясоном в которого она безумно влюбилась. Сначала во время морских скитаний у них была приплыть в Иолк, родной город Ясона. Затем им пришлось скитаться по разным городам по поле Рока, который не позволял им нигде обосноваться надолго.

Подобно Ясону с Медеей скитался Одиссей. Еще совсем молодым, только – только став царем скалистой Итаки и женившись, Лаэртид, получает в Дельфах такой оракул:

– Если ты отправишься под Троию, то вернешься домой больше, чем через двадцать лет и притом одиноким и нищим.

Будучи очень предприимчивым, умным, и хитрым, Одиссей изо всех сил старается избежать «призыва на войну», он даже искусно притворился безумным, но его разоблачают и он отправляется под Троию. После окончания 10-летней для всех многослезной войны и падения Трои Одиссей, все время помня оракул, тем не менее, старается как можно быстрее попасть на родную Итаку. Однако некоторые боги и, особенно царь морей Посейдон, могучий олимпийский бог не дают знаменитому герою-воину вернуться на родину, превратив его на всю оставшуюся жизнь в самого стойкого героя – скитальца.

Эней особенный скиталец. У Ясона и Одиссея была ясная цель во время скитаний – они стремились вернуться домой. Эней же, подобно Медее, наоборот, свой дом покидает и начинает скитаться. Медее бежит из родной Колхиды из-за самоотверженной любви к Ясону и отчасти из страха перед отцом из-за помощи аргонавтам и возлюбленному Эсониду. При этом Ясон с Медеей, приплыв из Колхиды, стремятся обосноваться сначала в Иолке, потом в Коринфе, но Могучая Судьба не позволяет им этого, хоть они пытаются с ней бороться.

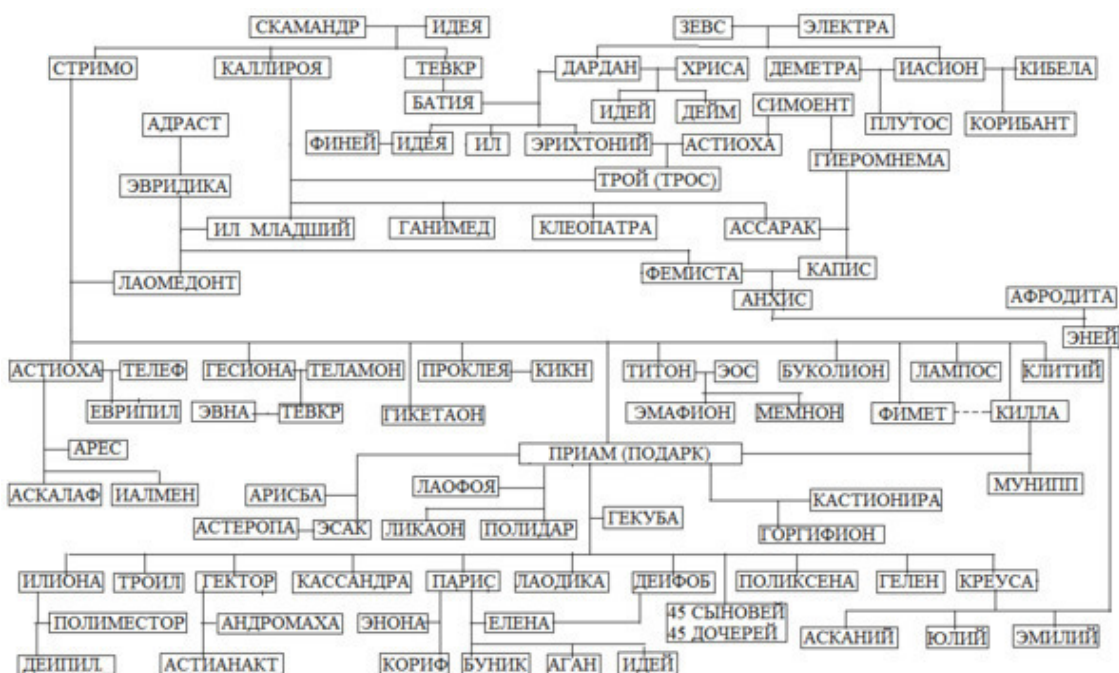
Эней же бежит из родных мест потому, что Троя была захвачена, разграблена и сожжена. Прежде, чем окончательно осесть, он 7 лет скитается, причем нигде не останавливается надолго, чаще всего по собственной воле меняет страны, города, острова в отличие от скитальца Одиссея, который 7 лет «безвылазно» прожил в сладком плену у нимфы Каллипсо, деля с ней брачное ложе и ни в чем не нуждаясь.

Эней не плывет по течению, отдавшись Могучему Року, нет, он активно помогает своей Судьбе свершиться. Одиссею не давал прекратить скитания мстительный Посейдон, Ясону с Медеей мешали люди и обстоятельства. Эней же, имея много раз возможности прекратить скитания, сам себя понуждал оставлять места подчас более, чем гостеприимные, например, Карфаген с влюбленной в него царицей Дидоной. Все удары судьбы герой терпит ради того, чтобы сбылось предсказание, согласно которому, он должен был стать у истоков великого Рима, предком его легендарных основателей Ромула и Рема.

Часть II. До Энеиды

Происхождение Энея

42. Родословное древо Энея и троянских царей

Как видно из мужской линии предков отца Энея Анхиса: (Зевс – Дардан – Эрихтоний – Трос – Ассарак – Капис – Анхис) первым героем, произошедшим от Зевса, был Дардан, поэтому Анхис считается Дарданидом и царевичем дарданского царства.

Формально Дардан был не героем, а богом потому, что его родителями были Зевс и дочь древнего Титана Атланта Плеяда Электра. Например, сын Зевса и сестры Электры Плеяды Майи Гермес был не просто богом – могущественным олимпийцем. Возможно, некоторые боги, став по своему желанию земными царями, теряли божественность, как, например, Дардан и Иасион или царь Колхиды Эт и его брат царь Таврии Перс, родителями которых были Солнечный Титан Гелиос и Океанида Персеида...

Согласно Диодору Сицилийскому, Дардан родился на Самофракии.

По Вергилию, Дардан родился в Италии, отплыл из Корита в Тиррении на Самофракию. Опечаленный смертью погубленного Зевсом брата Иасиона, Дардан покинул Самофракию и переправился на другой материк на плоту или надутом бурдюке. Радужно принятый царем Тевкром, женился на его дочери Батии и, став первым царем им построенной Трои, стал называть своих подданных тевкрами и дарданцами. Батия родила Дардану двух сыновей Эрихтония и Ила и дочь Идею, которая стала второй женой сына Агенора и брата Кадма царя фракийского Салмидесса Финея. Ил умер рано, и царская власть перешла к его брату Эрихтонию, родившему третьего царя Трои Троя (Троса), который и дал основанному Дарданом городу свое имя.

Дардан сначала хотел основать новый город на небольшом холме Аты, возвышавшемся над долиной. Однако после получения оракула Аполлона Фригийского о том, что несчастья будут преследовать жителей города в этом месте, Дардан основал город на нижних склонах горы Ида и назвал город Дарданом.

Согласно Аполлодору, после смерти Тевкра Дардан унаследовал от него остальную часть царства, и дал всему царству имя Дардания, положив начало троянскому роду царей и распространив свою власть на многие соседние азиатские народы.

Младший сын Дардана Идей отправился следом за ним в Троаду, неся с собой священные изваяния, с помощью которых Дардан ввел поклонение великой Матери богов Рее-Кибеле и обучил свой народ самофракийским мистериям.

Некоторые говорят, что среди изваяний богов был уже тогда и знаменитый Палладий. Оракул объявил, что основанный Дарданом город, будет неприступным для любых врагов ровно столько, сколько просуществует в нем Палладий, вырезанный Афиной из дерева в честь подруги детства Паллады, которую она по неосторожности убила в детской игре. Могила легендарного основателя троянского рода была видна в той части Трои, которая называлась Дардания до слияния в будущем с поселениями Илион и Троада, образовавшими единый полис.

Так же и по женской линии Эней – Дарданид, ибо его бабка Фемиста произошла от Ила (Младшего) – родного брата Ассарака.

Поскольку отец Энея Анхис и последний царь Трои Приам троюродные братья, то Эней троюродный племянник Приама.

Кроме того, Эней женился на дочери Приама Креусе, своей троюродной сестре и потому ясно, что в мировой Троянской войне Эней должен был участвовать на стороне троянцев, что и было в действительности, хотя Анхисид включился в активные боевые действия лишь через девять лет после осады Илиона, на последнем, десятом году сражений.

43. Зевс по совету Метиды решает зажечь Афродиту желанием взойти к человеку на ложе [8]

Гесиод, держа в руке жезл из зеленого лавра, вдохновенно поет, как к племени вечных блаженных богов отправилась после рождения тотчас богиня красоты и любви Афродита, из нетленной пены возникшая. Эрос сопровождал дева, и следовал за ней Гимер прекрасный. С самого было начала дано ей в удел и владенье между земными людьми и богами бессмертными вот что: девичий шепот любовный, улыбки, и смех, и обманы, сладкая нега любви и пьянящая радость объятий.

Поэтому склонились небожители перед дивной красотой и пред мощью любви Афродиты, и только трое из племени остальных 13 олимпийских богов и богинь остались безучастны к фиалковенчанной, улыбкалюбивой богине. Это мудрая Афина, чье сердце было отдано брани и ремеслам, стрелолубивая Артемида, чей удел был – охота на диких зверей и скромная Гестия, чье дело – семейный очаг.

Так же в гомеровском гимне поется о делах многозлатной Киприды! Сладкое в душах богов вожделье она пробудила, власти своей племена подчинила людей земнородных. Всем одинаково близко сердцам, что творит Киферея. Только троих ни склонить, ни увлечь Афродита не в силах: Дочерей Зевса-владыки Афины и Артемиды, и сестры его скромной Гестии, девы безбрачной.

Зевс-Молнелюбец и тот обольщаем бывал не однажды, – он, величайший из всех, царь богов! Разум мощный вскружив, без труда и его Афродита – стоило лишь пожелать ей – сводила со смертной женою и забывать заставляла о Гере, милой сестре и супруге, между бессмертных богинь выдающейся видом прекрасным и духом чрезмерно ревнивым.

Разумеется, блаженные боги не были против дел Афродиты, но им не нравилось подчинение богине любви, особенно царю богов Зевсу. Поэтому Громовержец решил и саму Афродиту зажечь сладострастным желаньем ласк человеческих, чтоб и она взошла к человеку на ложе, чтобы нельзя уже было хвалиться пред богами любящей смех Афродите, как она с женами сводит земными богами, и сыновей для бессмертных богов они смертных рожают.

Некоторые говорят, что Владыка Олимпа действовал по велению непреложной Мойры Лахесис, которой был необходим герой, рожденный Афродитой от смертного. Этому герою старая лишь обликом Ткачиха соткала стать предком Ромула и Рема – основателей вечного города Рима, которому была отведена важная роль в истории всего человечества.

Браки между смертными и богинями были очень редки и всегда унижительны для бессмертных супругов, их известно всего три, и всякий раз богини сопротивлялись, как только могли. Дочь Афродиты от Ареса богиня согласия Гармония ни за что не хотела выходить замуж за героя Кадма, и Киприда смогла ее уговорить лишь с помощью своего Пестроузорного Пояса и богини убеждения Пейто. Плеяда Меропа отчаянно сопротивлялась браку с хитроумным героем Сисифом, а потом после помещения Плеяд на небо Меропа стала самой тусклой и незаметной звездой в астеризме, ибо стыдилась, что она единственная из сестер имела смертного мужа. Третьей богиней, возлегшей со смертным, была Фетида. Пелею по приказу Зевеса было необходимо овладеть Нереидой, причем борьба им предстояла нешуточная, ведь, несмотря на веление Зевса, морская богиня знаться со смертным ни за что не желала. Фетиде пришлось даже воспользоваться врожденным для нее обычным для морских божеств искусством, – свойством свои обличья менять. Птицей быстрой Фетида сделалась, – Пелей тотчас же схватывал птицу; корни пускала в земле, – жених уж на дереве виснул. Когда же она приняла полосатой тигрицы грозной обличье, то сильно уstraшенный Эакид разомкнул вокруг тела богини объятье, и смог овладеть ею лишь благодаря вещанью болтливого морского бога Протея:

– Эй, Эакид! Ободришь, ты желанного брака можешь достигнуть! Только лишь любезная твоему сердцу дева уснет, успокоившись в прохладной пещере, путы прочные заранее заготовь, накинь на нее и покрепче свяжи. Да не обманет тебя она никакими обличьями, – жми ее в виде любовом, доколь не вернется в свой облик обычный девы и тогда уж овладей ею, как настоящий мужчина.

Гармония, Меропа и Фетида были второстепенные богинями, Афродита же, была могущественной олимпийской богиней, притом самой древней из олимпийского пантеона, в котором были шесть богов III-го и семь – IV-го поколения, она единственная принадлежала к богам II-го поколения.

Поэтому заставить богиню красоты и любви возлечь со смертным было очень не просто, и Зевс, как это он часто делал в особенно трудных случаях, решил посоветоваться со своей первой супругой Океанидой Метидой, с которой у него был юношеский брак. Вскоре от бабки Геи, сочетавшиеся законным браком, Зевс и Метида, узнали оракул, который гласил, что, если Метида родит от Зевса дочь, то она будет очень сильная и мудрая, как отец, если же она родит сына, то он, возмужав, станет сильнее отца и лишит его власти.

Гесиод в «Теогонии» поет, что премудрых детей предназначено было Метиде родить – Деву-Афину сперва, синеокою Тритогенею, равную силой и мудрым советом отцу Громовержцу. После ж Афины еще она могла родить сына – с сердцем сверхмощным, будущего владыку богов и мужей земнородных.

Метида была уже беременной, и Зевс, не подавая жене вида, что он в ужасном расстройстве, целыми днями и даже ночами непрерывно думал, что ему делать, чтоб со своим будущим сверхмощным сыном от бессмертной Метиды войны избежать, которую ему Могучей Судьбой предначертано проиграть. Наконец, Кронида посетило единственно возможное решение, он решил, что лучше всего ему пойти по стопам родителя, глотавшего новорожденных детей и проглотить супругу любимую. Он увлек Метиду на брачное ложе любовными ласками

и предложил ей для развлечения игру – каждый должен был превратиться во что-нибудь малое. Мудрая, но не склонная, как все Титаны к коварствам и обманам, Метида превратилась в муху, и Зевс тут же ее проглотил.

Так юный Зевс, которому еще только предстояло стать Великим, Премудрым и Всемогущим, уже в молодые годы мудростью превзошел своего родителя хитроумного Крона, с сердцем жестоким, который, чтобы не лишиться власти, глотал рождавшихся детей. Зевс же проглотил не ребенка, а мать, вместе с еще неродившимся первым ребенком, которым должна была стать девочка.

Вскоре Зевс почувствовал, что бессмертная Метида, приспособившаяся к новой жизни внутри супруга, стала давать ему мудрые советы, и он стал по-настоящему мудрым. Из уст даже проглоченной Метиды исходила справедливость, закон же и милость она на языке носила.

По словам Гесиода, Метида сообщала Зевсу, что зло и что благо.

Когда Владыка блистательных высей Олимпа спросил продолжавшую жить в нем бессмертную Метиду как ему заставить богиню любви возлечь со смертным, ответ был таков:

– Если Эрот захочет, то сам Громовержец, неба владыка, охваченный его пламенем, шею пред ним преклонит. Да, за любимую мать Эрот готов был ополчиться на всех, но, только, если речь не заходит о том, кто из них – он или Афродита самый главный в царстве любви. Тут Эрот становится темным, вселяющим ужас всем, и сердце мощно до самого дна колышет жгучим безумием не только человеку, подвластному смерти, но и богу любому, включая мать Киприду. Поэтому возбуди в Эроте ревность к власти Киприды над людьми и богами, скажи, что она главнее его и ему не подвластна...

44. Зевс подзадоривает Эрота влюбить мать в смертного

Зевс Промыслитель встретился с отроком Эротом в своем обширном саду, где раньше произрастали всевозможные деревья и растения, а после восшествия на Олимп Диониса, – почти один виноград, который вытеснял их, как сам Вахх вытеснил с мощных высей эфирных скромницу Гестию.

Златокудрый крошка – бог был нагой, без доспехов и не один, а с юнцом Ганимедом, сыном троянского царя Троса и Калирои, которого некогда Зевс поселил у себя в небе с блаженными бессмертными рядом. Чары красоты отрока так тогда Зевса пленили, что, вмиг превратившись в орла, он на мощных крыльях тут же унес троянского царевича с пастбища, где отцовские пас тот стада, на блистательные выси Олимпа. С тех пор, несмотря на вялые протесты ревливой супруги, отрок стал виночерпием на олимпийских пирах и дивным украшением ложа любвеобильного Зевса.

Благодетельный бог вечной весны, всепобеждающей любви, дающей всему живому новую жизнь по заданию Олимпийца, обучал основам любви приятеля своего виночерпия Ганимеда:

– Милый, чтоб быть достойным зевсова ложа, тебе надо еще учиться и учиться любви. Знаю, что тебе, как и многим другим, очень нравится мать моя Киферея. Конечно, она образец красоты, но, если быть вполне откровенным, то надо отметить, что любовь моей матери Афродиты пошлая, это любовь, которой любят люди ничтожные. Такие люди любят женщин больше ради их тела, чем ради души, и, наконец, любят они тех, кто поглупее, заботясь только о том, чтобы добиться своего, и не задумываясь, прекрасно ли это. Моя же любовь всякой бывает, в том числе она может быть причастна и к мужскому началу, – это любовь к юношам, она старше и благороднее, и чужда всякой нечестивости или дерзости. Потому-то одержимые такой любовью обращаются к мужскому полу, отдавая предпочтение тому, что сильнее от природы и наделено высшей доблестью и несравненно большим умом. Это не пошлая, а небесная любовь, она очень ценна и для бессмертных богов, и для земных государств, и для отдельных

людей, поскольку требует и от любящего, и от любимого великой заботы о своей нравственности и постоянном самосовершенствовании.

Зевс подозвал к себе Эрота и, пряча в косматой бороде лукавую улыбку, как бы сомневаясь, сказал мальчику, гордому своим игрушечным луком:

– Эрот, ты вот тут обучаешь основам любви отрока Ганимеда, словно сам в любви всемогущий наставник и лучший учитель. А я так думаю, что напрасно говорят, что ты царь любви в нашем сонме богов, и все на Олимпе, кроме Афины, Артемиды и Гестии тебе подвластны. Есть и другие, против которых ты бессилен и наг.

Несмотря на детский облик, лукавство и игривость, Эрот имел непомерно гордое сердце и мог быть и коварным, и мстительным, и очень жестоким. Никому из богов, кроме обожаемой им матери, он не прощал обид и поражал их в сердце своими кипарисовыми стрелками с зазубренными крючками на конце, заставляя страдать и мучиться. Даже с неподвластной ему девой Палладой Эрот порой готов был сразиться и хвастливо говорил, что, стоит ему захотеть и Паллада огонь его жгучий почувет, признает могучую силу его и, копьё свое отбросив, возляжет к мужчине на брачное ложе.

Бог идалийский крылатый засмеялся надменно, и Зевсу стало смешно – так выглядела нелепо его ребячья спесь. Эрот же, сверкая глазами и трясая золотистыми кудрями, крикнул детским голосом звонким:

– Кто этот он или она, мне не подвластный?! Куда мне изоострую направить стрелу? Кого поджечь мне огнем бурным факела? Должен заставить кого из богов или людей загореться? Имя лишь назови: вспыхнет, как факел, он, кто бы не был.

– Не он, а она. Все знают, что Афродита шею пред сыном своим Эротом никогда не склоняет, хоть и питает все любовные страсти! И вообще, что ты можешь один, без матери, которую ты призван слушаться и почитать и которая уделяет тебе лишь малую часть от своего достоинства царицы любви и божественной силы.

Раззадоренный хитрыми словами Кронида и богиней Эридой, матью не только Раздора и Распри, но и Агона (Соревнование и Соперничество), Эрот вскричал:

– Если угодно тебе, то и мать моя иступленный огонь наш почувет и все же признает силу мою!

Олимпиец, по-прежнему пряча усмешку, с нарочитым недоверием молвил:

– Что ж посмотрим. Сможешь ли ты внушить Афродите любовь, ну, например, к дарданскому царевичу Анхису, большому красавцу, пасущему сейчас на моей горе Иде своих коров.

Вместо ответа Эрот окинул Кронида влажно мерцающим взглядом из-под темных гнутых ресниц, которым он ввергает всех в сети и свой бурный полет на сердце Киприды направил, когда она пролетала над Идой и увидела в шалаше юного Анхиса, красотой и фигурой подобного Адонису. Дикое пламя любви и безумья мгновенно от золота крыльев Эрота в сердце Афродиты вспыхнуло, и мать оказалась покорна ему.

Так Зевс многоумный забросил Пафийке к Анхису желание сладкое в сердце, когда он пас быков на склоне Иды, богатой ключами, – осанкой и ликом бессмертным подобный. Запылало любовью сердце Киприды и, ужас будя, неистовое вожделье к царевичу смертному ей в душу мощно проникло. Богиня решила лететь на Кипр; там некогда аркадский царь Агапелор, строитель города Пафоса, воздвиг ей храм в Палай Пафосе (Старом Пафосе); до тех пор богиня принимала поклонение от жителей Кипра в местечке, называемом Голги. После этого Афродита окончательно обосновалась в городе Пафосе на Кипре, который стал ее главным святилищем.

Впрочем, некоторые говорят, что Зевс не имел никакого отношения к тому, что Афродита сочеталась с Анхисом. Она была в большом горе после смерти возлюбленного Адониса от клыков кабана. Согласно Фотию, после смерти Адониса Афродита блуждала и в святилище Аполлона Эрифия рассказала Фебу о своей несчастной любви. Тогда Аполлон привел

ее на Левкадскую скалу и приказал спрыгнуть, она сделала это и освободилась, но не полностью. Кому, как не самой Пафийке или ее сладкоистомному сыну Эроту знать, как излечиться от любви? – Например, можно излечиться новой любовью, и Киприда по своей воле влюбилась в Анхиса.

45. Афродита в образе фригийской царевны сочетается с Анхисом [8]

Быстро примчавшись на Кипр, низошла Киферея в храм свой душистый в Палай Пафосе, и там искупали богиню ее неизменные спутницы Хариты и тело натерли маслом бессмертным. Чудной, облекшись одеждой и все превосходно оправив, понеслась Афродита улыбкалюбивая в Трою, в кудрявых облаках, свой стремительный путь совершая.

Прилетев на Иду, зверей многоводную мать, прямо к жилищам Киприда пошла, не разбирая дорог, через гору. Виляя хвостами, серые волки вослед за богинею шли и горные медведи, огненноокие львы и до серн ненасытные барсы с пятнистыми шкурами. И веселилась всем сердцем при взгляде на них милоулыбчивая Афродита. В грудь заронила она свирепым зверям желание страстное, и тотчас по двое все разошлись по логом тенистым.

Прямо к пастушьим богиня красоты и любви пришла шалашам, что сделаны прочно, и нашла там Анхиса-героя. В отдаленье от прочих он в шалаше один пребывал, от богов чудную красоту получивший. Вслед за стадами бродили по пастбищам травянистым пастухи все остальные. От них вдалеке он по своему шалашу одиноко ходил, грустно на кифаре бряцая.

Богиня не знала в каком виде ей предстать пред Анхисом: она боялась его напугать, если предстанет в божественном виде, но и девой маленького роста и не слишком красивой ей предстать перед ним не хотелось.

Встала внезапно пред сыном Каписа Афродита, ростом и видом лишь слегка уподобившись деве невинной. Он же, увидев богиню, дивился виду и росту ее и блестящим ее одежням. Пеплос надела она, лучезарный, как жаркое пламя, ярко блистали на теле витые запястья и пряжки, и золотые висели на шее крутой ожерелья, и Пояс Пестроузорный под грудями нежными светился чудесно. Пылкая страсть сразу же овладела Анхисом, и он слово навстречу ей молвил такое:

– Здравствуй, владычица, в мое скромное жилище вошедшая, – кто бы ты ни была из блаженных, – Лето, Артемида, Афина, иль сама Афродита золотая! Или же ты мне явилась, одна из Харит, что бессмертных сопровождают богов и бессмертными сами зовутся? Или ты нимфа – из тех, что источники рек населяют, влажногустые леса и прекраснотенистые рощи? Или из тех, что на этой горе обитают прекрасной? Я для тебя на холме, отовсюду открытом для взоров, жертвенник пышный воздвигну и буду на нем постоянно жертвы тебе приносить. Ты же, богиня, будь благосклонна ко мне, возвеличь меж сограждан троянских, даруй, как время настанет, цветущих потомков и сделай так, чтоб, в народах блаженный, и сам хорошо я и долго жил и на солнце глядел, и до старости дожил глубокой.

Афродита немедля ему отвечала:

– Славный Анхис! Из мужей, на земле порожденных, красивейший! Я не богиня, хоть и ростом большая – такой родила меня мать. Напрасно меня приравнивал ты к бессмертным. Смерти подвержена я. И жена родила меня, а Отрей – мой отец, царствует он нераздельно над всей Фригией. Но языком хорошо я и нашим, и вашим владею, ибо меня воскормила троянка-кормилица дома, девочкой малой принявши от матери многолюбимой. Ныне же Аргоубница с лозой золотою из хора златострельной и шумной похитил меня Артемиды: много нас, нимф, веселилось и дев, для мужей вожделенных. Нес он меня через земли, являвшие труд человека, нес и чрез дикие земли, лишённые меж, на которых лишь плотоядные звери блуждают по логом тенистым; кажется мне, что ногами я даже земли не касалась. Он мне сказал,

что на ложе Анхиса законной супругой я призываюсь взойти и детей народить тебе славных. Все указавши и все объяснивши, возвратился обратно Аргобийца могучий в собрание прочих бессмертных. Я же к тебе вот пришла: принуждает меня неизбежность. Именем Зевса тебя заклинаю! Родителей добрых именем, ибо худые такого, как ты, не родили б! Девой невинной, любви не познавшей, меня отведи ты и покажи как отцу твоему, так и матери мудрой, также и тем, кто от них порожден, твоим братьям родимым. Буду ли я подходящей невесткой для них иль не буду? Быстрого вестника тотчас пошли к резвоконным фригийцам. Пусть сообщит и отцу он, и матери, тяжело скорбящей, золота много тебе они вышлют и тканой одежды. Ты же прими за невестой в приданое эти богатства. Все это сделавши, свадебный пир снаряди богатейший, чтоб оценили его и бессмертные боги и люди.

Так говорила фиалковенчанная Афродита и сладким желаньем наполнила душу Анхиса, и он голосом дрожащим промолвил:

– Если ты смертная впрямь и если ты здесь по решению бессмертного Аргобийцы и навсегда суждено тебе быть мне законной женою, – то уж никто из богов и никто из людей земнородных мне помешать не сумеет в любви сочетаться с тобою тотчас, теперь же! Хотя б даже сам Аполлон-Дальновержец луком серебряным стал посылать губительные на меня свои стрелы! Я готов, о дева, богиням подобная видом, ложе с тобой разделив, потом, хоть спуститься в мрачное жилище Аида!

Руку он взял Афродиты улыбкалюбивой, она же, светлый потупив взор, повернулась и тихо скользнула к постланной пышно постели. Там сложено было ложе из мягких плащей для владыки и сверху покрыто шкурами тяжело рыкающих львов и косматых медведей, собственноручно в высоких горах умерщвленных Анхисом. Снял он ей прежде всего украшения, блестящие с тела – пряжки, застежки, витые запястья для рук, ожерелья. Пояс Пестроузорный потом распустил и сиявшие светом одежды с дивного тела богини совлек и кинул, не глядя на шкуры и сочетался страстной любовью с богинею смертный, сам того точно не зная.

46. Киприда предстает богиней и рассказывает Анхису о их сыне Энее [8]

В час же, когда пастухи на стоянку коров пригоняют с тучными овцами к дому с цветами усыпанных пастбищ, крепкий и сладостный сон излила на Анхиса богиня, с ложа сама поднялась и прекрасное платье надела. У входа остановилась богиня, головой достигая притолки, сделанной прочно, и ярко сияли щеки той красотой нетленной, какою славна Киферея; и дарданскому красавцу царевичу сказала она:

– Встань, поскорей, Дарданид! Что лежишь ты во сне непробудном? Встань и ответь себе точно, кажусь ли сейчас я подобной деве, какою сначала меня ты увидел своими глазами.

Ее он из сна очень быстро услышал, и увидел он глаза дивные и прекрасную шею Киприды, и ужаснулся душою, и, в сторону взор отвратив, снова закрылся плащом, и лицо несравненное спрятал, и, умоляя богиню, слова окрыленные молвил:

– Сразу, как только тебя я, богиня, увидел, понял я, кто ты, и понял, что мне ты неправду сказала. Зевсом эгидодержавным, простершись, тебя заклинаю: не допусти, чтоб живой между смертных я жить оставался силы лишенным. Помилуй! Ведь, говорят, силы навеки теряет тот человек, кто с бессмертной богинею ложе разделит!

– Славный Анхис! Духом не падай и в сердце своем не пугайся чрезмерно. Ни от меня, ни от прочих блаженных богов ты не должен зол испытать никаких: олимпийцы к тебе пока благосклонны и такими останутся, если ты не будешь излишне болтливым. Милый сын родится у нас, и над троянцами он воцарится. Станут рождать сыновья сыновей чередой непрерывной. Имя же мальчику будет Эней (ужасный), потому что в ужасном горе была я, попавши в объятия смертного мужа. Больше всего меж людей походили всегда на бессмертных юноши из вашего

рода осанкой и видом прекрасным. Так златокудрого некогда Зевс Ганимеда похитил ради его красоты, чтобы вместе с бессмертными жил он и, чтобы в Зевсовом доме служил для богов виночерпцем. Тросом же тяжкая скорбь овладела: не знал он, куда же сына его дорогого умчало божественным вихрем. Целые дни непрерывно оплакивал он Ганимеда. Сжалился Зевс над отцом и ему, в возмещение за сына, дал легконогих коней, на которых бессмертные ездят. Про сына ж, велением Зевса, Аргобийца, глашатай бессмертных, владыке поведал, сто нестарееющим стал его сын и бессмертным, как боги. После того как услышал он Зевсово это известье, Трос горевать перестал, и душою внутри веселился, и, веселяся душой, разъезжал на конях ветроногих. Так и Титона к себе увлекла златотронная Эос, – тоже из вашего рода и видом подобного богу... Ныне позор величайший и тяжкий на вечное время из-за тебя между всеми бессмертными я заслужила: раньше боялися боги моих уговоров и козней, силой которых сводила бессмертных богов на любовь я со смертными женами: всех покоряла я мыслью своею. Но никогда уже уст я отныне своих не раскрою перед бессмертными чем похвалиться. Бедою ужасной, невыразимой постигнута я, заблудился мой разум: сына под поясом я зачала, сочтавшись со смертным!.. После того как впервые он солнца сиянье увидит, горные нимфы с грудями высокими вскормят младенца, – здесь обитают они, на горе на божественной этой. Род их – особый; они не бессмертны, но также не смертны: долгое время живут, амвросийской питаются пищей и в хороводах прекрасных участвуют вместе с богами. После ж того, как впервые придет к нему милая юность, мальчика нимфы сюда же к тебе приведут и покажут. Когда ты впервые увидишь милого отпрыска радость тобою овладеет: бессмертным он будет подобен, мальчика тотчас в открытый ветрам Илион отведешь ты.

47. Зевс поражает молнией Анхиса за хвастовство, и ноги его больше не держат

Улыбколюбивая Афродита, как всегда, улыбнулась, но на этот раз совсем не мило, а очень печально:

– Если ж какой-нибудь смертный о матери спросит, приявшей в страстных объятьях твоих многомилого сына под пояс, то отвечай, – и навеки запомни мое приказанье, – что родила тебе сына того цветкоокая нимфа, – из обитающих здесь вот, на этих густолесистых горах.

Тут Афродита задумалась, потом тяжело вздохнула и, как будто по принуждению молвила:

– Если же правду ты скажешь и хвастать начнешь безрассудно, что сочетался в любви с Кифереей прекрасновечной, – Зевс тебя в неистовом гневе низвергнет, обугливши молнией жгучей. Ну вот, все я сказала тебе, что было необходимо. А ты поразмысли крепко об этом: постарайся не проболтаться, сдержись, – трепещи перед гневом бессмертных!

Так Афродита сказала и в ветреном небе исчезла, испарилась, словно легкая Аура или невесомая дымка.

Анхис молчал о своей тайне несколько дней, хотя ему не терпелось похвалиться, хотя бы, перед товарищами – пастухами. Ведь человеку мало получить от жизни, что-то хорошее, ему еще хочется рассказать всем об этом, чтоб ему позавидовали.

И вот, когда Анхис с друзьями – пастухами однажды воздали дань чудесному напитку, изобретенному Силеном и Дионисом, приятели стали подтрунивать над удачливым в любви красавцем – Анхисом и его девушкой, пировавшей вместе с ними.

– А что, Анхис, если бы к тебе на ложе попросилась сама Афродита, ты пустил бы ее или остался с этой смертной? Кого бы ты выбрал?

Дарданский царевич – пастух не заметил, как попал в сладостные объятия богини непомерной гордости и спеси Гибрис и хвастливо ответил голосом звонким:

– Мне не надо выбирать. Я сплю с обеими и знаю Афродиту, как Филомедею (Любящая срамной уд).

Об этой похвальбе от своего вездесущего вестника Гермеса узнал Зевс, и гнев на нечестивого смертного он в груди еле сумел уместить. Олимпиец впал в тихую ярость и косматой так затряс головой, что не подверженный тлену чертог закачался из стороны в сторону, и великий Олимп всколебался, словно огромный корабль на гигантских волнах.

Царь богов тут же хотел испепелить Анхиса своей молнией жгучей, но вездесущая Мойра Лахесис внушила ему сделать это при встрече любовников. И вот при следующей встрече Афродиты и Анхиса разъяренный Громовержец ударил в пастуха извилистой молнией.

Афродита уже, когда предупреждала юношу, ставшего отцом ее ребенка, о том, чтобы он не проболтался, знала от никогда не дремлющей Мойры Лахесис, что тот не удержится от хвастовства. Поэтому она была готова, чтобы попытаться спасти Анхиса.

В последний момент богиня красоты и любви сумела своим дивным Пестроузорным Поясом, подаренным ей при рождении старой Ткачихой, отклонить зевесов перун, и он ушел в землю у самых ног Анхиса. Благодаря дивному Поясу богини, Анхис остался жить, но молния все же повредила ему ноги, и он уже больше никогда не смог на них крепко встать.

Афродита пожалела Анхиса, но не простила ему хвастовство и потому как мужчину его разлюбила и оставила навсегда.

48. Детство и молодость

Гомер в «Иллиаде» поет, что герой Алкофой, любимцем богов Эсиетом на свет порожденный, – зятем приходился Анхису; на Гипподамии был он женат. Алкофой воспитал Энея. Там же Афродита называет Энея милым сыном, который всех больше ей дорог на свете.

В детстве Эней был очень смирным и послушным мальчиком, полной противоположностью Геракла. Нанятый в качестве домашнего учителя Алкида суровый спартанский воин, качая головой, не раз про него говорил:

– В единоборстве перворожденному сыну Алкмены не будет на земле равных, но настоящий воин из него никогда не получится, ибо для истинного воина очень важно уметь не только командовать, но и подчиняться. Даже скиптроносцы цари – люди, вскормленные самим Зевсом – должны уметь подчиняться, если не собранью народа, то уж, точно – закону и великим богам.

Алкид же, как знаменитый царь воинственного Лакедемона Агасикл, любивший внимать мудрецам, говорил, глядя в упор на своего учителя ясными голубыми глазами:

– Я мог бы без слов подчиниться только родному отцу и то не всегда. Тебе же и другим учителям я подчинюсь только в том, с чем сам я согласен.

Нежелание подчиняться привело к тому, что совсем юный Геракл убил учителя Лина. Диодор говорит, что Лин имел много учеников и из них три самых известных: Геракл, Фамир и Орфей. Из этих троих только Геракл, который учился играть на лире, был не в состоянии воспринимать то, чему его учили, из-за душевной тупости или из-за пренебрежения Музами. И вот однажды, когда Лин, как было принято, наказал отпрыска Зевса за лень и тупость палкой, тот рассердился и убил своего учителя одним ударом лиры по голове.

Эней же, любил подчиняться, но, разумеется, не всем, а лишь тем, кому, как он считал, он должен подчиняться.

Когда он был малым ребенком он подчинялся кормилице, и очень страдал от того, что у него, как бы, нет матери потому, что Афродита, хоть и называла сына милым и самым дорогим, очень редко виделась с ним. Став отроком, Эней во всем безоговорочно подчинялся отцу и учителям, позднее, как эфеб, он подчинялся гимнасиарху и по-прежнему родителю Анхису. Как муж, Анхисид подчинялся начальникам, а поскольку он был царского рода, то реально он подчинялся владыке Трои Приаму, народным собраниям и, конечно же, богам.

Согласно «Киприям» Стасина, юный Эней плывал вместе с Парисом в Спарту за Еленой Прекрасной. Он сам не был прорицателем, но трепетно выслушал оракул Гелена:

– За похищение прекрасной Спартанки, мощно вооружившись, вся оскорбленная Эллада отомстить поклянется. К нашим устремятся брегам на тысяче кораблей разгневанные данайцы. Могучий Ахиллес брата нашего Гектора убьет и его тело будет влачить в прахе вокруг стен Трои святой, которые до основания разрушит сын его Неоптолем.

То же пророчила, зелеными сверкая глазами, огненно – рыжая дева Кассандра:

– Если из Спарты Елену похитит Парис, смерть неминуемая на нас всех ополчится! К нам Атриды явятся на тысяче кораблей и с ними Эакид устремится непомерно свирепый! Без счета смертей обретет святая наша твердыня, а потом и сама бурно в огне запылает. Ждет меня в храме Афины ужасный позор, без могилы оставят обезглавленного Приама. Мы, невинные, страшную кару будем сносить за нечестивого похитителя!

Но никто не верил бесноватой Кассандре, один Эней к ней чутко прислушался и потому не приветствовал затею Париса, но, преисполненный благочестия, вынужден был подчиниться владыке Трои Приаму, попросившего его сопроводить недавно вновь обретенного сына.

Однако в Троянской войне сын богини любви сначала не участвовал и только после того, как Ахилл напал на его стада, он выступил против ахейцев.

49. Свадьба с Креусой

Когда Эней достиг брачного возраста, то сформулировал себе в качестве главной цели брака иметь законное потомство, желательно мужского пола. Причем он считал, что его потомство должно прежде всего служить богам, затем государству и лишь потом сохранять его собственный род, заботиться о семье, особенно о старших ее членах, исполнять обязанности по отношению к умершим, поддерживать в порядке и украшать их могилы...

Эней сам настоял на том, чтобы отец выбрал ему невесту, сказав, что Анхис в этом намного опытнее его, особенно, если учесть, что его супругой была сама богиня красоты и любви фиалковенчанная Афродита.

Анхис был доволен просьбой сына и выбрал ему в жены дочь своего троюродного брата царя Трои Приама Креусу, сказав, что при отдаленных степенях родства брак между родственниками считается даже очень желательным.

Браку Энея с Креусой, как и было положено, предшествовало обручение, причем невеста была торжественно обручаема отцом Приамом. Только на обручении жених и невеста познакомились. Дочь Приама оказалась невысокая роста, худощавая, смуглая, с совсем маленькой грудью, ей было не более шестнадцати лет. У нее были добрые карие глаза, которые больше всего понравились Энею.

Креусе так же больше всего понравились серые глаза жениха, его красиво очерченные брови и, конечно, таинственная улыбка, при которой он, подняв полумесяцем брови, улыбался, не обнажая зубов. Ей это показалось так таинственно и необычно, как будто он знал какую-то тайну богов, но раскрывать ее не торопился.

Эней настаивал, чтобы обязательно были соблюдены все обряды и церемонии, предшествовавшие браку. Поэтому к дню свадьбы были проведены разные обряды олимпийским богам – охранителям брака, были принесены торжественные жертвы всевышнему Зевсу и главной охранительнице брака Гере, детопитательнице и помощнице при родах безбрачной Артемиде и, конечно же, всемогущим Мойрам.

В день свадьбы жених и невеста выкупались, и в доме невесты, в чертоге Приама после различных церемоний, был устроен пышный свадебный пир, причем женщины с невестой сидели отдельно от мужчин.

Гости на свадьбе, а их было 12 сотен считались свидетелями заключенного брака. В разгар свадебного пира, для которого было заколото одних круторогих быков целая сотня (а еще забили сотню свиней белозубых и дичи пернатой без счета), вино лилось полноводной рекой, и все буйному предавались веселью. Огни благовоньем были насыщены щедро, на стенах всюду цветов плетеницы свисали, и чарующие звуки лиры, флейт мелодичные переливы и торжественные брачные песни звучали везде, – счастливые знаки праздничного свадебного веселья.

Прекрасный обнаженный юноша в одном шафрановом плаще и с венком из цветов боярышника с томной улыбкой потрясал светочи свадьбы. Гименей спел божественную брачную песню и вызвал у всех слезы умиления. Тут же он и сам заплакал и замер, толи крепко заснул под влиянием Диониса, толи умер в безутешной тоске о скоротечности юности и увядании красоты любой невесты, которая теряет девичью чистоту вследствие брака. Белые с нежно розовыми крапинками цветы боярышника на венке Гименя только, что бывшие свежими, вдруг завяли.

Поздним вечером после пира Эней сам заехал на украшенной колеснице за невестой, которая села между ним и ее близким родственником, в качестве которого она выбрала старшего брата Гектора.

На следующий день опять было брачное шествие. Перед колесницей брачной пары, запряженной четверкой белоснежных коней с позолоченными гривами и хвостами несли факелы. Креуса была в праздничном белом платье, с пурпурным поясом, на голове был венок и покрывало. Мать невесты Гекуба зажгла свадебный факел. Под божественное пение Гименя, под дивные флейт переливы и аккомпанемент кифар брачная процессия неспешно двигалась в дом Энея, украшенный пышной зеленью; там при встрече рассыпали сладости, а затем следовал новый свадебный пир уже в доме мужа. После пира с Креусы сняли покрывало и увели в брачный покой, у дверей которого пелась свадебная песнь.

На второй день после свадьбы Креусе, уже, как жене приносили подарки муж, родственники и друзья. Энею подарки принесли на третий день после свадьбы.

Эней и Креуса были счастливы и выглядели такими, и потому напрасно Софокл поет, что жалостен невесты, ожидающей лик, когда ей расстаться навсегда с землёй родимую велели и как сирую телицу на чужбину увели.

Самый знаменитый троянский защитник, сбежавший от смерти [6]

50. Троянская война

После свадьбы Энея и Креусы в мире произошло очень много событий, не просто наложивших отпечаток на их жизнь, но круто ее изменивших.

Многие, подобно мифографу Гигину, говорят, что, когда Зевс, влекомый пригожестью Нереиды Фетиды, стремился взять ее в жены, но не мог ни склонить к замужеству боязливую деву, ни умерить свою пылкую страсть, в это время непреложные Мойры предрекли пути Провидения, неотвратимо сбывающиеся по установленному их матерью жутколикой богиней необходимости Ананке Мировому порядку. Старая лишь обликом Мойра Лахесис, не разжимая старческих обескровленных губ, объявила:

– Кто бы ни стал супругом Фетиды, его сын превзойдет силой и славой отца.

Если бы Фетида родила сына от царя богов или от его брата Посейдона, то мир оказался бы на грани всемирной катастрофы, более ужасной, чем Титаномахия, ведь олимпийцы власть не уступили бы никому. Поэтому Зевс премудрый решает уступить божью честь супружества для Фетиды Пелею, своему внуку, сыну благочестивейшего Эака, которого ему родила Эгина.

Свадьба Пелея и Фетиды праздновалась на знаменитой горе Пелион в пещере мудрого кентавра Хирона, рожденного океанидой Филирой от первого некоронованного правителя богов Крона. Собравшиеся на пиршество боги прославляли молодоженов гимнами под волшебный аккомпанемент лучезарного Аполлона.

Боги славно попиrowали на свадьбе Пелея и Нереиды, поговорили, наслаждаясь приятной беседой взаимной, потанцевали и песни попели, утоляя жажду не нектаром медосладким, а вином искрометным, напитком изобретенным Ваххом гроздолюбивым.

Любила попиrowать и дочь мрачного Эреба и чернокрылой Нюкты Эрида. Однако эту богиню на свадьбу не пригласили, ибо она была богиней ссоры, споров, раздоров и вражды, а этого совсем не желали на свадьбе Фетиды богини и боги. Тем не менее, по непрекращаемой воле Мойры Лахесис, отвратительная видом Распря, у которой волосы-змеи под кровавой вились повязкой, незвано на свадьбу явилась и притом с коварным подарком – золотым яблоком из знаменитого сада Гесперид, которое сыграло громадную роль в развязывании Троянской войны и было названо «Яблоком раздора».

Распря как будто в подарок с дерева Геры, растущего в саду сладкоголосых дочерей Нюкты и Геспера похитила большое золотое яблоко и бросила его на пиршественный стол, на нем она коварно сделала крупными буквами надпись «Прекраснейшей».

Некоторые говорят, что отвратительная видом Эрида явилась на свадьбу Пелея и Фетиды по тайному приказу Громовержца, задумавшего мировую войну. Она бросила яблоко на середину стола, в то место его место, куда Гермес преднамеренно посадил вместе трех могучих олимпийских богинь Геру, Афину с одной стороны стола и Афродиту с ресницами, гнутыми напротив них.

Каждая из трех богинь громко, чтоб все слышали сказала, что именно она прекраснейшая и яблоко, по справедливости, принадлежит ей. Спор богинь оказался даже более жестокий, чем ожидали задумавший эту небывалую ссору Зевс и послушный исполнитель его воли Гермес.

Неизвестно чем закончилась бы ссора трех самых могучих олимпийских богинь, если бы Владыка блистательных высей Олимпа не восстал во весь свой огромный рост с высокого трона и не поднял руку, требуя так всеобщего внимания.

– Слушайте слово мое и боги небес, и богини: я вам поведаю, что мне в груди сердце внушает; и никто от богинь, и никто от богов да не помыслит слово мое ниспровергнуть; покорные все совокупно мне молча внимайте! Покой наш блаженный нарушен: трех наших олимпийских богинь Эрида рассорила. Не знаю кому бросила яблоко Распря, не любимая всеми, и знать не хочу – слишком много ей чести. Однако, что сделано, то уже в прошлом, а прошлое изменить даже я не могу. Затаенная вражда опаснее явной, и нет вражды неукротимей, чем ненависть между своими! Поэтому, чтобы решить спор между великими богинями мирно, сделаем так. Тритония, мудрая моя дочь, и ты грозная Гера, сестра моя и супруга, и ты улыбкалюбивая Афродита, все трое вы завтра пойдете с Гермесом на первый в истории конкурс красоты, который я сейчас учреждаю. На нем будет справедливо решен ваш спор из-за яблока с надписью «Прекраснейшей», нарочно брошенного Эридой, обиженной на то, что ее не пригласили на свадьбу Фетиды.

Троянский царевич Парис был выбран в качестве судьи на конкурсе красоты, на котором все три богини пытались его подкупить обещаниями. Афина обещала вдохнуть в него великую силу, сделать героем могучим, спасителем тысяч мужей в тяжелых сраженьях. Гера обещала властелином его не только над Троей – над Азией всею поставить. Киприда же, со стыдливостью женской расставшись, Пояс слегка распустила и, грудь бесподобную слегка обнажив, со сладкой улыбкой Парису сказала:

– Я дам тебе в жены самую красивую женщину, когда – либо жившую на земле – Елену Прекрасную, и ты очень скоро взойдешь на ложе этой любимой дочери Зевса.

И Парис решительно свой приговор огласил:

– Прекраснейшая из всех – Афродита, она Богиня Красоты и Мать Любви!

Оскорбленные Гера и Афина люто возненавидели не только Париса, но и всех троянцев и решили погубить Трою.

Впрочем, некоторые, как Дион Хрисостом, говорят, что немисливо, чтобы добродетельной супруге самого Зевса было бы недостаточно его приговора ее внешности, зачем ей мнение еще и какого-то пастуха на Иде. Невероятно, чтобы две самых умных и даже мудрых богини спорили за первенство в красоте с богиней красоты Афродитой. Равно непостижимо и то, что победившая в споре Афродита сделала присудившему ей победу Александру в благодарность такой ужасный дар, как Елена Прекрасная, принесший несчастья многим тысячам воинов, гибель огромному городу и позорную смерть самому троянскому царевичу – пастуху.

Парис-Александр с помощью Афродиты похищает из Спарты Елену Прекрасную, воспользовавшись отъездом ее мужа Менелая, и ее прежние женихи, давшие клятву, защищать выбранного ею супруга, собирают огромное войско и отправляются в поход на Трою. Начинается мировая Троянская война.

51. Причины Троянской войны

По мнению Геродота, Стация, Исократ и многих других историков и писателей, одной из главных причин Троянской войны была исконная ненависть между появившимися после дорийского завоевания Эллады эллинами (благочестивой Европой) и фригийцами (варварской Азией). Поводы для начала большой войны давали первые колонии греков в Малой Азии.

Некоторые в числе основных причин Троянской войны называют экономические и политические основания, обусловленные чисто географическим положением Трои. Ключевое положение Трои у проливов делало ее средоточием торговли со всем бассейном Понта Эвксинского. В этом городе веками скапливались огромные богатства, и потому он представлял желанную добычу для всех завоевателей.

Так же говорят, что истинной причиной Троянской войны было массовое переселение в Малую Азию фессалийских колонистов под предводительством царя Ахиллеса, и ахейских

переселенцев – под объединенным командованием Агамемнона и Менелая. Столкновение в Малой Азии и особенно на полуострове Трояда фессалийских и ахейских переселенцев с местными варварскими племенами, вылилось в долголетнюю и кровопролитную войну.

Мифологи называют в качестве причин Троянской войны избавление Геи – Земли от перенаселенности чрезмерно расплодившимися людьми и прославление знаменитых героев и божественной красоты Елены Прекрасной.

Об этом прямо поет Гесиод в своем Каталоге. Знаменитый сельский рапсо́д, призванный Музами вещать истину, поет, как в прозрачайших высях эфира гремющий Зевес – беспредельную твердь в смятенье мощно повергнуть решил и род человеков, судьбине подвластных, как можно больше и скорей истребить.

Рассказывают так же, что Кронид Эгиох пожелал, чтобы красота его дочери Елены Прекрасной прославилась на века, чтоб о ней говорили и через тысячи лет и не только в Элладе, но и во всем обитаемом мире. Зная, что знаменитость и слава рождаются не в спокойном благополучии, а в страшных войнах, и желая сделать память о своей дочери Елене славной навеки, Зевс замыслил мировую войну. Для этого в задуманной войне его дочь и ее красота должны были играть одну из главных ролей. Древние греки всегда вождели любви, и они вечно жаждали красоты, которая побеждала даже время и наоборот, вечно неутолимое желание прекрасного порождало всегда у них жажду любви. Если род людской расстанется с красотой, от угасанья его сберегающей, то весь окружающий мир быстро выродится в необитаемую пустыню. И для этого Олимпиец вызвал великую войну между варварской Троядой, нечестиво похитившей Красоту (его дочь Елену) и Элладой, копьем и мечом доблестно вернувшей Красоту, без которой эллины своей жизни не представляли.

Многие видели в Троянской войне замысле Мойр, простирающийся на тысячелетия. Дщери жутколикой Ананке выткали блестящее будущее троянцам: после того, как Парис могучего Ахилла повергнет и Троя падет, сын Афродиты Эней посетит много мест и в Италии завершит долгие скитания. Через 300 с небольшим лет потомки сына Энея Сильвия Ромул и Рем станут легендарными основателями вечного города Рима. Мир будет весь под властью потомков троянцев, их поколениям дано всюду царствовать долгие, долгие годы.

Таким образом, Могучая Судьба, которой нет сильнее силы, ибо предопределенного Роком не могут избежать даже сильнейшие из богов, выткала Троянскую войну затем, чтобы заставить побежденных троянцев бежать в Италию и заложить основы Древнего Рима, просуществовавшего, как империя, более тысячи лет.

Современники говорят, что римская культура дополнила древнегреческую, и совокупная античная культура, став основой европейской цивилизации, оказала огромное влияние на дальнейшее развитие всего человечества, что и было необходимо непререкаемым Мойрам.

52. Ахилл, опустошая окрестности Трои, преследует Энея

Стены Трои оказались неприступными: они были слишком высокими для лестниц и обычных осадных башен, слишком мощными для таранов, и слишком гладкими, огромные камни были очень плотно, без выступов пригнаны друг к другу. Ахейскими вождями и советниками было принято обычное при осаде хорошо укрепленных городов решение: постоянными набегами разорять окрестные селения, захватывать все ценное, а также домашних животных и другие припасы и, конечно, женщин без которых и воинам по ночам плохо спалось. Мужчин, которые были способны носить оружие, обычно убивали. Многие целыми семьями бежали из окрестных городков и поселков, чтобы укрыться за мощными стенами Илиона, и это было на руку осаждавшим – в городе быстрее расходовались продовольственные запасы.

Фукидид рассказывает, что из-за трудностей снабжения ахейцы выступили в поход с меньшими силами, именно с такими, какие они надеялись прокормить войной из местных

источников. Когда же по прибытии ахейцы одержали победу в сражении, то даже и тогда они не использовали для войны все свое войско, но трудности в добывании пищи заставили их заняться грабежами.

Больше всех в этом преуспел сын морской богини Фетиды Ахилл. На острове Тенедосе, царем которого был Тенес, сын Кикна и Проклии могучий Пелид убил Тенеса, хоть Фетида строго наказала ему ни в коем случае не убивать Тена, любимого Аполлоном. Она узнала от искусного в прорицаньях Протея, что после того, как Ахилл убьет Тенеса, сына лучезарного Феба, он сам будет обречен умереть от стрелы, пущенной смертным, но направленной ему в уязвимую пятку божественной рукой Стреловержца.

Затем Ахилл расправился с Кикном (лебедь), тело которого отец Посейдон сделал неуязвимым для любого оружия. Долго сын Фетиды сделать ничего не мог в битве с Кикном, который над ним даже издевался, говоря, что он все равно уйдет от Ахилла невредимым потому, что он сын не какой-то там Нереиды, а над всем морем Владыки. И тогда в сердце Ахилла вспыхнул приступ иступленного бешенства, свойственный всем великим героям, ведь в бою, благодаря бешеной ярости воителя, истинный герой становится совершенно бесстрашным, нечувствительным к боли и потому неуязвимым для врага. В неистовой ярости, подстрекаемый Лиссой безумной, шумно тогда Эакид с колесницы высокой вскочил и сверкающим молнии подобно мечом спокойно стоящего Кикна с маху разит много раз, ни малейшей не дает ему передышки. От страха Кикн попятился и упал. Ахилл навалился на него с огромной силою щитом и коленами грудь ему придавил и шлема стянул крепкие ремни, которые, охватив подбородок, горло Кикна сдавили, лишив дыхания, и вскоре от задушенного брэнного тела с изумленным криком бессмертная душа отлетела.

Аполлодор говорит, что варвары, увидев Кикна мертвым, в страхе кинулись бежать в город, а эллины преследовали их, и равнина покрылась трупами. Заперев троянцев в городе, обнесенном высокой стеной, греки продолжали его осаждать. Варвары соблюдали осторожность, но Ахиллес подстерег из засады юного сына Приама Троила и убил его в храме Аполлона Тимбрейского.

Затем Ахилл пленил Ликаона, одного из сыновей Дарданида Приама от наложницы Лаофои, о чем рассказал Гомер в «Илиаде»: В отцовском саду захватив, Ахиллес увел Ликаона в плен против воли, ночью внезапно напав, когда тот у смоковницы медью острой ветки срезал молодые для ручек своей колесницы. Здесь-то неожиданной бедою ему Ахиллес и явился. Продал его он тогда на прекрасно обстроенный Лемнос, морем пославши туда: был куплен он сыном русокудрого Ясона Эвнеем. Выкупил там Гетион его, гость и друг его давний, имбросец, плату большую отдав за него, и отправил в Арисбу. Скоро сбежав оттуда, в отеческий дом он вернулся, вместе с милыми сердцу друзьями одиннадцать дней веселился он духом, что Лемнос покинул.

Говорят, Ликаон тогда, как обещал, сотней отборных быков откупился и домой вернулся из плена на острове бога Гефеста, где был пленником – гостем у Ахиллеса, а не рабом. Сотня быков, даже и не отборных, это было огромное богатство, особенно для греческих воинов, испытывавших во время похода на Трои большие трудности со снабжением и больше всего с продовольствием – ведь питаться сотне тысяч здоровых мужей надо было каждый день и желательно не один раз.

Когда храбрейший ахейский воин Ахилл, опустошая окрестности Трои, добрался до горы Иды, он попытался захватить там стада Энея, но тот благоразумно бежал. Ахиллес, перебив пастухов вместе с Местором, сыном Приама, угнал много коров.

Дион Хрисостом говорит, что, выскочив из засады, Ахилл Энея застал врасплох и едва не убил его на Иде и многих других подстерег в чистом поле, а из крепостиц разорял те, что плохо охранялись. Ахейцам ведь так и не удалось установить свое господство над округою, за исключением той, где было их стойбище.

Сам Эней так рассказывает о том, как Ахилл согнал копьем его острым с лесистого склона Иды:

– Тогда я еще не воевал против ахейцев. Плохо Агамемнон наладил снабжение продовольствием своего войска, и его воины в первые девять лет войны больше грабили всех вокруг Илиона, чем воевали. И вот однажды на моих коров неожиданно нагрянул сам Ахиллес во главе своих доблестных мирмидонцев, он тогда совсем разорил Лирнесс и Педас. Со мной было всего несколько охранников и пастухов, и мы не могли оказать сыну морской богини Фетиды достойного сопротивления. Но послал мне спасенье сам Зевс, из населяющих высокое небо богов величайший, у меня возбудив и силы, и быстрые ноги. Иначе от страшных рук безумного в бою Ахиллеса я бы точно погиб, ведь ему все время могучая помогала Афина: шла Паллада в полном вооружении со своим огромным копьем пред ним и верную победу ему несла, побуждая его пикой медной избивать и троян, и союзников их верных.

Некоторые говорят, что Эней тогда сумел убежать от быстрого Ахиллеса не потому, что Зевс Сотер (спаситель) возбудил его быстрые ноги, а потому, что у него были Тросовы кони, которые очень быстро умеют по равнине мчаться равно и в погоне за врагом, и в бегстве, спасаясь. Этих божественных коней Трос получил от Кронида в утешение за похищенного им красавца отрока Ганимеда, тросова сына. Правда не ясно, где были божественные кони самого Ахилла, Балий и Ксанф, которые были не только говорящими, но и самыми быстрыми.

53. Обиженный Ахилл оставляет сражения, и выдвигается Диомед

Агамемнон обесчестил Хриса-жреца Аполлона, когда тот к кораблям ахейцев явился, чтоб из позорного плена вызволить свою дочь Астиному, при этом, он за нее предложил достойнейший выкуп. Все ахейцы, услышавшие мольбу жреца Аполлона, изъявили свое согласие криком всеобщим честь ему оказать и принять за освобождение дочери выкуп достойный. Однако вождю всего войска Агамемнону было не по сердцу такое решение. Отданная ему Хрисеида успела уже в его сердце и членах разжечь настоящий любовный пожар, и потому жреца он прогнал. Затрепетал старый жрец и, царскому послушный приказу, опустив низко седую голову, молча побрел по прибрежному песку, прося защиты у Феба. Быстро с мощных вершин олимпийских губительный Феб снизошел и, сев никому из смертных незримый пред ахейскими кораблями, Феб Гекатебол (Метатель стрел) тугую тетиву натянул; страшно серебряный лук загудел под его гневной рукой. Лошадей начал сперва и резвых собак поражать он, как бы давая время задуматься людям, смерти причастным. После того, как люди не вняли предупреждению бога, и в мужей посыпались скорбь несущие людям его смертоносные стрелы. И скоро очистительное пламя множественных костров погребальных запылало по всему корабельному стану ахейцев. Тогда прорицатель Калхант, заручившись поддержкой Ахилла, изрек, что ахейцы гибнут от мора и от стрел Дальновержца за то, что сильно обидел Хриса, жреца его Агамемнон. Старший Атрид согласился возратить Хрисеиду, но в обмен отобрал Брисеиду у Ахиллеса. Сын богини, впав в неистовый гнев, жестоко поспорился с унижившим его Агамемноном и обиделся на других ахейских вождей, хранивших молчание во время той ссоры.

Ахилл клятвенно пригрозил, что не будет больше сражаться до тех пор, пока Гектор не начнет жечь корабли и не придет к мирмидонскому корабельному стану.

Некоторые говорят, что истинным соперником Ахилла в завоевании славы был не могущественный Агамемнон и тем более не другие ахейцы, а доблестью гордый Тидид Диомед. Это самый мужественный и храбрый воин среди ахейцев, если не считать самого сына Пелея, хотя иногда он превосходил и его. Ахилл и Диомед никогда не сражались в одном месте одновременно и потому их иногда называли не только соперниками, но и двойниками.

В отсутствие оставившего сражения Пелида Афина решила усилить и без того могучего Диомеда, которому ее покровительство сначала досталось по наследству от отца – героя первой фиванской войны Тидея, а потом Паллада и самого полюбила Тидида. Как ни пламенно прежде пылал он с врагами сражаться, ныне втрое у него увеличилась храбрость и сила. Он стал как мощный лев, легко раненый пастухом, еще больше силы свирепой в нем пробудилось, и пастух, его отразить не надеясь, укрыться за стенами дома спешит. Мечутся сирые овцы, беспорядочно по овчарне толпятся, наталкиваясь друг на друга, а лев, легким ранением распаленный, врывается к ним, перепрыгнув через ограду и начинает без счета их истреблять.

Так Диомед распаленный Афиной мощно вырвался в фаланги троянцев и истреблял их без счета.

54. Диомед ранит Энея

Видел не однажды могучий Эней, как троянцев безжалостно Диомед умертвляет. Наконец, благоразумный Анхисид решил положить конец диомедовой аристии (подвиги). Быстро пошел он сквозь гремящую сечу, сквозь гудящие копья и свистящие стрелы, но не к Тидиду сын улыбкалюбивой Киприды спешил, а к Пандару, лучнику, самому Стреловержцу подобному. Найдя Пандара, Эней, подняв красивые брови и улыбнувшись, не обнажая зубов, такое сказал ему слово:

– Милый Пандар, ведь ты лучник от бога! Руки искусные к Зевесу воздень и пусти-ка стрелу свою в того мужа могучего, который так много смертей принес ратям троянским, и многим, и самым сильным расслабил колени.

– Муж тот могучий – Тидей. Щит я его узнаю и шлем дыроокий, вижу его лошадей. Я ведь в него уж стрелял и в плечо правое ранил, но его не сразил, а только сильней раззадорил! Это известие не охладило Энея, и он предложил:

– Давай на конях выступим оба Тидиду навстречу и на нем испробуем наше оружие.

И лучник Пандар с могучим Энеем вскачь на Диомеда пустили своих коней.

Только увидел Пандара Сфенел, блистательный сын Капанея, самого дерзкого из Семи героев, пошедших на Фивы, – немедля к Тидееву сыну слова он крылатые устремляет:

– Храбрый Тидид Диомед, о мой друг драгоценный! Вижу могучих мужей, летящих к нам на конях биться с тобою! Мощь их неизмерима: один – прославленный лучник Пандар, гордящийся тем, что бесстрашным рожден Ликаоном. С ним же рядом стоит в колеснице Эней, родитель его добродушный Анхис, а мать – Афродита богиня. Взойди же скорей в колесницу и вспять быстро мы уклонимся. Так бросаясь сражаться в самых передних фалангах, жизнь свою скоро погубишь!

Грозно взглянув на него, ответил с осуждением суровым Диомед многомогучий:

– Смокни! Не говори мне об уклоненье от битвы, к нему ты меня не приклонишь. Я тебе не Ахилл, который, хоть и считается самым храбрейшим, но сидит вдали от сраженья в безопасном шатре и на трофейной форминге песни о героях бряцает. Не в породе моей, чтоб я отступил среди боя или спрятался от сражений, охваченный трепетом: крепка еще моя сила! Мне даже лень всходить в колесницу; навстречу обоим пешим пойду. Обоих этих мужей назад быстроногие кони отсюда не унесут в Илион, – и один-то едва ли спасется, говорю я тебе. Если Афиною мне будет дарована слава жизни лишить их обоих – ты коней наших здесь удержи, вокруг поручней обмотав крепкие вожжи. Сам же вперед устремись, о конях помышляя Энея, и от троянцев гони их к ахейцам в стан корабельный. Кони те из породы, что когда-то Зевес Громовержец Тросу дал, как выкуп, за сына его Ганимеда, – они превосходят всех коней, живущих под луной и под солнцем. Тайно Анхис от коней этих племя похитил, к ним кобылиц подослав, украдкой от Лаомедонта. Шесть жеребят у него родилось приплода в конюшне. Сам

четырёх у себя он оставил и кормит из яслей, сыну Энею отдал двух коней, разносящих ужас в сраженьях и, если мы коней тех захватим, стяжаем великую славу.

Пока Диомед и Сфенел меж собою взаимно вещали, к ним примчались враги, погоня своих особенных лошадей быстроногих. Первым крикнул многомогущему сыну Тидея блистательный сын Ликаона:

– Диомед, духом могучий! Вижу, что не смирен ты моей пернатой стрелой. Сейчас попытаюсь это сделать копьем, им вернее уметить!

Так сказав, мощно Пандар бросил в Диомеда копье, и все кожи щита пронзило его острое жало, и со звоном ударилось в латы. Радостно смеясь, громко воскликнул Диомеду блистательный сын Ликаона:

– Ранен ты в пах, и насквозь! Уж теперь, я надеюсь, недолго ты сможешь держаться, и будет мне, наконец, дарована Мойрой великая слава!

С едкой улыбкой, надменно ответил ему Диомед многомогущий:

– Нет, ошибаешься! Празден удар твой! Но вы, я надеюсь, оба прежде едва ль отдохнете, пока один из вас здесь надолго не ляжет и кровью своею не насытит неистового бога Арея.

Так горделиво сказал Диомед и быстро метнул копье свое бурное, которое Афина, незримая всем, направила Пандару прямо в смеющийся рот. Наконечник копья, белые зубы разбив, язык в горло воткнул и замер в затылке. Рухнул с колесницы Пандар, подобно высокой сосне, срубленной дровосеком, и доспехи павшего в прах в последний раз загремели. Дернулись быстрые Тросовы кони, когда бесплотная Пандара душа с неистовым криком излетела из брэнного тела.

Спрыгнул на землю Эней со щитом и с огромною пикой, боясь, что пандарово тело похитят ахейцы. Он возле трупа ходить стал, словно лев, своим могуществом гордый, пику вперед выставлял и криком ужасным убить угрожал любого, кто б не приблизился.

Однако доблестный Диомед ничьих угроз не боялся, он схватил камень огромный, какой не подняли бы и двое ныне живущих сильных людей, а он один размахнулся и бросил. Камень попал Энею в бедро, где кость раздробил и сухожилия разорвал.

Эней пал на колени, опираясь о землю рукой, и в глазах его черная ночь проступила, и две Керы, демоницы кровавые смерти в предвкушении верной поживы с неистовыми воплями над ним закружились.

55. Диомед ранит Афродиту

Тут бы погиб неизбежно Эней, если б внимательно за сыном не следила Киприда, когда-то породившая его с юным Анхисом, стадо на горе Иде пасущим.

Появившаяся неизвестно откуда никому не видимая Афина язвительно проговорила Пафийке, выпучив надменно глаза:

– Если в сражении с Диомедом, Энея ты решишь живым из боя кровавого вырвать, то на себя милая обижайся! Мало ли здесь сыновей, от бессмертных рожденных, под Троей дерется, и всех этих богов страшно ты разозлишь, если позволишь сделать себе то, что никому не позволено, даже всемогущему Зевсу.

Испугавшаяся за Энея Афродита не обратила внимания на слова Афины Паллады. Белые руки вокруг милого сына обвив, Пестроузорный Пояс пред ним распростерла, защищая от копий и стрел, чтоб какой-нибудь конник данайский, грудь ему не пронзил и души у него не исторгнул.

Сфенел между тем не забыл приказаний, данных ему Диомедом: своих лошадей он поставил подальше от схватки и, вожжи к поручню привязав, бросился быстро к коням быстроногим героя Энея. Этих чудных коней он отогнал от троян поближе к ахейцам и передал Деипилу, другу, с которым в мыслях всех ближе сходил, чтобы в стан корабельный коней отогнал он.

Затем Сфенел вновь на свою колесницу взошел и, схватив блестящие вожжи, быстро погнал коней к Диомеду.

Сын же Тидея в это время золотую Киприду преследовал гибельной медью: знал он прекрасно, что она не от мощных богинь, что присутствуют в битвах, таких, как неистовая Энио, города разносящая в прах или Афина еще более могучая.

Прорвавшись сквозь толпы густые, Диомед дерзновенный Пафийку догнал и острой медью ударил ей по нежной руке, которая сына раненного держала и Пестроузорным поясом не была защищена. Пеплос вешний, нетленный, самими Харитами тканый, наконечник медный прорвал и около кисти в руку вошел. Ручьем заструился бессмертный ихор у богини, – влага голубая, которая в жилах течет у богов всеблаженных: хлеба они не едят, не вкушают вина, потому-то крови и нет в них, и люди бессмертными их называют.

Вскрикнула от боли громко богиня красоты и любви и выронила из объятий милого сына на землю. Тут по воле никогда не дремлющей Мойры Лахесис рядом оказался Летоид, и на руки быстро лучезарный бог подхватил сына Киприды и облаком черным закрыл, чтоб никто ничего не увидел.

Разгоряченный погоней громко Тидид закричал Афродите:

– Скройся, Пафийка коварная! Удались подальше от боя! Или мало тебе, что бессильных ты жен обольщаешь? Хочешь еще и в битвы мешаться? Теперь, я полагаю, в ужас битва тебя приведет, лишь только услышишь ее шум издалека!

Не отвечая, удалилась фиалковенчанная богиня, вне себя от мучительного страдания. Глубокая скорбь ее прелестное лицо омрачило, и задрожало ее прекрасное тело.

Тут быстроногая появилась Ирида и Киприду повела из сраженья, под руку заботливо подхватив. Совсем близко от пылающей битвы нашли они буйного бога Ареса. Он сидел, привязав лошадей и копьё прислонив к низкому темному облаку. Пала не улыбающаяся Афродита на колени пред бывшим супругом и стала умолять его одолжить ей его бессмертных коней, рожденных Эринией Аллекто от бородатого ветра Борейя:

– Дай мне на время твоих лошадей, помоги мне, Арес дорогой мой, чтобы могла я достигнуть Олимпа, где божественный есть врачеватель. Слишком я сильно страдаю от раны, Диомедом мне нанесенной, дерзким сыном Тидея, который готов и с самим Зевсом сразиться.

Молча Арес уступил ей своих черных коней и, сердцем милым печалась, она взошла в его колесницу. С ней поднялась и богиня Ирида и, вожжи забрав, Арея коней огнедышащих хлестнула бичом, и как ветер полетели послушные кони. Быстро достигли они нетленного жилища богов на мощных высях Олимпа. Там удержала коней ветроногая вестница Геры и, отрешив от ярма, им амбросии бросила в пищу, а Киприда для излечения поспешила к Пеану.

56. Феб просит Арея изгнать Диомеда из боя

Тидид между тем порывался к Энею, хоть и догадывался, что сам мощный Летоид свою руку могучую над ним простирает. Разгоряченный боем, он не страшился и бога такого великого. Рвался всем своим существом смерти Энея предать и доспех его славный похитить. Трижды бросался Тидид, умертвить, порываясь Энея, и трижды в блистающий щит слегка Летоид ударял Диомеда. Однако, когда и в четвертый раз Тидид бурно к нему устремился, голосом страшным ему загремел Дальновержец:

– В разум приди, нечестивец! Отступи и даже не помышляй равняться с богами, сын дерзкий Тидеев! Никогда подобными не окажутся племя вечных богов и племя людей, для смерти рожденных. Отпрыск смертной не достигнет мощных высей Олимпа! Трепещи перед гневом бессмертных!

Диомед огляделся вокруг, надеясь узреть Афину-Палладу, но нигде не увидел могучей дочери Зевса. Тут сын Тидея по – настоящему испугался, как не пугался в жизни еще никогда.

Он подумал, что ему сейчас придется с могучим Летоидом биться, если не из-за Энея, то из-за ранения им Афродиты. Тут же назад быстро отступил Диомед, гнева желая избегнуть далеко разящего Феба.

Аполлон же Энея, из схватки яростной вынес и в храме прекрасном своем положил, в крепостенном Пергаме священном для Трои. Сыну Анхиса и милоулыбчивой Афродиты в великом святилище том возвратила мощь и пригожесть титанида Лето, самая кроткая на Олимпе богиня вместе с сыном своим Пеаном – непревзойденным врачом и целителем олимпийских богов.

После того, как вместе с матерью Энея исцелил, Пеан создал обманчивый призрак, обликом схожий с Энеем и точно в таких же доспехах. Около призрака фаланги сошлись троян и ахейцев и разбивали друг другу ударами кожи воловьей круглых тяжелых щитов и легких щитков окрыленных.

Сам же Феб обратился к Аресу, свирепому богу неистовой кровавой войны:

– Внемли мне, Эниалий, нашего Олимпа оплот и земных твердынь сокрушитель! Не сгнишь ли с поля боя ты этого мужа спесивого, сына Тидея, который дерзко готов и с Олимпийцем сразиться? Прежде, как ты сам видел, когда своих коней Киприде давал, он ей руку поранил у кисти, после и против меня устремился, будто он тоже бессмертный.

Не дождавшись ответа, Пифиец оставил Арея и воссел на одной из самых высоких горных вершин древнего Пергама, ибо знал он прекрасно, что последует дальше.

Некоторые удивляются – почему олимпиец могучий, одно из прозвищ которого было Улей (Убийца), не убил сам Диомеда, а лишь трижды ударял его в щит, а потом, как слабосильный, к Арею за помощью обратился? Другие же не удивляются и это так объясняют: Дельфиец, как бог-прорицатель, отлично знал, какую смерть предуготовила непреложная Мойра Лахесис для Диомеда и не пытался спорить с Могучей Судьбой и изменять ее предначертанье. К Аресу же Феб обратился еще и коварно (так он делал нередко), ибо ведал, что дерзкий герой паразит бессмертную плоть нелюбимого брата и заставит его тяжело страдать.

57. Арес возбуждает Гектора, а Феб усиливает Энея

Грозный Арес той порой фаланги троян возбудить устремился, образ приняв Акаманта, вождя удалого фракийцев, и его голосом звонким воззвал он к сыновьям владыки Приама, гордым питомцам Зевеса:

– О, благородные дети Приама, охраняемого Зевсом великим! Долго ль троян убивать вы будете позволять надменным ахейцам? Или пока не начнут они на стенах Илионских и в воротах сражаться?! Вождь, почтенный для нас, как божественный Гектор, доблестью славный Эней, знаменитый сын благочестивого Анхиса и фиалковенчанной Афродиты, жив, но повержен! Давайте же грянем и спасем благородного друга от смерти иль позорного плена!

Истово так взывая, Арес возбуждал и огромную силу, и бурное мужество в каждом защитнике Трои. И Сарпедон, доблестный сын и правнук Зевеса, к старшему сыну Приама тут обратился с укоризненной речью:

– Гектор, где твоя хваленая доблесть, которой ты прежде всегда так гордился? Ты говорил, что и один, без народов союзных наш город удержишь, лишь со своими зятьями и братьями, и где же они? Здесь ни одного я не могу приметить. Спрятались в страхе они от сраженья, словно псы перед львами. Мы же сражаемся здесь, хоть всего лишь союзники ваши. Вот и я, к вам пришел совсем издалека, ибо Ликия моя и берега вашего Ксанфа не близки. Там я супругу дорогую оставил, сына – младенца и много сокровищ, до которых алчны корыстные люди. Все ж, на это все не взирая, в бой веду я ликийцев и сам в поединке готов сразиться с врагом, ничего не имея в Троаде такого, что бы могли у меня увести иль унести аргивяне. Ты ж, сам неподвижно стоишь и других не побуждаешь храбро сражаться, жен и детей своих

защищать. Как бы не стать всем нам добычей врагов беспощадных и не оказаться в плену! Скоро тогда неприятель разрушит ваш город прекрасный! Ты, чтоб этого не случилось, должен о победе заботиться денно и ночью, должен храбро сам воевать и вождей всех заставить бой непрестанно вести. Делами такими ты упреки мои справедливые опровергнешь!

Гектора гордое сердце глубоко укололи слова Сарпедона. Ничего ему не ответив, вмиг со своей колесницы он прынул на землю, острым копьем потрясая, всех стал яростно на бой распалать, и воздвиг жестокую сечу. Повернувшись назад, дружно на ахейцев налетели троянцы. Те же, сомкнув плотнее ряды, копьями оцетинились и дожидались врагов, не робея. Ахейцы белыми стали от пыли, которую между бойцами до самого неба вздымали копытами кони, перемешавшиеся в битве.

Так же, как ветер всюду разносит при веянье хлеба мякину, когда благая Деметра под мякины зерно отделяет, и от мякины все бело вокруг, – так тогда и ахейцы совсем белыми стали от пыли, которую между бойцами до самого неба вздымали копытами кони, перемешавшись друг с другом. Воины обоих народов рук своих силу и душевную ненависть несли на врагов.

Непроглядный сумрак разлил над полем боя иступленный Арес, помогая троянцам, всюду с поддержкой спеша, делая, что хотелось самому и исполняя пожелание Аполлона.

Сам же, Феб, исцеленного от раны Энея из пышного святилища вывел и большой силой его тело наполнил. Анхисида увидев, возликовали друзья, что снова он живой, невредимый, блистающий силой и красотой перед ними стоит, но спросить его ни о чем не успели: неотложное дело их иное заботило, на которое звал Стреловец и вечно забрызганный кровью Арей с ненасытными в сражениях своими спутницами неистовой Энио и Распрей-Эридой.

58. После гибели возлюбленного Патрокла Ахилл вновь начинает сражаться

Выполняя данное Фетиде обещание отомстить за ее сына, Зевс войску троянцев дарует победы до тех пор, пока ахейцы не осознают несправедливость свою, Ахилла почтить не придут и славы ему не умножат.

Ободренные успехами троянцы, покинув спасительные стены, перенесли сражения сначала на равнину, а потом и вовсе к ахейскому стану. Сарпедон делает в защитной стене, возведенной ахейцами вокруг кораблей, пролом, а Гектор камнем огромным разрушает ворота.

Гектор повсюду свирепствовал, словно неистовый Арес, кровавый мужегубитель. Доблестный Приамид вновь и вновь свирепо устремлялся на ахейские толпы. Он налетал, как с разбега высокая волна на корабль налетает, ветром вскормленная, бурно несется она по поверхности моря; забрызган доверху пеной корабль; порывы ветра в парусе завывают; трепещут сердца корабельщиков бледных, страхом объятых, ибо они по неизбежности со смертью играют.

Большинство ахейцев уж лицом повернулось к своим кораблям; меж судов более дальних от моря уж многие без оглядки данайцы бежали, а за их плечами троянцы как ветер неслись.

Гектор не оставался в толпе остальных закованных в латы троянцев. Так же, как мощный орел камнем падает сверху и бросается яростно на перелетную стаю гусей, лебедей длинношеих или журавлей, на речном побережье пасущихся мирно, так же точно и Гектор бурно рвался к ближайшим кораблям. Рукой огромной своей с олимпийских высот Зевс его направлял, этим ободряя все троянское войско.

С новой силой свирепая битва вблизи кораблей запылала. Страшно уставшие, словно свежие рати опять друг против друга сошлись, с ожесточенным рвением все сражались. При этом ахейцы все же стремились неминуемой смерти избежать. Лучшие вожди Агамемнон, Диомед, Одиссей и другие были ранены.

Сердце ж в груди у троянцев пылало жадной сжечь корабли и перебить перед ними ахейцев.

Отчаявшиеся ахейцы посылали к Ахиллу посольство с мольбой гнев прекратить и выйти сражаться, но безрезультатно – Пелид продолжал упорствовать в обиде на вождей и гнев на Агамемнона.

И тут Патрокл стал просить своего возлюбленного друга позволить ему во главе его мирмидонцев, от битв хорошо отдохнувших, вмешаться в сражение. Ахилл разрешил и даже дал Патроклу свой нетленный доспех, будучи уверенным, что он защитит друга от оружия в смертной руке. Возглавивший ахейцев Патрокл отбросил троянцев не только от кораблей, но и заставил укрыться за стенами Илиона. Когда увлекшийся Менетид попытался развить успех и ворваться в Трою, разгневанный Аполлон ударил его могучей рукой и сорвал нетленный доспех Пелида. Гектор добил Патрокла и овладел божественным доспехом Ахилла. Фетида упростила Гефеста сделать для сына новый доспех, и Ахилл вышел сражаться, чтобы сначала жестоко отомстить Гектору, а потом и Трою разрушить.

59. Феб поднимает против Ахилла Энея

Пелид, подобно кровавому демону смерти, сеял вокруг себя гибель, но больше всего он стремился, ворвавшись во вражеские толпы густые, где-нибудь Гектора встретить. Неистовый дух Ахилла больше всего порывался Гектора кровью черной насытить Ареса, воителя буйного, грозного неистовой силой.

Тут на Ахилла поднял Аполлон сына Анхиса и Афродиты Энея. Как бог-прорицатель, владеющий знаменитейшим в Элладе оракулом в Дельфах, Аполлон Мойрагет (Водитель Мойр) знал, что произойдет в каждый день Троянской войны. Поэтому он не надеялся, что Эней сможет исторгнуть душу из тела великого Ахиллеса, но не делать того, что было предназначено ему самому, он не мог, ибо и бессмертные боги были всего лишь игрушками в руках бесстрастной Могучей Судьбы. Хотя в «Гимне солнцу» Прокл поет, что даже и хор несгибаемых Мойр пред Аполлоном отступает, стоит ему пожелать – и, ему угождая, изменят нить неизбежной Судьбы, столь силен он, и столь он державен.

Образ, приняв Ликаона, Феб, скривив губы, с легкой укоризной Энею промолвил:

– Где же, Эней, исполненье твоих обещаний, или не ты в Илионе, за полной чашей с царями пируя, им говорил, что один на один с Ахиллесом сразишься? Как видишь, вновь воюет Пелид, и вновь троянцев умерщвляет без счета, но ты, сын могучей олимпийской богини с ним, как будто, встречи не ищешь?

Анхисид, герой, по общему мнению, мужественный, но осторожный, ему отвечая, с обидой промолвил:

– Что ты меня, Приамид, против воли моей побуждаешь с сыном отважным Пелея в кровавую выступить битву? Он уж однажды согнал своим копьем пелионским меня с Иды, но послал тогда мне спасение Сотер, у меня возбудив в ногах особую быстроту, иначе я бы погиб от рук Ахиллеса, опекаемого Афиной: шла ведь в эгиде бахромчатой она перед ним и победу ему несла неизбежную. Вот почему никому невозможно с Пелидом сражаться: вечно при нем кто-нибудь из богов, кто беду от него отвращает и победу дарует. Вот если бы бог нам равным в бою сделал возможный исход, то я бы отважился с ним сразиться!

– Так помолись же вечносущим богам! Пелид родился от низшей богини. Мать твоя – тетка великого Зевса, а сейчас – его приемная дочь, Фетида же – дочь Старца Морского. Прямо с блестящей медью иди на Безгубого, не смущаясь ни пустой его речью, ни дерзкой угрозой!

Молвил Феб и на миг приоткрыл свой божественный лик и великую мощь, и уверенность в собственных силах вдохнул царю дарданцев Энею.

От вездесущей Геры не скрылось, как через толпы мужей к Ахиллесу навстречу возбужденный Аполлоном начал Эней пробираться. Став посредине богов, она обратилась к ним с такой гневной речью:

– Боги, посмотрите, как этот Эней, сын любящей блуд Афродиты, облеченный блистающей медью, выходит на Ахиллеса, его подстрекнул Дальновержец на это, должно быть, Локсию это надо зачем-то. Надобно бы назад оттеснить нам отсюда сына Анхиса, или чтоб также из нас кто явился на помощь Пелиду, силу великую дал бы ему и беспримерной исполнил отвагой. Пусть он знает, что любят его среди богов олимпийских самые мощные богини и боги, а те, что доселе троянцам помощь давали в войне и сраженьях, малосильны и даже по-своему жалки. Все мы с Олимпа спустились сюда, чтоб участие в битве этой принять, чтоб беды не случилось какой с храбрым сыном нашей среброногой Фетиды. Потом же претерпит он все, что ему при рождении красавица Клото выпряла с нитью, когда родила его мать. Если об этом о всем из уст он богов не узнает, то испугается, встретясь в бою с кем-нибудь из бессмертных. Тяжко для смертного явление бога, представшего в своем истинном виде!

Чернокудрый ей отвечал Посейдон, могучий Земли Колебатель:

– Гера, свирепствуешь ты неразумно. Зачем тебе это? Очень бы мне не хотелось, чтоб боги друг с другом сражались, хоть намного мы их сильнее! Лучше давайте с поля сраженья сойдем и на месте возвышенном сядем, а смертные пусть о войне многослезной позаботятся сами. Если же Феб-Аполлон или Арес вмешаются в битву, если удержат Пелида и биться ему помешают, тотчас тогда против них мы вступим в сражение и сами. Скоро, я думаю, выйдя из битвы губительной этой, те против воли своей на Олимп возвратятся, в собрание бессмертных богов, рукой укрощенные нашей.

После речи такой, довольный собой, повел Черновласый богов за собой к кругообразному валу Геракла; вал тот высокий троянцы совместно с Афиной Гераклу некогда сделали, чтоб от морского чудовища прятаться мог он в башне, когда на равнину оно устремлялось из моря.

Там, на валу воссел Посейдон и другие стоявшие за ахейцев бессмертные боги, плечи окутав себе непроглядным туманом. Напротив них сели враждебные боги, разместившись около лучезарного Феба и буйного Ареса, городов разрушителя! Так, принимая решения, напротив друг друга сидели блаженные боги.

60. Поединок Энея с Ахиллом

И вот два храбрых героя, затмевавших отвагой многих мужей, начали неуклонно сходить, между собой желая сразиться, – сын Анхиса и улыбкалюбивой Киприды Эней и Пелид, сын Пелея и среброногой Фетиды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.